
Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 5 (126). Август, 2012

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

В. Б. Акулов, доктор экономических наук, профессор

Э. К. Зильбер, доктор медицинских наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

И. Р. Шегельман, доктор технических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 272.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)	ПААВО ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (Йоенсуу, Финляндия)
И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)	И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)	Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)
А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)	СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА
доктор философии, профессор
(Оулу, Финляндия)
МАРЕК ВОХОЗКА
доктор экономических наук
(Чешские Будейовицы, Чешская Республика)	Л. Н. ТИМОФЕЕВА
доктор политических наук, профессор (Москва)
Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)	А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)	МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (Белград, Сербия)
В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)	Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

В. А. АЧКАСОВ
доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург)	Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
Т. А. БАБАКОВА
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)	В. С. МАКСИМОВА
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)
С. Г. ВЕРИГИН
кандидат исторических наук (Петрозаводск)	Н. В. ПАТРОЕВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
А. В. ВОЛКОВ
кандидат философских наук (Петрозаводск)	А. М. ПАШКОВ
кандидат исторических наук
РИХО ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (г. Хельсинки, Финляндия)	В. М. ПИВОЕВ
доктор философских наук,
профессор (Петрозаводск)
П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)	С. Н. ЧЕРНОВ
доктор юридических наук,
профессор (Петрозаводск)
С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)	М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук
А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)	

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 5 (126). August, 2012

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Vladimir B. Akulov, Doctor of Economic Sciences, Professor

Elmira K. Zilber, Doctor of Medical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,

The RAS Corresponding Member

Il'ya R. Shegelman, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.

The articles are reviewed.

The Editor's Office Address

185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711

Petrozavodsk, Republic of Karelia

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

V. BOLSHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)	PAAVO PELKONEN
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)
I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)	I. ROMANOVSKY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)
V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Moscow)	E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)
A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)	HELENA SULKALA
Doctor of Philosophy,
Professor (Oulu, Finland)
MAREK VOCHOZKA
Doctor of Economic Sciences
(Ceske Budejovice, Czech Republic)	L. TIMOFEEVA
Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)
N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)	A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)	M. CHARKICH
the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)
V. ORPHINSKY
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)	R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series "Social Sciences & Humanities"

V. ACHKASOV
Doctor of Political Sciences,
Professor (St. Petersburg)	A. KUNIL'SKIY
Doktor of Philological Sciences,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)
T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)	T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
S. VERIGIN
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)	V. MAXIMOVA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
A. VOLKOV
Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)	N. PATROEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
R. GRYŮNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)	A. PASHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
P. ZAIKOV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)	V. PIVOEV
Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)
S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)	S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
	M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Ганелин Р. Ш.*
В штабе Карельского фронта (по воспоминаниям
И. М. Дьяконова и Е. Г. Эткинда) 7
- Христофоров В. С.*
Военное сотрудничество Германии и Финляндии
в 1940–1941 годах 12
- Егоров А. Н.*
Образ либерала в консервативной публицистике
Российской империи начала XX века 17
- Килян Ю. М.*
Soviet-Finnish War 1939–1940 and Red Army's losses. . 21
- Кузванова О. Ю.*
Символические ресурсы этничности (на примере
коми народа) 25
- Чернякова И. А.*
Local Karelian Parish community as object for social
and demographic research: Yalguba area in context
of XIXth century archival quantitative documentary
sources 30
- Попова Ю. Н.*
Предания как источник для изучения историче-
ской памяти народа (на примере Олонецкой губернии) 36

ПЕДАГОГИКА

- Регер Т. В.*
Педагогическое сопровождение учащихся в ин-
формационном пространстве в процессе воспи-
тания ценностных отношений. 39

ПОЛИТОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

- Шлапеко Е. А.*
Северный регионализм: истоки и развитие 42
- Базанов В. А.*
Социально-исторические и культурные факторы
формирования русскоязычных мигрантских со-
обществ 45

ФИЛОЛОГИЯ

- Макарова Е. Н.*
Типы информационного фокуса в английском
высказывании и трудности его выражения в ино-
язычной речи 49
- Новак М. О.*
Жанрово-стилистическая специфика древнесла-
вянского перевода Апостола и ее языковые по-
казатели 53
- Варламов А. Н.*
Стоило ли распугивать птиц, или Пришвин в Ка-
релии 58
- Жиркова М. А.*
Автор и его герои в поэтическом сборнике «Дет-
ский остров» Саши Черного 68
- Захарченко С. О.*
Гоголь на Корфу 72

ФИЛОСОФИЯ

- Ганина С. А.*
Проблемы взаимодействия поколений в русской
культурной традиции: философский анализ 75
- Пчелина О. В.*
«Грядущий Хам» и «Окаянные дни»: Мережков-
ский и Бунин о личном и социальном 79

ЭКОНОМИКА

- Vochozka M.*
Экономическая добавленная стоимость и ее ин-
формационная значимость для акционеров пред-
приятия 84
- Мальцева Е. С.*
Трудовой потенциал маятниковых трудовых ми-
грантов: состояние и проблемы реализации 88
- Пиньковецкая Ю. С.*
Стратегия развития малого предприниматель-
ства в Российской Федерации 93
- Селютин О. Г.*
Комплексная методика оценки уровня межбан-
ковской конкуренции на региональном уровне 97

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Воропанов В. А.*
Специфика организации суда для населения гор-
ных округов Урала и Западной Сибири в первой
половине XIX века 100
- Ефимова В. В.*
Генерал-губернатор С. И. Миницкий и припис-
ные крестьяне Олонецкой губернии 105

Рецензии

- Линник Ю. В.*
Рец. на кн.: Кондратьев И. В. В поисках невы-
мышленного Сампо 111
- Юнтунен А.*
Рец. на кн.: Nachtigal, R. Die Murmanbahn. Die
Verkehrsbindung eines kriegswichtigen Hafens und
das Arbeitspotential der Kriegsgefangenen (1915 bis
1918). Nachtigal, R. Die Murmanbahn 1915–1919.
Голубев А. А. История строительства Мурман-
ской железной дороги. 113

Дискуссии

- Ревайкин А. С.*
О собственности 115

Юбилей

- К 60-летию А. Е. Кунильского. 118

Научная информация. 119

Информация для авторов 120

Contents 121

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrSU.ru/files/reg.pdf>**

Учредитель: ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор Г. А. Мехралиева. Корректор С. Л. Смирнова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка А. В. Мацко.

Подписано в печать 14.08.2012. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 130 экз.) Изд. № 182.

Индекс 66093. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

РАФАИЛ ШОЛОМОВИЧ ГАНЕЛИН

доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
eganelin@mail.ru

В ШТАБЕ КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА (по воспоминаниям И. М. Дьяконова и Е. Г. Эткинда)

В статье рассматривается разведывательная деятельность и пропаганда в германских и финских войсках, особое внимание уделяется участию ленинградских и московских филологов и других гуманитариев, получивших впоследствии широкую известность в науке.

Ключевые слова: Седьмой отдел, Беломорск, И. М. Дьяков, Е. Г. Эткинд, Д. П. Прицкер, Ю. В. Андропов, А. С. Щербаков, Г. Н. Куприянов

В отечественном литературоведении применительно к значительной части написанного о Великой Отечественной войне ее участниками установилось определение «лейтенантская проза». Ее современной философской вершиной представляется «Мой лейтенант» Д. А. Гранина, оставшегося лейтенантом писателя-мудреца¹ [8]. Автор этих строк усмотрел в написанном о войне еще одно историко-литературное направление, отнеся к нему книги военных переводчиков, которые могли сопоставить свое представление о происходившем с тем, что рассказывали на допросах пленные (см. [5; 4]). Воспоминания это или особая, обладающая всеми чертами достоверности художественная проза? «Это действительно проза, – пишет мастер глубокого и беспощадного литературно-критического анализа С. А. Лурье по поводу воспоминаний активно действовавшего в рядах штабистов Карельского фронта Е. Г. Эткинда, написанных на другом краю Европы много лет спустя. – Книга новелл, использующих отточенную повествовательную технику» [12; 479].

Мемуарная проза (и поэзия) Е. Г. Эткинда и И. М. Дьяконова принадлежит выдающимся филологам, внимательным, точным и тонким наблюдателям, гуманным людям и одновременно носителями академического скептицизма по отношению к действительности. Авторский профессионализм придал этим мемуарным источникам значение исторических работ. На долю автора этих строк остается, в сущности, их обзор с преимущественным вниманием к таким сведениям, которые только от них исходят.

Отметим прежде всего сосредоточение в штабе Карельского фронта большого числа специалистов в различных отраслях гуманитарных знаний и литераторов, действовавших в разведке, радиопрослушивании, звуковой и печатной пропаганде в немецких и финских войсках и во фронтовой печати. Филфаковцы Г. Бергельсон и А. Касаткин, известный автор и редактор

немецко-русских словарей А. Б. Лоховиц, еврейский писатель С. И. Гольденберг в Седьмом отделе, известный литературный критик Ф. М. Левин, поэт и песенник А. А. Коваленков, ставший впоследствии ленинградским писателем В. А. Курочкин, московский литературовед В. В. Гольцев, получивший известность как редактор журнала «Дружба народов», сын редактора дореволюционной «Русской мысли» В. А. Гольцева – все они служили именно здесь. Вероятно, житейский ответ на вопрос о причинах этого состоит в стабильности положения на Карельском фронте, который называли неподвижным [9; 617]. Между тем его протяженность была такой же, как всех других фронтов вместе взятых. Но его линия была не сплошной, а прерывистой, по выражению И. М. Дьяконова, она соединяла «короткие небольшие фронты среди тайги и тундры» [9; 642]. Иным было положение на ближайшем к Карельскому фронту Карельском перешейке, входившем в состав Ленинградского фронта. Здесь в течение месяца после вступления Финляндии в войну с СССР 25 июня 1941 года финны не наступали, а затем, дойдя до линии старой госграницы, выставили транспаранты с надписями о том, что дальше они не пойдут. А. А. Жданова очень беспокоили распространявшиеся остро: «у нас две армии, одна – действующая и другая – 23-я недействующая» (стоявшая на перешейке); «три невоюющие армии: шведская, турецкая и двадцать третья советская» (сообщил А. Н. Цамутали). Известны телеграммы Ф. Рузвельта Маннергейму в октябре 1941 года с предупреждением против движения к Ленинграду (полагаю, что за ними стоял М. М. Литвинов, не финские ли его связи со времен 1905 года привели его к участию и в переговорах с Финляндией в 1944 году?)². Воздействие на финские части, стоявшие на перешейке, относилось, вероятно, к задачам Седьмого отдела Ленфронта, но и действия беломорских «разложенцев» имели к этому отношение, о передачах ленинград-

ского радио на немецком, финском и эстонском языках писал А. Рубашкин [14; 138–148].

Беломорск, где расположился штаб Карельского фронта со всеми его отделами и управлениями, несмотря на явное господство немцев в воздухе, подвергся единственной бомбардировке осенью 1941 года. Усиленное идеологическое воздействие на противника было здесь не только возможным, но и особенно желательным и даже необходимым ввиду неприязненного характера немецко-финских отношений. В соприкосновении немецких солдат с финским населением после начала войны ощущалось высокомерие с немецкой стороны, финны же считали, что немцы втянули их во вторую войну и, кто бы ее ни выиграл – Германия или СССР, – для Финляндии это добром не кончится [9; 544–546]. Инициативу в ведении боевых действий и немцы, и финны с готовностью уступали друг другу (это, в частности, относилось к положению Беломорска). И с советской стороны особая активность Ставкой верховного главнокомандования не допускалась. Так, уже в 1944 году, когда немцы стали отступать, и новый командующий фронтом К. А. Мерецков полетел в Москву, чтобы получить разрешение на устройство котла, Сталин сказал ему: «Я отвечу Вам, как Кутузов: “Вы ищете славы, а я смысла”. Запрещаю. Пускай отойдут» [9; 642]³.

И. М. Дьяконов и Е. Г. Эткинд стали не только мемуаристами, но и героями специально им посвященных работ⁴. Давид Петрович Прицкер ничего о себе не писал, и о нем написано немного (см. [13]). Пожалуй, очерк его друга Е. Г. Эткинда в «Барселонской прозе» – самая яркая его характеристика. Между тем он единственный из беломорцев к июню 1941 года имел непродолжительный опыт переводчика и разведчика, полученный во время Гражданской войны в Испании. Я был аспирантом на той же кафедре новой истории ЛГУ, что и он⁵. Считаю необходимым рассказать о нем то, что особенно запомнилось. Прежде всего у него была интеллигентная, мягкая и уважительная манера обращения с людьми независимо от их положения, степени его знакомства с ними и характера встречи. Никакой роли в преобладавшем легко-ироничном стиле его разговора не играло то обстоятельство, кто, он или его собеседник, выступал в качестве заинтересованной стороны. Когда в очерке о нем Е. Г. Эткинда я прочитал, что именно он был бы достойным нашим министром иностранных дел, я только в течение нескольких минут счел это литературным преувеличением. Затем я вспомнил всех тех литвиновских наркоминдельцев, с которыми мне довелось встречаться. Таковую же, как у Д. П. Прицкера, внимательно-уважительную манеру обращения с окружающими независимо от их статуса я наблюдал у А. С. Ерусалимского, А. Ф. Миллера, академика Л. Н. Иванова, Е. А. Гнедина, а также

у В. М. Турока-Попова, деятеля крестьянского интернационала и многолетнего московского советника австрийской компартии. Я встречался с Давидом Петровичем на сборах «испанцев», на которые меня приглашал устраивавший их мой друг историк-испанист Е. М. Тепер. Помню рассказ Давида Петровича о том, что когда после поражения республиканцев наши отправлялись морем на южное побережье Франции, генерал Шумилов (там он назывался Шиловым) поручил ему заботу о человеке, представившемся одесситом Левиным. Давид Петрович рассказывал, что с молодежным максимализмом принялся выискивать языковые погрешности своего спутника в испанском, русском и даже итальянском. Тот покорно соглашался, ссылаясь на неизгладимые особенности своей родной одесской речи. А когда приплыли во Францию, Шумилов сообщил, что ожидавшихся французских виз не будет и высадка в порту чревата опасностью прежде всего для товарища Пальмиро Тольятти, каковым оказался Левин, который, собрав все наличные деньги, вложил их в свой испанский паспорт и благополучно первым высадился на берег. В другой раз Давид Петрович долго пел под гитару испанские песни. Все зачарованно слушали. Кончив, он извинился перед дамами за то, что приличных песен, увы, не знает. Как И. М. Дьяконов и Е. Г. Эткинд, Д. П. Прицкер занял в послевоенные годы видное место среди ленинградской гуманитарной профессуры. Возглавляемая им кафедра международного рабочего и коммунистического движения Ленинградской высшей партийной школы была в течение ряда лет центром своеобразного свободомыслия [3; 204].

В Беломорске оказался и уже известный в предвоенные годы писатель Геннадий Фиш, военный журналист в звании интенданта второго ранга. У него еженедельно собирались Е. Г. Эткинд со своей женой Е. Ф. Зворыкиной, медсестрой в госпитале, и Д. П. Прицкер с женой журналисткой М. П. Рит. «Среди гостей, – писал Эткинд, – обычно бывал молчаливый на вид и, судя по некоторым репликам, вполне образованный молодой человек Юра, безнадежно влюбленный в жену Давида Мусю» [15; 431]. Это был Ю. В. Андропов, секретарь ЦК комсомола Карелии и руководитель партизанского движения за линией Карельского фронта. Обязанности Эткинда, Дьяконова и Прицкера в разведотделе и отделе по работе в войсках противника штаба этого фронта прямо входили в компетенцию Андропова. Полагаю, что регулярные встречи в неформальной обстановке с талантливыми и интеллигентными людьми, во время которых не могли не обсуждаться вопросы общеполитического характера, не прошли даром для их молчаливого участника. А он держался так скромно, что показался Е. Эткинду не только «молчаливым на вид», но и «молодым человеком», хотя

был на четыре года его старше. Давая понять, что уроки Карельского фронта не были в дальнейшем забыты Андроповым, И. М. Дьяконов утверждает, что друживший с Андроповым во время войны капитан-танкист С. (имеется в виду С. Л. Соколов), отличившийся великолепно проведенными танковыми операциями, был при Андропове – генеральном секретаре ЦК КПСС – министром обороны [9; 535].

Рассказывая об источниках разведывательных данных, И. М. Дьяконов выделяет две их группы – донесения воинских частей о вооружении противника, интенсивности артиллерийского огня и на этой основе о количестве и характере его сил, а затем радиодонесения от нашей агентуры. Этим источником ведало отделение дальней разведки. Ее агенты размещались вдоль ведущих к фронту дорог на занятой противником территории. Наше командование относилось к этим сведениям с недоверием, подозревая агентов в том, что они «сдвоились», стали «двойниками», работая и на противника. «Выходившего от противника агента, – писал И. М. Дьяконов, – часто ждала печальная судьба, очевидно, по такой логике: трудно представить, что, живя за границей, человек не захочет там и остаться. А это переносилось и на агентов, живших и не за границей, а в тайге» [9; 527]⁶. И. М. Дьяконова как сына расстрелянного венесуэльского шпиона держали не в разведотделе, а в политуправлении, в Седьмом отделе, занимавшемся пропагандой по радио, с помощью звуковых установок на автомашинах, рупоров и листовок [1]. На Соловках действовала радиостанция, выдававшая себя за две подпольные – немецкую и финскую (соловецкий концлагерь был недавно закрыт, беломорский и другие сохранялись). «Другая основная и наиболее бесполезная часть нашей работы, – писал И. М. Дьяконов, – это было издание для немцев газеты “Der Frontsoldat”, которую потом с большим трудом нужно было забрасывать в немецкие окопы. Никаких возможностей выдать ее за что-либо, кроме советской газеты, не было. Не говоря уже о том, что передовые статьи переписывались из “Правды”, готический шрифт XIX века не мог сойти за современный немецкий. Внешний вид газеты был очень убогим. Эта газета никого не могла убедить в том, что надо сдаваться и воевать против Гитлера» [9; 558]⁷. Вот приведенный И. М. Дьяконовым пример неудачной грубой старательности редакции «Фронт-зольдат»: «Главный наш козырь был в том, что СС якобы устроили человеческие случайные пункты, чтобы немецкие женщины могли от них, эсэсовцев, производить чистых арийцев. Мы агитировали немецких солдат, уверяя их, что, пока они воюют, их жены путаются с эсэсовцами. Это вызывало громкий хохот по ту сторону фронта, так как всем было известно, что ничего подобного

не происходило. Года через полтора выяснилось, что это была утка швейцарской газеты на первое апреля. А наши раструбили ее всерьез в наших газетах – и нам в “седьмом отделе” это тоже было подано как блестящая идея для пропагандистской разработки» [9; 560].

Издавалась и газета для финских солдат. «Существование ее было гораздо более целесообразно, – писал И. М. Дьяконов. – Во главе ее стоял... очень умный человек, полковник Лехен, старый работник Коминтерна, участник испанской войны. Он прекрасно говорил по-испански, по-немецки, по-фински и по-русски. Сотрудниками у него были исключительно финны. Это были политэмигранты-коммунисты, уцелевшие несмотря на 1937 год. Все они жили в России по 10–20 лет, но почти ни слова не говорили по-русски. Зато финский дух и психику они понимали великолепно и выпускали газету, полную народного юмора, интересную, которая, наверное, оказывала определенное влияние на финнов. Эта война была у них непопулярна. Если в финскую войну они дрались активно и даже отчаянно, потому что защищали свою родину, то в этой участвовать не хотели, считая, что их в это дело втравили немцы» [9; 564].

Выпускался также сатирический ежемесячник «Мишка на Севере» (название шоколадных конфет) со стихами Е. Г. Эткинда [15; 339].

Разведывательная деятельность, как и «разложечная», оказывалась связанной с инсценированием перехода советских офицеров на сторону противника. Делалось это с фабрикацией таких бесспорных, казалось бы, признаков и доказательств, что оба наши мемуариста при всей своей проницательности «клюнули» на приманки и поверили инсценировщикам. Вел дело сам начальник Седьмого отдела полковник М. Суомалайнен, уединяясь для шифровок и прочих операций со штабными женщинами. Поклонник одной из них, ревнивый морской офицер, ночью вынудил свою даму на «признание». В то же утро он сообщил об этом в Особый отдел. Но через месяца три, встретив ее на улице, услышал от нее, что она читала его донос. «Дурачок, как ты мог поверить, что я шпионка?» – сказала она. Эткинд, с которым ревнивец поделился своим открытием, по совету своих сослуживцев сообщил о Суомалайнене в Особый отдел. Но тот остался на своем посту, а Эткинда убрали из политуправления с запрещением работы, связанной с контактом с противником. Он, впрочем, оказался переводчиком в разведотделе 26-й армии, в который его взял ее командующий генерал-лейтенант Л. С. Свирский [15; 339–343], [9; 634].

Возможно, что именно необходимость ограждать от бдительности окружающих инсценированные с разведывательными целями операции мешала особистам стряпать политические обвинения против военнослужащих и населения.

Дополнительной причиной случаев их воздержания был приход в ряды особистов по мобилизации молодых юристов взамен тех следователей НКВД, которые погибли в 1938 году. Одним из таких «новобранцев» на Карельском фронте оказался О. С. Иоффе, окончивший юридический факультет ЛГУ, ученик известного правоведа Я. М. Магазинера, тестя И. М. Дьяконова. Мальчик из Кандалякши из романтических побуждений донес в штаб армии, что его родные – немецкие шпионы. Более чем десяти арестованным угрожал расстрел. О. С. Иоффе, который должен был участвовать в деле, подал В. С. Абакумову рапорт об увольнении и был к нему вызван. Услышав отказ Иоффе от нарушения законов, Абакумов спросил, сколько тому лет, и назначил по их числу 21 сутки карцера с увольнением из СМЕРШа и переводом в группу прослушивания немецкого радио. О. С. Иоффе стал выдающимся цивилистом, заведующим кафедрой в ЛГУ. Среди его учеников были такие по-разному одаренные люди, как А. А. Собчак и С. Ю. Юрский, оставивший, как и некоторые другие ученики Иоффе, свои о нем воспоминания. Закончил Иоффе свою профессорскую карьеру в США [10].

Потрясла штабной Беломорск история Ф. М. Левина, приключившаяся в редакции фронтовой газеты «В бой за родину!», в которой он служил вместе с уже названными Коваленковым, Курочкиным и Гольцевым. Накануне нового 1942 года за их тремя подписями был подан донос о пораженческих антисоветских разговорах, которые-де вел Левин. И. М. Дьяконов объяснял их порыв тем, что Левин внезапно вышел из комнаты, прервав общий политический разговор, а его собеседники, заподозрив его в том, что он пошел на них доносить, решили спастись, обогнав его [9; 568], [15; 366–367]⁸. На протяжении нескольких месяцев из окон редакции было видно, как арестованного Левина вместе с другими эсками водили под конвоем на работу. Однако следователь по его делу оказался похож на О. С. Иоффе и добился прекращения дела. Сцена возвращения Левина в редакцию и его встречи с коллегами-заявителями едва ли не самая яркая в «Барселонской прозе». Следователь стал другом Левина и вместе с Е. Г. Эткиндром хоронил его в Москве в 1970-х годах. Рассказ Эткинда, посвященный Ф. М. Левину, воссоздает яркий образ и трагическую жизнь, в том числе и личную, честного человека и убежденного большевика, помогавшего Маяковскому, будучи инструктором горкома в Севастополе, и оказавшегося обвиненным в космополитизме.

И. М. Дьяконов, обосновывая поворот в войне 1943 года, связывал с его началом и усиление эффективности осуществлявшейся пропаганды, которая хотя и улучшилась до того, представлялась служившим в Седьмом отделе бессмысленной, как и деятельность СМЕРШа [9; 620].

Осенью 1943 года секретарь ЦК ВКП(б) и начальник Главного политуправления вооруженных сил А. С. Щербаков прислал в Беломорск группу своих подчиненных для проверки фронтовой газеты. Надо полагать, что они не обошли вниманием и газеты, выходившие на немецком и финском языках. Когда проверявшие вернулись в Москву, Щербаков позвонил по телефону члену Военного совета Карельского фронта, первому секретарю обкома Г. Н. Куприянову. Вот как передает этот разговор биограф Куприянова:

«— Товарищ Куприянов! Вы читаете свою газету?

— Читаю.

— Вам она нравится?

— Мне газета нравится. Ваши товарищи тоже не отметили серьезных недостатков.

— Знаете ли вы сотрудников редакции?

— Знаю основных лучших журналистов.

— А знаете ли вы, что половина редакции евреи?

— Мы одна фронтовая семья, — ответил Куприянов, сообразив в чем дело.

Щербаков учинил подлинный разнос. Ругался матом, что тогда было в моде, сказал, что член Военного совета Куприянов отстал от жизни, ибо не знает, кто сидит в тылу, кто оказался в редакции фронтовой газеты. В конце разговора последовал прямой приказ:

— Разогнать эту вашу синагогу!» [7; 258–259].

Нам уже приходилось писать о решениях по еврейскому вопросу, принятых именно осенью 1943 года [4; 10–13] и связанных, как представляется, с началом освобождения оккупированных территорий и роспуском Коминтерна, облегчившим их принятие. Куприянов, по-видимому, не стал трогать «синагогу» и не предал огласке звонок Щербакова. Не исключено, что он руководствовался опытом, полученным на XVIII конференции ВКП(б), в ходе которой убедился в значении еврейского вопроса на пути к 22 июня [7; 130–132]. Но та директива, которой Щербаков руководствовался, разумеется, стала известна и в штабе Карельского фронта. «В 1943 г., — писал И. М. Дьяконов, — по нашей армии был издан секретный приказ о том, чтобы “евреев и других националов” не продвигать, хотя (пока) и не задвигать» [9; 724]. Единственным известным Дьяконову пострадавшим от приказа, и то через год после его издания, явился сам начальник Седьмого отдела. «К осени (1944 года. — Р. Г.), к нашему изумлению, у нас сняли Суомалайнена, — вспоминал Дьяконов. — На его месте появился некий подполковник Курбанов, или Курганов, не помню точно. Дела нашего он не знал, а назначение его, надо думать, было связано с начавшейся “линией” на русификацию кадров» [9; 642]. Неисключено, что причина была в выходе Финляндии из войны, кроме того, Суомалайнен был старшим в своем отделе по должности и званию, и его устранением демонстрировалось под-

чинение приказа. Как и Е. Г. Эткинд, И. М. Дьяконов уделил специальное внимание еврейскому и национальному вопросу в правительственной политике военного времени. Он считал ограничения и преследования по национальному признаку пришедшими на смену борьбе классов и истреблению интеллигенции. Трое беломорцев – Дьяконов, Эткинд и Иоффе – стали выдающимися учеными, причем двое последних завершили свою деятельность за рубежом, обогатив мировую науку достижениями литературоведения и юридической мысли в России. А. Касаткин долгое время возглавлял германскую кафедру в ЛГУ. Беломорский интеллигентский десант не только в известной мере способствовал выходу Финляндии из войны, что привело к роспуску Карельского фронта в ноябре 1944 года, но и каким-то трудно осознаваемым образом заложил традицию сосредоточения в послевоенной Карелии высококвалифицированных ученых-гуманитариев. Петрозаводск стал заповедным для тех, кому нельзя было находиться в Ленин-

граде и других городах. В разное время и по разным причинам в Карелии в течение более или менее длительного времени работали супруги К. В. и Б. Е. Чистовы, В. Г. Базанов, В. В. Мавродин, Е. М. Мелетинский, Н. А. Мещерский, М. Я. Резников, А. Л. Витухновский.

Закончу словами Е. Г. Эткинда, которыми он откликнулся на книгу И. М. Дьяконова: «Русская интеллигенция продолжала исполнять свой долг, даже не вступая в политическую войну с режимом, используя легальные возможности. Режим, расправлявшийся со многими, принужден был ее терпеть. Для меня (не только для меня!) И. М. Дьяконов был наивысшим образцом такой русской интеллигенции, которая ухитрялась сохранить человеческое достоинство и независимость (да-да, независимость) мысли, – всемогущая пропаганда не могла поколебать ее чувства справедливости, ее терпимости и глубоко укоренившегося демократизма, даже наследственной приверженности интернационализму и социалистическим идеям» [15; 473–474].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Книге предпослан эпиграф: « – Вы пишете про себя? – Что вы, этого человека давно нет».

² См. работы Н. И. Барышниковой, Т. Вихавайнена и др.

³ По словам И. М. Дьяконова, Сталин оказался прав, так как котел привел бы к большим потерям, между тем от этих немецких соединений удалось освободиться «бесплатно», они ушли в Норвегию и в боевых действиях не участвовали.

⁴ О И. М. Дьяконове писал В. А. Яковсон, об Е. Г. Эткинде – Лариса Вольперт.

⁵ Его коллегами в аспирантуре были К. Б. Виноградов, А. Л. Витухновский, З. М. Гершов, А. С. Корнеев, П. В. Крейнин, Б. Б. Кросс, М. Н. Кузьмин, Н. Г. Левинтов, П. Левинтов, И. А. Росенко, Р. Л. Сабсович, Я. И. Хейфец.

⁶ «Группа агентурщиков, – писал И. М. Дьяконов применительно к послевоенным месяцам, – выезжала за границу – на явки. Вернулись темнее тучи. – Семнадцать человек – и ни один не вышел! Я мог бы им это предсказать» [9; 729].

⁷ Ленинградский литературовед-филолог А. Л. Дымшиц, по рассказам «разложенцев» (так они себя называли), назначенный в Седьмой отдел Волховского фронта, застал там нескольких учительниц немецкого языка, читавших по громкоговорящим установкам (ГГУ) приказы Сталина, кончавшиеся словами: «Смерть немецким оккупантам!» Немецкой контрпропаганде оставалось использовать это как аргумент против сдачи в советский плен ссылками на еврейский акцент читающих женщин. Дымшиц заменил их пленными, которым предписал лишь назвать свои имена для признания их однополчанами. Вскоре появилась очередная германская листовка с угрозами Кагановичу, Мехлису и другим евреям, среди которых на сей раз был капитан Дымшиц. Читая ее, Сталин, как говорили, спросил, кто это такой, а выслушав доклад, заявил: «Когда мы займем Берлин, он будет вестись всей нашей пропагандой в Германии». Независимо от достоверности этого рассказа Дымшиц в звании полковника действительно стал в советской зоне Германии наставником писателей, деятелей культуры и искусства.

⁸ В отличие от Эткинда, Дьяконов не называет среди подписавших донос Гольцева. А. А. Коваленкова (1911–1971), который был ранен и стал инвалидом, арестовали после смерти Сталина или накануне ее, но через месяц выпустили. Известно, что так поступили с большой группой агентов. По воспоминаниям В. Н. Войновича, Коваленков и позже был склонен к доносу [2].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурцев М. И. Прозрение. М.: Воениздат, 1981. 320 с.
2. В гостях у Гордона. 21 мая 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gordon.com.ua
3. Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. СПб.: Нестор-История, 2006. 408 с.
4. Ганелин Р. Ш. Из воспоминаний о Н. Е. Носове // Государство и общество в России XV – начала XX в.: Сб. статей памяти Н. Е. Носова. СПб.: Наука, 2007. С. 10–13.
5. Ганелин Р. Ш. СССР и Германия перед войной. Отношения вождей и каналы политических связей. СПб.: 2010. 288 с.
6. Ганелин Р. Ш. Дело М. М. Литвинова на XVIII партконференции ВКП(б) // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 130–132.
7. Гордиенко А. А. Куприянов и его время. Петрозаводск: Карелия, 2010. 447 с.
8. Гранин Д. Мой лейтенант. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. 320 с.
9. Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. СПб.: Европейский дом, 1995. 766 с.
10. Иоффе О. С. Размышления о праве. Астана: Институт законодательства РК, 2002. 72 с.
11. Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Под ред. А. И. Бабина. М.: Наука, 1984. 358 с.
12. Лурье С. А. О «Барселонской прозе» // Эткинд Е. Г. Записки незаговорщика. Барселонская проза. СПб., 2001. 479 с.
13. Прицкер Д. П. [Некролог] // Новая и новейшая история. 1997. № 4. С. 219–220.
14. Рубашкин А. Голос Ленинграда. СПб.: ИД «Петрополис», 2012. 229 с.
15. Эткинд Е. Записки незаговорщика. Барселонская проза. СПб.: Академический проект, 2001. 496 с.

ВАСИЛИЙ СТЕПАНОВИЧ ХРИСТОФОРОВ

доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)
to.chkva@gmail.com

ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГЕРМАНИИ И ФИНЛЯНДИИ В 1940–1941 ГОДАХ*

Анализируется военное сотрудничество Германии и Финляндии накануне Великой Отечественной войны, причины, по которым Финляндия вступила в войну против СССР. Статья базируется на широком круге источников, основу которых составили документы из государственных и ведомственных архивов, причем большинство документов вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Финляндия, Германия, военное сотрудничество, советская разведка

Соперничество Германии и Советского Союза за влияние в Финляндии, ведущееся с 1918 года, временно прекратилось 23 августа 1939 года после подписания пакта Молотова – Риббентропа, в соответствии с секретным протоколом к которому Финляндия была отнесена к сфере интересов СССР. Однако уже с лета 1940 года, когда Гитлер начал тайне готовить военный поход против СССР, ему стала нужна и территория Финляндии, которая де-факто перешла из сферы интересов СССР в сферу интересов Германии [17].

Первые консультации о возможности транспортировки немецких войск через территорию Финляндии прошли в августе 1940 года. Для этого в Финляндию прибыл представитель Геринга – подполковник германской армии Велтъенс, которого 18 августа принял Маннергейм. Велтъенс предложил Финляндии по примеру Швеции разрешить транспортировку через ее территорию немецких грузов хозяйственного назначения, а также проезд отпускников и больных в Киркенес и оттуда далее. В этом случае Финляндии были обещаны поставки военного снаряжения. В тот же день Маннергейм посетил Р. Рюти, исполнявшего обязанности главы государства, который дал согласие на транспортировку германских войск [13; 16].

12 сентября 1940 года военными властями обоих государств было подписано соглашение о провозе оборудования и германских военнослужащих. Чуть позднее, 22 сентября, подписано официальное соглашение, но уже о транзите через Финляндию германских войск в Норвегию. Так началось превращение Финляндии в плацдарм сосредоточения немецких войск для их последующего использования в походе на восток.

К осени 1940 года Сталин располагал подробной информацией о том, что немецкие и финские офицеры регулярно встречаются и обсуждают вопросы проведения совместных военных мероприятий, а также предстоящей войны против СССР. «Финские офицеры высказываются за преимущество военных действий против СССР в зимнее время» [5].

Германия демонстрировала свою симпатию к Финляндии, но в то же время рекомендовала Финляндии в своей внешней политике придерживаться осмотрительной позиции, не давая Советскому Союзу никакого повода к войне, а во внутренней политике «умело бороться против коммунистического движения» [7].

Намерения Германии по использованию армии Финляндии в предстоящей войне с СССР были изложены в аналитической записке, подготовленной 1 мая для начальника штаба вермахта генерала Йодля. Перед армией Финляндии предполагалось поставить следующие задачи: провести скрытую мобилизацию для повышения обороноспособности; предпринять меры по обороне Петсамо и выделить не менее двух дивизий для наступления в районе Салпа; присоединиться к наступлению северной армии Германии; как можно раньше ударить по Ханко и захватить эту советскую базу Балтийского флота. В Советском Союзе считали, что германское проникновение в Финляндию происходит таким же образом, как и в Болгарию, а сама Финляндия превращается в плацдарм для нападения на СССР.

Разведывательные подразделения НКВД КФССР с начала 1941 года активно получали информацию о финских укреплениях, оборонных и промышленных предприятиях и воинских частях, расположенных на участке от ст. Вайникала до ст. Коуволла железной дороги Выборг – Лахти, о месте нахождения станций, оборонных и промышленных предприятий и воинских частей, расположенных на железной дороге Лахти – Карис (Финляндия) [1].

4 мая 1941 года была издана директива верховного командования вермахта о начале переговоров с Финляндией [2]. Для ведения переговоров 24 мая в Германию направился генерал-лейтенант Э. Хейнрикс. 25 мая с ним встречались генерал-фельдмаршал Кейтель и генерал Йодль. Если Кейтель лишь в общих чертах рассказал о планах Германии, то Йодль подробно охарактеризовал военную обстановку в мире, заявив о вероятности вооруженного

конфликта Германии с СССР и невозможности для Финляндии остаться вне рамок этого конфликта. Финляндии необходимо было начинать подготовку к боевым действиям. Йодль считал, что война, которая продлится несколько недель, приведет к разгрому СССР. Германия надеялась на то, что Финляндия свяжет войска Красной армии, находившиеся на советско-финской границе, примет участие в наступлении на Ленинград, а также окажет поддержку немецким операциям в направлении на Мурманск и Салпа. На следующий день в Берлине финскую делегацию принял начальник генштаба сухопутных войск генерал-полковник Гальдер, который также говорил о военном сотрудничестве Германии и Финляндии, направлениях наступления германских и финляндских войск, предоставлении аэродромов Кеми и Хельсинки для германских самолетов, а также портов выгрузки Рованиemi и Кивиярви. Эти предложения являлись по своей сути предложениями об участии в наступательной войне.

Несмотря на строго секретный характер поездки Хейнрикса в Германию, советской разведке было достоверно известно и о самой поездке, и о составе финской делегации [8].

Возвратившись из Германии, Хейнрикс проинформировал высшее руководство Финляндии, которое сделало осознанный выбор, решив принять участие в военном походе Гитлера на СССР. По мнению политического руководства Финляндии, отказ от сотрудничества мог превратить Финляндию в поле битвы между Германией и СССР. Финские историки считают, что тесное военное сотрудничество с Германией в начале 1941 года и осведомленность в ее военных секретах сделали отказ Финляндии настолько гипотетическим, что о нем всерьез не задумывались [17].

В начале июня 1941 года в Хельсинки представителю военного командования Германии и Финляндии обсудили практические детали сотрудничества и приняли конкретные решения по действиям Финляндии в войне против СССР. Финская сторона обязывалась передать в подчинение командованию немецкой армии «Норвегия» один армейский корпус, провести наступление в районе Ладожского озера в южном направлении с целью соединения с немецкой группой армий «Север», после того как последняя форсирует Северную Двину, подготовить силы для блокады Ленинграда с севера, предоставить в распоряжение люфтваффе аэродромы [15].

В Финляндии надеялись, что огромные германские военные силы, сосредоточенные на границе Советского Союза (200 дивизий), за 2–3 недели разгромят советскую армию. Ю. К. Паасикиви писал в своем дневнике: «Вся кампания продлится месяца четыре. В Кенигсберге большой военно-воздушный флот, который нападет

на Северную Россию и Петербург, а на обратном пути воспользуется нашими аэродромами. Он защитит нас от воздушных ударов русских. Мы также вступим в войну» [3]. Германия всячески старалась вовлечь Финляндию в будущую войну, убеждая, что «финское сотрудничество с Германией в грядущей войне с СССР даст финнам возможность не только возвращения Карельских районов, но и приобретения Восточной Карелии и Кольского полуострова» [8].

10 июня 1941 года Финляндия начала выводить свои войска прикрытия на позиции. Практически сразу же об этом стало известно советской внешней разведке. 11 июня В. Меркулов проинформировал И. Сталина, В. Молотова и Л. Берия о позиции правительства Финляндии, планах Германии по вовлечению Финляндии в войну, а также о приготовлениях Германии к войне с СССР. По данным советской разведки, 9 июня на заседании финляндского правительства Рюти заявил, что Финляндия по требованию немцев должна в ближайшие дни провести частичную мобилизацию, а также удалить из страны, и в первую очередь из Петсамо и других северных районов, всех англичан и поляков. Рюти заявил, что финны вынуждены выполнить эти требования немцев, так как другого выбора нет. Приводились его слова: «Война Финляндии не улыбаются, но такова ситуация. Англия помочь не может. Швеция отказалась от союза с Финляндией, и, таким образом, никакой защиты от советской агрессии финны не имеют». Он отметил, что вопрос, «будет ли война между Германией и СССР... разрешится 24 июня» [9].

Меркулов сообщал о переброске из Северной Норвегии в Финляндию немецкой дивизии, которая прибывала в Рованиemi. Советская резиденция докладывала, что в Хельсинки «в ближайшие дни ожидается война между Германией и СССР, и немцы предполагают выступить из Финляндии, которая будет играть большую роль». Сообщалось, что «в ближайшие дни в Финляндии высадится большое количество германских войск. 9 июня в Або прибыл немецкий военный транспорт, который привез примерно 1500 солдат и 40–50 автомобилей для мотопехоты. Все это направлено в сторону Таммерфорса» [9].

Президент Финляндии Рюти считал «весьма желательным» скорое начало войны между Германией и Советским Союзом. В дневнике Паасикиви записано, что в связи с подготовкой нападения Германии на Советский Союз «в Финляндию прибыли немецкие войска – 1 дивизия из Германии, а в Кенигсберг – 2700 самолетов; Финляндии нужно быть готовой и провести частичную мобилизацию». Высказывались опасения, что «Советский Союз может внезапно напасть на Финляндию, когда увидит, в каком направлении идут дела, что Германия сделала из Финляндии плацдарм». Паасикиви осознавал, что Финлян-

дия на свой страх и риск встала рядом с Германией и что теперь нужно идти до конца и желать, чтобы Германия выпуталась из войны. Страх перед Советским Союзом был столь велик, что политическая элита Финляндии желала, чтобы Германия окончательно победила в войне и добилась своего нового порядка. Больше всего в Финляндии боялись, что Германия проигрывает войну, тогда «мы пропали. В Кремле перечень наших прегрешений столь велик, что нам ничто не поможет. И выступление на стороне врага Советского Союза, разумеется, столь серьезное дело, что уже оно одно решит нашу судьбу» [3].

13 июня В. Меркулов проинформировал И. Сталина, В. Молотова, Л. Берия и С. Тимошенко о военной мобилизации в Финляндии и концентрации немецких войск. Советская разведка в Хельсинки фиксировала «бесперывный подвоз немецких войск. Прибыло уже три дивизии немецких солдат. Около двух дивизий ожидают погрузки в Штеттине. Переброска немецких войск в Финляндию и мобилизация финских резервистов происходят с целью психической атаки на СССР, чтобы добиться уступок для немцев в происходящих переговорах между Советским Союзом и Германией». В то же время советская разведка не исключала возможности нападения немцев на СССР и использования Финляндии как плацдарма для этого нападения [9].

14 июня президент Финляндии «одобрил германо-финляндские договоренности», под которыми понимался график проведения мобилизации в Финляндии и подготовки к наступательной войне. В район Хельсинки прибыли замаскированные под корабли торгового флота германские минные заградители (приказ об отправке в Финляндию командиры минных заградителей получили 8 июня), в задачу которых входило минирование акватории Финского залива. На каждый корабль были выделены финские лоцманы и офицеры связи.

О том, что Финляндия встала на рельсы войны, 15 июня В. Войонмаа написал своему сыну: «Итак, жребий брошен, мы – держава оси, к тому же отмобилизованная для нападения... Вот куда нас завели господа. Горстка людей взяла на себя всю ответственность за произошедшее» [14].

21 июня в 16 часов 15 минут финская армия и флот начали операцию по занятию Аландских островов. В соответствии с Женевской конвенцией 1921 года и по соглашению с СССР 1940 года острова были объявлены демилитаризованной зоной, однако это не стало препятствием для Финляндии. За одну ночь с материка на архипелаг на 23 кораблях были переброшены 5000 солдат с боевой техникой. Проведение операции прикрывал весь прибрежный флот Финляндии. По оценкам советских исследователей, военноморской флот Финляндии на Балтийском море имел 7 кораблей основных классов (2 броненос-

ца береговой обороны и 5 подводных лодок), а также 53 других корабля [12].

Оккупация Финляндией Аландских островов серьезно нарушала международные нормы и означала объявление на островах военного положения. Вечером 24 июня персонал советского консульства вопреки его протестам был вывезен и на корабле отправлен в Турку.

Ранним утром 22 июня началась война между Германией и Советским Союзом. Гитлер в своей декларации отметил, что нападение Германии на СССР вызвано большой концентрацией советских войск на границе, нарушениями советскими летчиками и пограничниками государственной границы Германии. По словам Гитлера, Германия сотрудничает со своими финскими товарищами, «сратники победителей Нарвика держат берега Ледовитого океана, а германские дивизии охраняют финляндскую землю вместе с героями финляндских битв за освобождение, действующими под руководством своего маршала» [11].

Финляндское правительство поспешило опубликовать сообщение, в котором говорилось, что Финляндия находится вне войны, а Министерство иностранных дел 23 июня разослало финляндским послам «циркуляр о нейтралитете». Однако «трехдневный финский нейтралитет» с 22 по 25 июня 1941 года на деле был маскировкой, которая облегчала переброску финских сухопутных войск к линии фронта.

Говоря о причинах начала войны, финские историки часто отмечают, что буквально с 22 июня советская авиация непрерывно бомбила мирные финские города и населенные пункты. Российские историки говорят о бомбардировках советской авиацией только тех объектов, где находились германские военные части и боевая техника, в том числе и самолеты, а также о налетах на советскую территорию германской и финской авиации с территории Финляндии, считая последнюю агрессором, объявившим войну Советскому Союзу.

Действительно, советские самолеты совершали налеты только на финские аэродромы, где базировалась германская авиация. Вопрос о предоставлении для германских ВВС аэродромов в Хельсинки и Кеми был впервые поставлен 25 мая 1941 года на германо-финляндских переговорах в Берлине. Немцы также зондировали возможности использования финских средств ПВО для обеспечения безопасности перевозок в Ботническом заливе и по железным дорогам Лапландии. В ходе германо-финляндских переговоров в Хельсинки 5 июня были достигнуты договоренности о предоставлении немцам аэродромов Хельсинки, Кеми, Рованиemi и Кемиярви, на которых создавались специальные комендатуры. После этого Германия и Финляндия обменялись своими представителями, которые осуществляли функции связи и координации действий ВВС

обеих стран. Самолеты двух стран, находившиеся в Финляндии на аэродромах совместного базирования, имели унифицированную покраску. Поперек их корпуса рисовался широкий желтый пояс, концы крыльев также окрашивались в желтый цвет. Еще до вступления Финляндии в войну против СССР шесть финских аэродромов находились в распоряжении германских ВВС, представителям которых были переданы 360 листов топографических карт [14].

По данным, поступавшим в Генеральный штаб Красной армии, финские части с 23 июня вели на Карельском перешейке усиленную разведку и наблюдение, продолжалось стягивание к границе финских войск. Об активной подготовке Финляндии к войне против СССР сообщал и Наркомат госбезопасности Карело-Финской ССР: «Правящие круги Финляндии и финская военщина по указанию Германии... в особенности в последнее время, вели усиленную подготовку к войне против СССР... За счет проводимой повсеместной массовой мобилизации нескольких возрастов непосредственно у границ СССР концентрировались войска финской армии, из приграничных районов проводилось переселение мирного населения. Спешность проводимой мобилизации подтверждается еще тем, что все призванные немедленно отправлялись к границам, в пути следования из вагонов-кладовых им выдавалось обмундирование из ящиков, погруженных на платформам, следуемых с эшелонами, выдается оружие и боеприпасы. При формировании и погрузке воинского состава наряду с людьми в поезда загружались лошади и фураж. Общественное мнение Финляндии формировалось на основе пропаганды среди населения о дружбе Германии с Финляндией, непобедимости Германии и партии национал-социалистов, одновременно с этим велась открытая агитация о якобы имевшихся намерениях Советского Союза захватить Финляндию» [1].

В целях ослабления авиации немецко-финской группировки Ставка Главного командования утвердила план первой в годы Великой Отечественной войны воздушной операции советских ВВС, предложенный командующим ВВС Северного фронта генерал-лейтенантом авиации А. А. Новиковым. В результате ее проведения (25–30 июня 1941 года) противник потерял более 20 % авиации, базировавшейся на территории Финляндии и Северной Норвегии, и был вынужден отвести часть своих авиасоединений в глубокий тыл. В первый день операции советские самолеты нанесли массированный удар по Хельсинки и 12 аэродромам Финляндии, где базировались самолеты германских и финских ВВС. В налете участвовали 214 самолетов, с задания не вернулись 6 [6].

Эта акция, направленная против германских агрессоров, была в тот же день использована

финским руководством. На срочно созванном заседании парламента с пространной речью выступил премьер-министр Финляндии Ю. Рангель. Основные положения его доклада сводились к тому, что Финляндия находится в сфере интересов великих держав и, не имея достаточных сил, чтобы в одиночку решать свои проблемы, вынуждена приспосабливаться. Рангель обвинил Советский Союз в преступлениях против Финляндии (Советско-финляндская война, требования демилитаризовать Аландские острова, давление в вопросе о никеле Петсамо, опасные железнодорожные перевозки в Ханко, невыполнение торговых обязательств и др.). Премьер-министр утверждал, что сближение Финляндии и Германии происходит не за счет интересов других стран. Он заявил о концентрации Советским Союзом своих войск в Выборгской губернии, о том, что советские бомбардировки свидетельствуют о намерении СССР уничтожить Финляндию. Рангель защищал мобилизацию, ведущуюся в Финляндии, и оккупацию Аландских островов.

На следующий день, 26 июня, президент Рюти произнес по радио речь, в которой прозвучало объявление войны Советскому Союзу. Рюти заявил, что «сразу после того как вспыхнула война между Германией и Советским Союзом, произошли со стороны Советского Союза многочисленные нарушения границ... Со вчерашнего дня вооруженные силы Советского Союза, невзирая на соглашения и без всякого повода с нашей стороны, по распоряжению своего правительства производят регулярные обширные военные действия во всех направлениях нашей страны... Так началась наша вторая освободительная война после прошедших неполных 19 месяцев от предыдущего нападения» [4; 10].

Объявление войны Советскому Союзу официально обосновывалось советскими воздушными налетами на финские города. При этом с использованием СМИ сообщалось о повторном нападении Советского Союза (имелось в виду начало Советско-финляндской войны 1939 года), чтобы сломить сопротивление финского народа. Тот факт, что на подвергнутых бомбардировке аэродромах находились самолеты германских ВВС, умалчивался.

Финскими историками достаточно часто отмечается, что воздушный налет СССР на Финляндию положил начало военным действиям. При этом скромно замалчивается, что Финляндия еще до 22 июня приняла решение выступить на стороне Германии в наступательной войне против СССР и активно готовилась к этому.

В 1 час ночи 29 июня Маннергейм отдал армии приказ идти «на священную войну с врагом финской нации». Маннергейм подчеркнул, что финская армия «вместе с военными силами Германии как братья по оружию с решительно-

стью отправляются в крестовый поход против врага, чтобы обеспечить Финляндии надежное будущее» [4]. Рано утром финские части и находящиеся в Финляндии германские войска группами от роты до полка начали наступление на мурманском, кандалакшском, кексгольмском и выборгском направлениях.

Еще до начала военных действий в финских политических и военных кругах обсуждались различные варианты будущей восточной границы Финляндии. Генеральным штабом Финляндии намечалось пять вариантов установления новых границ, самая дальняя граница была проведена восточнее Онежского озера. Наилучшей со стратегической точки зрения альтернативой считали границу, идущую через три перешейка между Финским заливом, Ладожским и Онежским озерами и Белым морем.

10 июля Маннергейм обратился с призывом к финским солдатам освободить земли Карелии. Он повторил обещание, данное им в феврале 1918 года, заявив, что не вложит клинок в ножны до тех пор, пока Восточная Карелия не будет свободной. На следующий день приказ был опубликован в газетах. «В освободительной войне 1918 г. я заявил карелам Финляндии и Беломорской Карелии, что не вложу своего меча в ножны, прежде чем Финляндия и Восточная Карелия не будут свободны. Я поклялся от имени финской крестьянской армии, доверяя мужеству ее воинов и готовности к самопожертвованию женщин Финляндии. Двадцать три года Беломорская Карелия и Олонец ждали выполнения этого обещания; полтора года после славной зимней войны

обезлюдевшая финская Карелия ожидала утреннего рассвета. Борцы освободительной войны, прославленные мужи зимней войны, мои отважные солдаты, наступил новый день. Карелия поднимается, в наших рядах маршируют ее собственные батальоны. Освобожденная Карелия и великая Финляндия засверкают перед нами в мощном вихре событий мировой истории. Да защитят судьбу народов ведомые Провидением армии Финляндии, исполняя данное мною карельскому племени обещание. Солдаты, земля, на которую вы вступили, святая земля, она пропитана кровью и страданиями нашего племени. Ваши победы освободят Карелию, ваши деяния принесут Финляндии великое, счастливое будущее. Главнокомандующий финской армии фельдмаршал Маннергейм» [4].

Финляндия сделала осознанный выбор между Германией и СССР. Страх перед распространением коммунизма и убежденность в том, что СССР готовится напасть на Финляндию, толкнули ее в объятия Гитлера. Действуя заодно с Гитлером, финские политики очень надеялись на победу Германии, на то, что Финляндия займет почетное и безопасное положение в мире.

Таким образом, с точки зрения международного права Финляндия с июня 1941 года до сентября 1944 года являлась де-факто союзником Гитлера и входила в число государств, потерпевших поражение во Второй мировой войне. Военные действия против Советского Союза были начаты Финляндией в нарушение заключенного 12 марта 1940 года московского мирного договора и противоречили международному праву.

* Работа подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда; проект № 11-01-00029а (2011 г.).

ИСТОЧНИКИ

1. Архив Управления ФСБ России по Республике Карелия (АФСБ РК). Ф. КРО. Оп. 1. Д. 76.
2. Гальдер Ф. Военный дневник (Июнь 1941 – сентябрь 1942). М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2010. 704 с.
3. Паасикиви Ю. К. Дневники. Война-продолжение. 11 марта 1941 – 27 июня 1944 / Пер. с фин. А. И. Рупасова. СПб.: Европейский дом, 2004. 424 с.
4. По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944: Документы и материалы / Науч. ред. В. Г. Макуров. Петрозаводск: Карелия, 1995. 636 с.
5. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33 987. Оп. 3. Д. 1294.
6. РГВА. Ф. 33 987. Оп. 3. Д. 1301.
7. Центральный архив (ЦА) ФСБ России. Ф. Зос. Оп. 8. Д. 5.
8. ЦА ФСБ России. Ф. Зос. Оп. 8. Д. 57.
9. ЦА ФСБ России. Ф. Зос. Оп. 8. Д. 58.
10. Rictio Rytin Paiva Paivakirjat 1940–1944. Helsinki: Edita, 2006. 366 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

11. Великая Отечественная война – день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной Армии. Т. 1. «Вторжение». М., 2008. 576 с.
12. История Второй мировой войны, 1939–1945: Фашистская агрессия против СССР. Крах стратегии «молниеносной войны»: В 12 т. М., 1975. Т. 4. 536 с.
13. Маннергейм К. Г. Мемуары / Пер. с фин. П. Куйвала, Б. Злобина. М.: ВАГРИУС, 1999. 509 с.
14. Мануо И. Финляндия на пути к войне: Исследования о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг. / Пер. Л. В. Суни. Петрозаводск: Карелия, 1999. 370 с.
15. Мягков М. Ю. Советско-финский фронт. 1941–1944 годы // Новая и Новейшая история. 2008. № 3.
16. Сутулин П. 1941. Финляндия: жертва или агрессор? // Загадочная Отечественная война. М.: Яуза: Эксмо, 2008. С. 5–46.
17. Юссила О., Хентия С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. М.: Весь мир, 2010. 472 с.

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЕГОРОВ

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Гуманитарного института, Череповецкий государственный университет (Череповец, Российская Федерация)

anegorov65@mail.ru

ОБРАЗ ЛИБЕРАЛА В КОНСЕРВАТИВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА*

Рассмотрен процесс формирования образа либерала в консервативных кругах Российской империи начала XX века на примере публицистических работ руководителя правительственной газеты «Россия» И. Я. Гурлянда и других представителей правого лагеря. Показано использование консерваторами различных приемов для дискредитации российского либерализма.

Ключевые слова: либерализм, консерватизм, публицистика, правительственная печать, образ либерала

Одна из особенностей общественно-политической жизни заключается в том, что зачастую многие люди судят о тех или иных политиках, партиях, общественных течениях не по их программе, системе ценностей, а на основании сложившегося в общественном сознании образа. Как правило, этот образ далек от реальности, но именно на него опираются люди, поддерживая ту или иную партию. В России начала XX века большую роль играла конституционно-демократическая партия (официальное название – Партия народной свободы (ПНС)), находившаяся в центре общественно-политической борьбы. Против кадетов активно выступали консервативные круги, стремившиеся навязать обществу негативный образ либерала как оторванного от повседневной народной жизни интеллигента, готового на все ради власти. Как же формировался образ либерала, кадета в правых, консервативных кругах России начала XX века?

Отношение царского правительства к кадетской партии ярко проявляется в работах консервативного публициста, приват-доцента государственного права И. Я. Гурлянда. Взлет его карьеры произошел при П. А. Столыпине: в 1907 году он становится членом Совета министров внутренних дел и ответственным руководителем правительственного официоза – газеты «Россия». Критика кадетской партии была своего рода «коньком» столыпинского официоза. Выполняя установку Столыпина «добивать кадет», Гурлянд написал ряд брошюр с резкой критикой ПНС. Поскольку в них проскальзывали антисемитские нотки, характерные для консервативной публицистики, крещеный еврей Гурлянд не мог издать их под своей фамилией и взял чисто русский псевдоним – Н. П. Васильев. Первой из них стала брошюра с многообещающим названием – «Правда о кадетях» [3]. В ней показана политическая роль ПНС в жизни страны в 1906 году и дана подробная характеристика социального состава различных групп кадетской партии.

Главный упор сделан на обличении партийных лидеров – П. Н. Милюкова, И. И. Петрункевича и др. Осведомленность автора в личных делах многих известных либералов такова, что можно не сомневаться в том, что Гурлянд использовал материалы МВД для компрометации кадетских лидеров.

После роспуска II Государственной думы П. А. Столыпину нужно было обосновать это решение в глазах общественного мнения. Для этого И. Я. Гурлянд публикует брошюру «Вторая дума» [2], которая является продолжением «Правды о кадетях». Как и в первой брошюре, здесь дается подробная негативная характеристика кадетских депутатов (особенно Ф. А. Головина), много внимания уделяется отношениям ПНС с трудовиками в Думе. В 1910 году Гурлянд пишет следующую книгу о кадетях – «Оппозиция» [4]. Автор подробно разбирает программу ПНС, особенно земельный вопрос, с целью показать несостоятельность либеральных идей. Затем приводится компрометирующий материал на видных либералов – В. А. Маклакова, А. И. Шингарева, Н. Н. Кутлера и др. В 1912 году в канун выборов в IV Думу Гурлянд выпускает новый переделанный вариант «Правды о кадетях» [5], существенно отличавшийся от первого. Основная цель издания та же, что и всех предыдущих – «добивать кадет». Зная роль Столыпина в «творчестве» Гурлянда, можно уверенно сказать, что в его работах выражена правительственная оценка деятельности кадетов.

Работы И. Я. Гурлянда при всех их очевидных недостатках (публицистичность, тенденциозность) – это самое серьезное и обстоятельное из всего того, что написали представители консервативного лагеря о либеральной оппозиции. Остальные статьи и брошюры правых о либералах не выходят за рамки партийной публицистики или памфлета. В качестве примера первого рода можно назвать речь одного из лидеров Всероссийского национального союза

графа В. А. Бобринского о кадетах, опубликованную в виде отдельной брошюры [1]. Пример второго рода – памфлет Н. Кривского «Второе правительство», написанный в связи с поездкой П. Н. Милюкова в Америку [10]. Крайне поверхностное и тенденциозное освещение деятельности ПНС в публикациях подобного рода говорит о том, что их авторы просто не разбирались в существе проблем, а в лучшем случае подгоняли известные им факты под свои взгляды, а то и вовсе искажали их. В современной России в связи с интересом к консерватизму переиздаются наиболее значимые публицистические работы видного консерватора В. П. Мещерского [13], знаменитого члена Всероссийского национального союза М. О. Меньшикова [11], [12], известного издателя А. С. Суворина [14] и др. Добавим, что В. П. Мещерский издавал одну из основных консервативных газет России конца XIX – начала XX века – «Гражданин».

Какие же идеи проводились в этих работах? Первое, что бросается в глаза, – это тесная, абсолютно неразрывная связь либерализма с «еврейским вопросом». Причину такого подхода можно найти в письме князя В. П. Мещерского А. С. Суворину: «Вдумайтесь хорошенько – наш беспочвенный либерал не есть ли брат-близнец столь ненавистного вам еврея?.. Еврей, сколько мне кажется, есть прежде всего тот деятель в человечестве, которого целью в жизни – есть отрицание христианских начал... и если это так, то потрудитесь мне объяснить, в чем различие между либералом нашего прогресса, который прежде всего хочет, чтобы власть земная была слаба и ему подвластна, чтобы Бог был изгнан с земли и душа была предана смерти, чтобы нажива давала все те права, в которых он отказывает роду, и так далее, – и между евреем, который буквально требует того же самого?.. Жид пришел к нам вместе с вами, господин издатель, пришел вами званный, вами приглашенный вместе с гуманностью, цивилизацией и либерализмом последних 30 лет. И я очень хорошо помню, как в одну дверь выходили вами изгонявшиеся дисциплина государственная, дисциплина школьная, дисциплина семейная, дисциплина церковная, а в другую дверь с расшаркиванием и комплиментами вы приветствовали входившие к нам из-за границы все виды расшатывающего и разнуздывающего либерализма» [7; 4].

Следовательно, «еврейское засилье» представлялось В. П. Мещерскому всего лишь частным случаем нашествия на традиционную Россию «либерализма», который являлся, в свою очередь, политической ипостасью буржуазной модернизации страны. Именно на этот триединый процесс указывал князь в 1902 году: «Либеральная Россия в своих целях стремится идти по пути Западной Европы и вести других по пути нового закабаления народа капитализму и еврейству» [13; 66].

Более детально этот сюжет разворачивается в «Гражданине» в 1896 году: «К сожалению, – писал сотрудник Мещерского В. В. Ярмокин, – развившаяся до грандиозных размеров газетная деятельность все более и более подпадает влиянию евреев, которые постоянно пропагандируют внешнюю формулу свободы, так как в свободе эксплуатировать своего ближнего вся их цель жизни, все направление их ума и все значение их в мировой жизни. Вот эта-то газетная литература, эта “книга” нашего времени – влияет вообще на умы, а в особенности на умы молодого поколения, которое... легко вводят в заблуждение, преподнося им эксплуататорские свои вожелания под флагом либерализма, под флагом правды и справедливости, под флагом свободы, равенства и братства. Оттого-то молодость с таким увлечением прислушивается к словам “конституция”, “республика”, всеобщее избирательное право... Еврей знает, что он пропагандирует. Такой политический строй народов самый удобный для владычества денег, т. е. той силы, которую одну только и признает еврей» [8; 5].

Итак, либеральные ценности, конституция, гарантии прав и свобод человека, по мнению автора «Гражданина», создают наиболее благоприятную среду осуществления «еврейских идеалов» наживы и эксплуатации. «Последнее слово “либерализма” есть эксплуатация других в свою пользу», – утверждал В. П. Мещерский. Оттого-то «республиканский образ правления представляет самую удобную почву для укрепления еврейского господства» [13; 67]. Но если равноправие и свободы являются не самодовлеющими ценностями, а всего лишь условиями господства евреев, то и сами евреи оказываются не самостоятельными субъектами, а почти бессознательными орудиями некой высшей инстанции. Такой высшей инстанцией, демиургом, распоряджающимся судьбами народов, в том числе и еврейского, представлялся авторами «Гражданина» финансовый капитал.

Таким образом, для В. П. Мещерского пресловутый «жид» – это всего лишь псевдоним болезненной капиталистической трансформации страны, развития буржуазного хозяйства и рыночных отношений. Во многих текстах «Гражданина» наблюдается это характерное переплетение этнических и социально-экономических категорий. Итак, еврей = капитал, и очевидно, что тревогу князя вызывает не «еврей», а именно «капитал», который несет смертельную угрозу поместному дворянству, самодержавию и всему «Старому порядку». Далее ставится знак равенства между понятиями «еврей», «капиталист», «либерал», «кадетская партия». Исходя из таких теоретических, если можно так выразиться, положений консерваторы оценивали кадетскую партию. Ее называли еврейской, жидокадетской (выражение М. О. Меньшикова) и т. п.

По мнению консерваторов, ПНС состояла из трех частей: правые кадеты, левые и центр. Правое крыло охватывало средние городские слои, часть купечества, приказчиков. И. Я. Гурлянд писал: «Сюда входят: служащие в банках, страховых обществах, комиссионных и иных конторах, особенно, если знакомые студенты успели поколебать в них веру в существующий порядок, а отсутствие политического развития сбивает в одну кучу стремления к лучшим условиям жизни и скорбь о том, что у нас нет республики. Сюда же входят и чиновники разных ведомств, зачисляющие себя в оппозицию из нерасположения к своему ближайшему начальству, из-за уменьшения порции праздничных наградных, из-за неполученного места, на которое имелись расчеты... Словом, все это крыло было бы правильнее назвать оппозицией по необходимости, в силу ряда нелепостей русской действительности» [5; 4]. Главная мысль очень проста: в либеральное движение люди идут не по объективным причинам, не из-за стремления к свободе и правовому строю, но в силу каких-то личных амбиций, обид на начальство, а то и просто собственной глупости. Кадеты предлагают этим людям всяческие блага, но, в отличие от левых партий, не требуют заниматься революцией.

Другое дело левое крыло партии. Это, по мнению консерваторов, чистые революционеры: «Оно состоит из людей воспламененных, из людей в такой мере ненавидящих существующее правительство, что когда они говорят о нем, глаза их принимают рубиновый оттенок, лица искажаются, а некоторых даже начинает как бы подергивать» [5; 11]. Разумеется, подавляющее большинство этой группы – инородцы, и прежде всего, конечно, евреи. Кроме того, сюда входят поляки, армяне, финны и др. Историки установили, что в кадетской партии было некоторое число евреев, но гораздо меньше, чем в социалистических партиях. Член ЦК ПНС А. В. Тыркова-Вильямс в своих воспоминаниях отмечала, что «главными создателями и руководителями кадетской партии были не евреи» [15; 427], и призывала не преувеличивать их влияние на политику партии.

И. Я. Гурлянд утверждал: «Левое крыло – это та агентура, при помощи которой кадетский центр нащупывает свои шансы в революционном подполье и при помощи которой делает свои наиболее бешеные атаки на уравновешенную часть общества... Начинаясь у точки, которую можно назвать строго конституционной, кадетская боевая линия развернулась вплоть до того тупого угла, где сосредоточились шайки политических убийц и грабителей... Исторически этот фронт строился не справа налево, а слева направо, и корни партии и основные ее центры вышли из тьмы революционного подполья» [5; 15].

Консерваторы были убеждены, что кадетская партия существует на деньги еврейских кругов,

связанных с революционным подпольем. Они утверждали, что выборы во все Думы были проведены кадетами почти целиком на еврейские деньги, что девять десятых журналистов, работающих в кадетских изданиях, – евреи, что сношения кадетов с европейской печатью и с различными международными радикальными организациями также ведутся через евреев. «Еврейские банки, еврейские торговые фирмы, еврейские общества – все приноровлено к поддержке кадетизма, потому что кадетизм есть только вывеска, под которой скрывается святая святых всего еврейского дела в России... Кадеты не имеют права выставить ни одного кандидата в Думу без предварительного разрешения еврейского синедрiona, обязанности которого исполняет правление союза еврейского равноправия», – утверждал И. Я. Гурлянд [5; 15].

В доказательство этого положения консерваторы указывали на роль члена ЦК ПНС М. М. Винавера. М. О. Меньшиков даже утверждал, что Винавер дирижирует всей кадетской партией [12; 72]. В этой связи отметим следующее. «Союз для достижения полноправия еврейского народа в России» был создан в марте 1905 года как коалиция ряда партийных еврейских группировок. Винавер действительно был одним из его создателей, но отнюдь не руководителем. Мало того, когда в деятельности этой организации усилились радикальные националистические тенденции, Винавер и другие кадеты-евреи вышли из Союза, создав свою собственную организацию – Еврейскую народную группу [9; 229]. Это была одна из самых умеренных еврейских общественных организаций, и даже речи не было о том, чтобы она руководила кадетской партией или подчинялась некому мифическому еврейскому центру.

Итак, справа в кадетской партии находятся амбициозные деятели, обиженные на власть, слева – инородцы из среды революционеров. А кто же в центре? Ответ И. Я. Гурлянда очень прост: «Центральная группа партии – лицемеры, политические мошенники, люди, обратившие ложь, подлоги, клевету и плутовство в основную прием своей политической деятельности» [5; 18]. Свалить все на евреев в данном случае было невозможно, поскольку в руководстве кадетской партии их было очень немного, преобладали русские. Консерваторы их называли «волки в овечьей шкуре» и всячески дискредитировали хорошо известными приемами: Департамент полиции представлял компрометирующие материалы на либеральных лидеров, а правая пресса их раздувала. Так, И. И. Петрункевича обвиняли в том, что он по женской линии потомок гетмана Мазепы, а значит, как и Мазепа, изменник России. В. Д. Набокова упрекали в богатстве, заявляя, что одна его жилетка дороже, чем гардероб двух трудовиков. Общим лейтмотивом правой

пропаганды было утверждение о том, что лидеры кадетской партии хотят только одного – власти, министерских портфелей и ради этого готовы пойти на все.

Кадетская партия имела хорошо разработанную программу переустройства страны на либеральных принципах, сформулированную П. Н. Милюковым, С. А. Муромцевым, В. И. Вернадским, М. М. Ковалевским и др. Оспорить эту программу по существу консерваторы не могли, но делали все необходимое, чтобы ее скомпрометировать. Это делалось очень просто. Правые доказывали, что программа для либералов существенного значения не имеет, а нужна лишь как средство возбудить недовольство существующим строем с целью осуществить государственный переворот. «Ряд лет, – писал И. Я. Гурлянд, – неустанно, изо дня в день, в общественное сознание внедрялось сознание, имевшее всегда одну и ту же цель: возбуждать недоверие к правительству как к строю, знаменующему собою произвол и несправие, и вселить стремление к свободе. К какой? К свободе вообще. О частностях не думали, а когда начинали подходить к ним, то ничего, кроме общерадикального вздора, придумать, конечно, не могли. И путем земства, и путем прессы, и путем университетского преподавания старательно создавалась та атмосфера недовольства и раздражения, которая должна была привести прежде всего к двум следствиям: к “переоценке ценностей”, т. е. к отказу от всего, что так или иначе отдавало традицией, привычкой, а следовательно, мешало вкоренению новых начал; во-вторых, к естественной уверенности, что на смену старого порядка уже готов новый; во всяком случае, что уже определились лица, которые лучше других могли бы осуществить новый порядок» [5; 22].

Главное в кадетской партии, по мнению консерваторов, – это тактика, которая должна привести их к власти. Все остальное – неважно. При таком подходе кадеты из идейных борцов за демократию и права человека превращались

в заурядных политиканов, готовых на все ради власти: «Нужна не свобода обществ и союзов, а нужна свобода обращать общества и союзы в орудие революционных целей... Речь идет не о свободе как начале гражданственности, а о свободе как средстве осуществить задуманный общий политический переворот. Сначала переворот – говорит “оппозиция” в кавычках, а затем займемся реальной жизнью. Впрочем, и тут она только лжет: переворот ей нужен вовсе не для того, чтобы потом чем-либо, действительно заняться. Переворот нужен как единственный путь, который мог бы привести к власти» [4; 45].

Следует отметить, что либералы, как правило, не вступали в полемику с консерваторами, считая это ниже своего достоинства. Так, А. В. Тыркова-Вильямс отмечала, что консервативная пресса «стояла на таком низком уровне, была такая грубая, что полемизировать с ней не приходилось. Вообще грубость была отличительной чертой правых, вплоть до употребления непечатных слов. Конечно, не в газетах, этого цензура не допустила бы, но они рассылали поносительные открытки, полные непристойных ругательств» [15; 426]. И. В. Гессен в своих воспоминаниях писал, что словесное состязание с правыми «представлялось дурацкой нелепостью, насмешкой над самим собою и вызывало непреодолимое отвращение» [6; 259].

Таким образом, консервативная публицистика начала XX века делала все возможное, чтобы всячески дискредитировать российский либерализм. При этом использовались самые разные приемы – от утрирования, передергивания и высмеивания до прямой лжи и клеветы. В общественное сознание упорно внедрялся образ либерала как беспринципного политикана, стремящегося получить власть любой ценой. Об уровне полемики говорит фраза графа В. А. Бобринского о названии кадетской партии: «Название это совсем не русское; даже произнести его очень трудно русскому человеку, и от одного имени его сразу веет чем-то нам чуждым» [1; 4].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00249.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобринской В. А. О конституционалистах-демократах или партии народной свободы. Звенигород, 1906. 18 с.
2. Васильев Н. П. Вторая Дума. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1907. 96 с.
3. Васильев Н. П. Правда о кадетях. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1907. 88 с.
4. Васильев Н. П. «Оппозиция». СПб., 1910. 138 с.
5. Васильев Н. П. Правда о кадетях. Новое дополненное и переработанное издание. СПб., 1912. 95 с.
6. Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. XXII. Берлин, 1937. 424 с.
7. Гражданин. 1886. 5 июня. № 45.
8. Гражданин. 1896. 10 ноября. № 84.
9. Книга о русском еврействе: от 1860-х годов до революции 1917 г. Иерусалим; М.; Минск, 2002. 598 с.
10. Кривский Н. Второе правительство (Поездка Милюкова в Америку и ее значение). СПб., 1908. 16 с.
11. Меньшиков М. О. Выше свободы: Статьи о России. М.: Современный писатель, 1998. 464 с.
12. Меньшиков М. О. Письма к русской нации. М., 1999. 560 с.
13. Мещерский В. П. Гражданин консерватор. М., 2005. 304 с.
14. Суворин А. С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904–1908). М., 2005. 752 с.
15. Тыркова-Вильямс А. В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М.: Слово, 1998. 560 с.

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ КИЛИН

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
yurikilin@yahoo.com

SOVIET-FINNISH WAR 1939–1940 AND RED ARMY'S LOSSES*

The 105-day long Soviet-Finnish War (30 Nov. 1939–13 Mar. 1940) was one of the largest local wars waged in the XX century. Its frontline stretched from the Barents Sea to the Gulf of Finland, exceeding 1 400 kilometers, and approximately one fourth of the Red Army's whole battle strength was engaged in the war. By the end of the military conflict exactly 60 infantry and cavalry divisions of various types were massed on the front, providing the Red Army with an overwhelming numerical superiority over the Finnish Army, whose battle strength did not exceed 300 000 soldiers. Shortly before the outbreak of the fighting, the Red Army deployed assault troops of roughly 450 000 men on the border territories, all in all, 21 infantry divisions. These forces were massively strengthened in January – March, 1940 by 39 infantry and cavalry divisions speedily dispatched to the front, raising the battle strength of the Soviet troops to a so far (after the Russian Civil War) unprecedented one million man army, to say nothing about its technical superiority counted in tens (combat aircraft) and hundreds (armoured combat vehicles). The Red Army suffered exceptionally heavy losses in comparison to the seized territories during the Winter War whose principal battles had been fought in extremely severe long-lasting frosts, in many cases below minus forty degrees centigrade. The author of this article estimates that the total irretrievable losses of the Red Army during the Soviet-Finnish war amounted to 138 533 men.

Key words: Soviet-Finnish, Russo-Finnish, Winter War 1939–1940, Red Army's losses in the Winter War

THE MAIN OUTLINES OF THE WINTER WAR

The Winter War had a long and complicated pre-history that is mainly ignored or unknown by its researchers, who are inclined to see its origins in the early, mid- or even late 1930s with a narrow political approach. It must be stated that in analysing the genesis of the Winter War, solely political and even military approaches do not work. The war should be looked at as a part of the global planning of the Soviet leadership [7; 448–449], bearing in mind the ultimate goal of the Soviet state's foreign policy in 1920–1930s – restoring Tsarist Russia's borders of 1914 with some possible minor changes on the western border in favour of its most possible ally, Weimar Germany. In this sense, the "Finnish issue" was just a part of a larger problem on the USSR western border in 1920–1939.

Much was at stake for the USSR, which at the beginning of 1939 was industrially undeveloped and militarily unprepared for a large-scale war. The primary military goal of the Soviet state from the mid-1920s to 1939 had been to reinstate Tsarist Russia's western borders by eliminating newly independent buffer states and ensuring the so-called "natural", i. e. easily defendable borders. The USSR's 3 774 kilometers (from Barents Sea to Black Sea) long and almost non-fortified western border was seen as the principal weakness of the Soviet state fraught with possible military defeat. By annexing Baltic states, Finland and regaining territories that had been occupied by Poland and Romania in 1918–1920, the USSR would have shortened its western border to

the Baltic Sea – Black Sea isthmus, the main front of the future large war, to roughly 1 200 kilometers (as measured by a straight line from Lithuania's western border to the city of Odessa). This would have eliminated a flank threat posed by Finland and its possible allies, as it was then estimated. So, the war against Finland was a key action for a successful encounter with Germany, as the 1 554 kilometer long Soviet-Finnish border made up over 41 per cent of the whole USSR's western border [3; 140].

This plan could be realized only in cooperation with one of the influential European state: Great Britain, Germany or France. Soviet leaders had tried all three possible alliances in 1920–1930s, having signed the Molotov – Ribbentrop Pact with their "old ally" on August 23, 1939. Leningrad Military District, however, had begun its preparations for the war against Estonia, Latvia and Finland in December 1938, some months before secret Nazi-Soviet contacts started. Military preparations were compromised by the sabotage of the Soviet Peoples Commissariats (ministries), which failed to fulfill their tasks, leaving the Red Army totally unprepared theatre-of-war. Stalin used the talks with the Finns held in Moscow in October – November 1939 as a co-ver-up for military preparations [2; 357].

The war plan drawn up by the headquarters of the Leningrad Military District was totally unrealistic. Its main idea of a "one-month war" originated in 1930, when a military game played in Leningrad ended in a month-long war and the takeover of Helsinki [4; 115]. The Red Army's grouping deployed

on the border from mid-September to November 30 had no ready reserves and the troops were incorrectly distributed between two theatres-of-war: west and north of Ladoga Lake. Reserve troops were badly, if ever, trained and motivated to fight effectively during the first phase of the war. All these factors predetermined heavy losses of the Red Army during the Winter War. Nevertheless, the USSR had a one million man army in high battle condition by March 13, 1940 when the Moscow treaty ended hostilities. The war ended because of the Soviet leaders' fear of allied intervention [2; 384].

CLARIFICATION OF THE RED ARMY'S LOSSES IN THE WINTER WAR IN THE USSR – RUSSIA 1940–2009

In the 50 years that followed the war estimations of the losses suffered by the Red Army in the 105 days of the war varied widely from mere 45 000, mentioned by the Soviet foreign minister Vyacheslav Molotov in spring of 1940, up to “over one million dead” Soviet soldiers. The figure was seen by the author of this article on tourist information boards in Ilomantsi area seven years ago. The truth lies as always somewhere between these numbers.

By the end of June 1940, when military units and a special commission had arranged the burial of 8 367 dead soldiers newly found on battlefields and buried in mass graves, as well as 2 853 dead reburied from single graves to mass graves, there were, all in all, 18 military cemeteries and 410 mass graves on the battlefields of the Winter War, that now are mainly the Russian Republic of Karelia and Leningrad region [7; 8].

In the course of the war, the Red Army's military units suffered extremely heavy losses, as stated above. The losses were first counted and made public by a research team headed by Lieutenant-general Grigori Krivosheev in 1993. The team used as a raw data the Red Army's so-called ‘irretrievable losses’ (all who lost their lives in the war) records that had been compiled by the personnel department of the Ministry of Defence of the USSR as early as in 1949–1951, when it was decided to keep the records secret. Publishing of the formerly secret materials was not permitted until the USSR had disintegrated [1; 103]. While compiling casualty records the personnel department used as raw data sources the Russian State Military Archive (RGVA), Central Archive of the Defence Ministry, Russian State Navy Archive (RGA VMF), Military Medical Academy's Archive and the archives of territorial military commissariats, that is, military registration and enlistment offices. From the very beginning, the records were known as “the General Staff's data file” among those who were aware about the situation.

In this publication the total irretrievable losses of the USSR's armed forces in the Winter War were reported to be 126 875 men, including those killed in action (KIA), personnel missing in action

(MIA), died during sanitary evacuation, fatalities due to accidents and disease, and soldiers sentenced to be shot by military tribunals [1; 125]. The Red Army's so-cold sanitary losses, a category that includes the wounded, contused, burnt, frostbitten and diseased, were counted by the team and amounted to 264 908 men [1; 125]. Subtracting 58 370 diseased from 264 908 and adding 126 875 dead gives us the total figure of combat losses of the Red Army in the Winter War – 333 413 men (counted by the author, [1; 125]), according to Krivosheev's research team.

In accordance with the decrees issued by the government of the Russian Federation on December 22, 1992 г. № 1004 and on August 26, 1995 г. № 1177-р, a composite author team headed by Vladimir Zolotaryov compiled additional data from the principal archives of the Russian Federation. In 1999–2005, the team published a nine-volume Memory Book, dedicated to the Red Army soldiers who lost their lives in combat in 1929–1940. The Memory Book's second to ninth volumes contain specified nominal lists of the Red Army's irretrievable losses, that is, personal data on presumably all the Soviet soldiers who lost their lives during the Winter War [9], though in many cases this data is incomplete. A number of new entries were added to the Memory Books as compared to the figures published by Krivosheev's team after new data was found in Russian military and medical archives, raising the total loss number well over 130 000, though the exact figure had not been calculated.

For a variety of reasons, the Memory Book, although the best publication on the topic at the moment of publication, is not free from some substantial shortcomings, the most common of them being double and even triple entries for the same dead soldier due to raw data derived from different written sources with differing name spelling variants. Moreover, military clerks' insufficient language competence produced a great number of wrong name and surname spellings, making it difficult or even impossible to identify many of the dead soldiers. The theatre-of-war's extremely difficult mixed Finnish and Karelian toponymy, in many cases wrongly spelled by military clerks, has also caused confusion among relatives of the dead soldiers in the process of planning commemorative trips to the mass graves and military cemeteries of the Winter War. The renaming of the whole of the Karelian Isthmus's Finnish and Karelian toponymy into Russian in 1948–1949, when this territory was included into the Leningrad region, has greatly complicated the situation. The situation is further complicated by the incomplete information presented in a database compiled by the Russian State Military Archive by 1999 and presented in the Memory Books. In some cases, information on dead soldiers, even officers, is not presented in this database, as evidenced by letters from relatives of the dead soldiers.

From this starting position an Internet project entitled “Russo-Finnish War 1939–1940” was initiated and completed by the author of this article and Veronika Kilina in 2006–2009 aiming to use the Internet for furthering fuller understanding of one of the bloodiest local wars waged in the 20th century [10]. The clarification of the true losses suffered by the Red Army has been the prime concern of this humane project. The main purpose of this project is to provide an opportunity for the relatives of the dead soldiers to find out the exact places where the soldiers were buried or went missing during the fighting. For this purpose the database, which consists of 168 024 personal entries, was corrected by eliminating multiple entries for the same dead soldiers. Thus, the database was cut down to 138 533 entries, counted by the author of the article on the basis of the corrected database from May 5, 2012 [10], which is at the moment the most correct figure of the Red Army's irretrievable losses during the Russo-Finnish war. For the first time, information on over 100 prisoners of war who died in Finnish custody was included into the database thanks to the former Finnish Military Archive, now a part of the National Archive of Finland. This information was not presented in the Memory Books.

The total number of the losses, 138 533, in no sense should be seen as “the very precise” figure. Interaction through the Internet site with relatives of the dead soldiers makes it possible to adjust the data already presented on the site, as well as to include data about those who are not even mentioned due to a complete lack of information, and to exclude more multiple entries. Therefore, the total number will inevitably be changing, though, I believe, by hundreds at the most, not by thousands. Adding the 206 538 men included to the so-called sanitary losses – mainly the wounded, with the exception of the diseased – to the 138 533 dead gives us the total number of the Soviet armed forces' combat losses – 345 071 men, counted by the author of the article on the basis of the corrected database [10] and Grif sekretnosti snyat [1; 125] which is almost 76.7 % of the initial Red Army's grouping. Thus, the Red Army's average daily irretrievable losses during the Winter War amounted to 1 320 men, and overall daily casualties, with the exception of the diseased, to 3 287 men.

The clarification of the real irretrievable losses of infantry divisions, which took part in the fighting and accounted for the lion's share of the Red Army's fatalities, was a much more challenging undertaking than counting total losses, because almost five per cent of the individual records in the database have no information on the military unit in which the dead soldiers had served. Taking this into consideration, the author of the article counts below the irretrievable losses of some infantry divisions, adding five per cent to the figures counted in the database.

Out of 60 divisions engaged in the war, the heaviest losses were suffered by the 56th Corps's 18th Infantry Division, which was encircled by the Finns in the Lemetti area north-east of Ladoga lake – 6 524 killed, died to wounds and missing in action, from the initial 15 000 man battle strength of the division. This is a more accurate figure than mentioned in the article published in 2010 [6; 77]. Fatalities of the 34th Light Armoured Brigade encircled in the same area amounted to 1 075 men resulting in a total loss of the fighting capability of the brigade. Contrary to this, under the solid command of Colonel Andrey Bondarev the 56th Corps's 168th Infantry Division encircled west of the 18th Infantry Division's battlefields in Kitilä – Haukkaselkä – Koirinoja area on a relatively large and compact territory, was able to avoid the loss of combat effectiveness and complete destruction until the end of the war, with the loss of 1 682 men.

The losses of the two divisions operating in the extreme north in Petsamo area, far away from the main theatres-of-war on the Karelian Isthmus and North-East of Ladoga lake, were relatively small, 52nd Infantry Division lost 322 and 104th Mountain Infantry Division – 149 men. At the other extreme, two infantry divisions, encircled in Suomussalmi area in northern Finland, suffered heavy losses as a result of one of the shortest and bloodiest battles of the Winter War. Encircled by the Finns in Suomussalmi by mid-December 1939 the 163rd Infantry Division had retreated to the Soviet-Finnish border just at the moment when the 44th Infantry Division was being speedily marched to the front to break through the encirclement, suffering 4 386 men losses by the end of the war. Subsequently, 44th Infantry Division, encircled in the Raate area, lost 4 494 men in the Battle of Suomussalmi (December 1939 – January 1940), the heaviest daily losses ever suffered by the Soviets during the Winter War, because the battle lasted in effect just a week. Exceptionally heavy losses of these two divisions can be explained by the steadfast desire of the military commanders to decide the outcome of the operation by capturing Oulu and cutting Finland in two parts in the shortest possible term.

By the end of the 1990s, the Finns established their own database, clarifying the irretrievable losses of the Finnish army in the Winter War on the basis of the information given by parishes – 26 662 men [9; 825]. Overall casualties of the Finns, including those killed in action, missing in action and wounded are estimated by researchers to be 68 000–70 000 men [9; 828]. Thus, the Finnish army's daily irretrievable losses amounted to 254 men, corresponding 19.2 % of the Red Army's losses. Wartime daily losses of the Finns amounted to 648–667 men (19.7–20.3 %). Overall, Finnish and Soviet irretrievable losses were in the ratio 1:5.2. This great disparity is a convincing evidence of the Soviet leaders' hard political will to achieve the prime goal of the war, the annexation of Finland, at any price. The disparity makes it

also clear that the Finnish army was relatively more effective and the Finns were better ready for war, though not materially.

AN OUTCOME OF THE WINTER WAR

Though the war's original goals, occupation and annexation of Finland, had not been achieved, the Soviet leadership ensured, as it then seemed to the Kremlin, better security for the state's biggest war-industrial centre, Leningrad, for the strategic railway connecting Leningrad to the unfrozen port of Murmansk and for the strategic Baltic Sea – White Sea canal. According to the Moscow treaty's provisions Finland ceded to the Soviet Union the whole Karelian Isthmus with the country's second-biggest city of Vyborg, the so-called Ladogan Karelia along with the town of Sortavala, the Suojärvi region north-east of Ladoga Lake – a total area of

34 800 square kilometres (except Ladoga Lake) – and the Kuolajärvi region of northern Finland, the so-called “Finnish waist” (9 000 square kilometres) in the Salla region, ensuring the shortest route to the Swedish border. The USSR leased Hanko peninsula west of Helsinki and ensured the supply of badly needed cellulose [4; 219], a principal component in the production of gunpowder and explosives. Still, the main military goal of the war, the shortening of the USSR's western border by annexing Finland for the inevitable war against Nazi Germany, had not been achieved. The outcome of the Winter War determined Finland's decision to ally with Germany and reanimated dreams of a Greater Finland, which had been fading away since the mid-1920s. As a result of the war, Finland, in effect, turned from her doubtful (for Soviet leaders) neutral state status into a certain enemy of the Soviet state.

* Работа выполняется при финансовой поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.

REFERENCES

1. Grif sekretnosti snyat. Poteri vooruzhennyh sil SSSR v voynah, boevykh deistviyakh i voennykh konfliktakh: Statisticheskoye issledovanie / Ed. G. F. Krivosheev. Moscow, 1993. 416 p.
2. K i l i n J. Puna-armeija Stalinin tahdon toteuttajana talvisodassa // Talvisodan pikkujättiläinen. Porvoo, 1999. S. 356–384.
3. K i l i n J. Suurvallan rajamaa: Neuvosto-Karjala neuvostovaltion politiikassa 1920–1941. Jyväskylä, 2002. 291 s.
4. K i l i n Y. Karelia v politike sovetского gosudarstva. Petrozavodsk, 1999. 275 p.
5. K i l i n Y. The Birth of Soviet Globalism: The USSR's Military Activity in the Arctic and Sub-Arctic in 1920–1941. Proceedings of the International Congress on the History of the Arctic and Sub-Arctic Region (18–21 June, 1998. Reykjavik). P. 448–449.
6. K i l i n Y., K i l i n a V. The Red Army's losses during the Winter War // Perspectives on the Finnish Winter War. Winter War-seminar in Helsinki, 11 March 2010. P. 73–78.
7. Kniga pamyati. Moscow, 1999. Vol. 2. 549 p.
8. Kniga pamyati. Vol. 2–9. Moscow, 1999–2005.
9. L e n t i l ä R., J u u t i l a i n e n A. Talvisodan uhrin // Talvisodan pikkujättiläinen. Porvoo, 1999. S. 816–828.
10. Zimnyaya voyna. Bezvozvratnye poteri Krasnoy Armii v period sovetsko-finlyandskoy voyny (1939–1940) [Electronic resource]. Access mode: <http://winterwar.karelia.ru/site/about>

ОЛЬГА ЮРЬЕВНА КУЗИВАНОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры управления социально-политическими процессами факультета управления, Коми республиканская академия государственной службы и управления (Сыктывкар, Российская Федерация)
kuzivanova@krags

СИМВОЛИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ЭТНИЧНОСТИ (на примере коми народа)

На основе методологического посыла о системном характере этничности рассматриваются ее символические ресурсы, которые нашли отражение в региональной политической культуре Республики Коми. Проводится мысль о том, что будущее этнической культуры во многом зависит от совпадения традиционной этнической символики и культурных символов эпохи.

Ключевые слова: этничность, системный подход, символические ресурсы, этнические символы в политике

Символическая природа этничности вызывает глубокий интерес исследователей, так как символ – это не просто знак, а «сгущенная информация», где присутствуют эмоциональные и когнитивные напластования. Способность этнического символа вызывать сильную ответную реакцию ставит этничность в ряд инструментов воздействия на людей, что может использоваться в разных целях, в том числе деструктивной направленности. С другой стороны, символическая природа этничности может способствовать «выживанию» традиционной этнической культуры в современности.

Символ имеет сложную структуру, объединяя различные планы реальности в единое целое, создает собственную многослойную структуру, смысловую перспективу [2; 728]. Созданный символами мир настолько сложен и богат, что порой может определять каждый шаг жизни индивида. «...Способность к наделению смыслом дает индивиду возможность так далеко выйти за пределы социальной жизни, что он может найти себе место в символическом универсуме, даже в своем крайне уединенном существовании» [1; 158]. «Символический универсум упорядочивает также историю. Он связывает коллективные события в единое целое, включающее прошлое, настоящее и будущее. По отношению к прошлому создается “память”, объединяющая всех тех, кто социализирован в данной общности. По отношению к будущему создается общая система отсчета для того, чтобы индивид мог планировать свои действия» [1; 168]. По словам выдающегося литературоведа и семиотика Ю. М. Лотмана, коммуникационный процесс вообще невозможен вне семиотического пространства, «семиотический опыт должен парадоксально предшествовать любому семиотическому акту» [10].

С точки зрения этнопсихологии национальные символы выражают содержание национальной психики, черты характера нации, ее чувства и установки по отношению к себе и к другим

этносам. По этнопсихологическому содержанию А. А. Налчаджян выделяет следующие типы символов:

1. Символы, выражающие этническую «я-концепцию (идентичность);
2. Символы, выражающие этнический характер;
3. Символы, с помощью которых выражаются этносублимационные процессы;
4. Символы защитных механизмов и процессов, а также их результатов, которые, как известно, не всегда осознаются;
5. Символы, выражающие отношение к другим народам и связанные с гетеростереотипами;
6. Символы, выражающие отношение этноса к самому себе, тесно связанные с автостереотипами;
7. Символы, выражающие идею государственной независимости или стремления к ней» [13; 152].

Этнические символы выполняют важную функцию в поддержании жизнеспособности этничности: социализации, адаптации, инновации. Сталкиваясь с инокультурной средой, этничность может мобилизовывать символы в конкурентной борьбе, и тогда они приобретают особое эмоциональное содержание. В процессе длительного межкультурного взаимодействия этнические символы либо ослабевают и исчезают из активной социальной жизни, либо интегрируются с доминантной культурой. Именно интеграция с современностью, на наш взгляд, позволяет традиционной культуре, а значит, и этничности сохраняться.

Способность этнической символики интегрироваться с окружающей культурой зависит от качественных характеристик окружающей среды. В советской этнографии этносы рассматривались как сложные, динамические, исторически сложившиеся системы. С уходом примордиализма как ведущей методологии из этнологических исследований перестали быть актуальными и представления об этносе как со-

циальной системе. Вместе с тем в этнопсихологии, исторической этнологии особое значение придается именно системным функциям этносов. Так, в рамках исторической этнологии, пишет С. Лурье, понятие «этнос» употребляется, когда речь идет об особом рода социальной системе [11; 39]. Этносу присущи «поведенческие, коммуникативные, ценностные, социально-политические модели и культурные элементы... в своей совокупности они образуют целостную структуру. Эта структура имеет несколько важнейших функций... способствует поддержанию стабильности этноса, определяет поведение различных частей этноса в кризисные эпохи и детерминирует процесс, который станем называть "самоструктурированием" этноса» [11; 40].

«Этнические общности, – пишет этносоциолог В. Г. Костюк, – являясь реальными, а не воображаемыми, сложными социокультурными образованиями, находятся в постоянном взаимодействии с окружающей природно-исторической средой и образуют этносферу более крупных социокультурных общностей – локальных цивилизаций» [6; 92]. Этническая общность рассматривается автором как субъект и объект цивилизационного процесса. Ю. В. Попков и Е. А. Тюгашев отмечают, что правомерно говорить об этносах как о разновидностях локальных человеческих сообществ [14; 99].

Этничность и традиционная культура находятся в тесной связи друг с другом. С одной стороны, этничность (как особая форма идентичности) как бы «приватизирует» традиционную культуру. С другой стороны, сама идентичность и границы отличительности вырабатываются в рамках традиционной культуры. Этничность демонстрирует потрясающие конструктивистские возможности, но и имеет глубинную связь со своим традиционным и природным компонентом, а также некую иррациональную сторону, о которой говорят многие исследователи.

Понятно, что поле традиционности сужается под напором общества модерна. Но этничность продолжает жить в современности. Возникает вопрос: каковы ресурсы выживания этничности? Если понимать ресурсы как способы утверждения и закрепления в современности, то можно выделить ресурсы политические, экономические, культурные, языковые. Те ресурсы, которые несут значительную символическую нагрузку и непосредственно оказывают влияние на эмоциональное восприятие, можно отнести также к символическим.

Два наиболее ярких символа в истории национально-государственного развития Коми – символ республики как национально-государственного образования, субъекта Федерации и символ коми языка как элемента культуры коми народа.

Трудно переоценить значение факта создания в 1921 году Коми автономной области в истории

национального развития коми народа. По мнению финского исследователя С. Лаллуки, образование национальных автономий впервые привело к появлению для многих народов, в том числе и финно-угорских, «легитимных территориальных объектов идентификации», а их зарождающееся национальное чувство «получило определенные, хотя и ограниченные, институциональные выходы для самоутверждения» [9; 21]. Коми политическая элита сформировалась в 1920-е годы одновременно с этнополитической символикой. Самоопределение, автономия стали теми символами, которые выделили и объединили часть коммунистов, советских и партийных работников, интеллигенции в одну группу единомышленников, стали идейными концепциями для политической элиты Коми автономной области. Целое десятилетие символ коми автономии определял идейно-политический вектор деятельности региональной политической элиты. На протяжении 1920-х годов руководители Коми автономной области настойчиво добивались от центра повышения статуса коми автономии до республики, протестовали против вхождения автономной области в Северный край с центром в Архангельске [7]. Собственная концепция политической элиты в отношении развития автономии исчезла только вместе с усилением тенденции государственно-административного централизма, вхождением Коми автономной области в состав Северного края и началом кампании против «буржуазного национализма».

С начала 1930-х годов идейно-политическая активность региональных политических элит перестала вписываться в административно-политическую практику управления страной, а сами элиты подверглись репрессиям. Советская власть в лице партийного руководства страны легитимировала символы регионального политического развития в соответствии с собственными планами. Символом политических репрессий стал лозунг борьбы с контрреволюцией во всех ее проявлениях. Деятели финно-угорской культуры и науки, советские и партийные работники, отстаивавшие идеи автономии, стали объектом репрессивной политики; наметившиеся научные и культурные связи финно-угорских народов легко превращались в символы объединения советских финно-угорских автономий против советской власти, движения за отторжение этих территорий от СССР и присоединения к буржуазной Финляндии. По словам К. И. Куликова, дело Союза освобождения финских народов, «инспирированное в 1931 году и продолжающееся в различных вариантах на протяжении двадцати лет, является, с одной стороны, величайшей аферой властных государственных органов СССР, с другой – невиданной трагедией в жизни финских народов России: карелов, коми, марийцев, мордвы, удмуртов и финнов» [8; 7].

Новый этап советской истории концептуально закрепил миф «восхождения» коми от народа до нации: от народа, территориально разобщенного по губерниям, до обретения статуса автономной области, а затем – Коми Автономной Советской Социалистической Республики. Символически этот факт закреплялся в Конституциях СССР и Конституциях автономной республики. Так были приняты Конституции Коми АССР 1937 и 1978 годов. В них были закреплены признаки государственности, которые, впрочем, имели слабо выраженную этническую специфику.

Символизм этничности приобрел новую политическую актуальность в связи с процессом суверенизации национальных автономий в период распада Советского Союза. Цели национальных движений и региональных политических элит в этот период совпали: в Республике Коми съезд коми народа (действует с 1991 года) получил политическую поддержку региональных властей, а республиканская политическая элита – символическое укрепление легитимности своих требований в отношениях с федеральной властью. Этнические символы органично дополнили новый облик Республики Коми как субъекта Федерации.

Этнические мотивы сегодня закреплены в государственных символах республики: гербе, флаге, гимне, которые были приняты на XX сессии Верховного Совета Республики Коми 12-го созыва 6 июня 1994 года¹. Вот как описывает предысторию создания гимна республики В. П. Марков, в то время – председатель Комитета возрождения коми народа: «Начало работы съезда (третий съезд коми народа, декабрь 1993 года. – О. К.) было неожиданным для делегатов. Среди активистов национального движения было много разговоров о символах республики, необходимости принятия новой Конституции, герба и гимна. Художественный руководитель музыкального театра И. П. Бобракова, болеющая всем сердцем за свой народ, предложила за пару недель до съезда подготовить к исполнению, а затем и исполнить силами артистов театра песню Виктора Савина “Варыш пöз” (“Соколиное гнездо”), которая, по мнению ряда активистов, могла бы стать гимном республики... Спустя некоторое время именно мелодия песни Виктора Савина “Варыш пöз” стала победителем конкурса разработки проекта гимна республики» [12; 71–72].

Наиболее ярким этническим символом в политической сфере республики является коми язык. С приобретением в 1992 году статуса государственного коми язык получил важнейший ресурс для сохранения и развития в современных условиях. Финский ученый С. Сааринен пишет: «...язык не может сохраняться, если он не имеет в обществе официально признанного статуса. Языковой закон, определяющий равноправный статус русского языка и языка национального

меньшинства, – это обязательное условие повышения престижа языка национального меньшинства и обеспечения прав носителей языка» [15; 66]. Однако низкий общественный статус коми языка снижает его значимость как ресурса для этнической группы.

В 2003 году Министерством по делам национальностей Республики Коми был инициирован этнолингвистический социологический мониторинг по выявлению современных проблем функционирования коми языка на территории республики. Социологические исследования по республиканской выборке были проведены в 2003 и 2006 годах². Исследователей интересовало, как используется коми язык в повседневной жизни, как он воспринимается некоми населением, как оценивается его общественный статус всеми национальными группами населения.

Наиболее емким вопросом, в котором оценивается роль коми языка во всех сферах жизни, является вопрос о его общественной значимости. В сущности, респондентам предлагалось на основе собственных наблюдений в одном ответе оценить востребованность языка, его реальное функционирование и в целом отношение к нему населения республики. По результатам исследования 2006 года, 53 % русских и 69 % коми респондентов считают, что общественная значимость коми языка «недостаточно высокая» и «низкая». Респонденты также демонстрировали невысокий уровень готовности принимать обязательность изучения коми языка как государственного в школах.

Исследователями была выявлена довольно высокая степень лояльности местного населения к коми языку. Это относится как к коми группе (25 % населения по переписи 2002 года), так и к другим этническим группам. Например, в 2006 году 39,9 % коми респондентов говорили, писали и читали на коми языке, из них желали для своих потомков такого же уровня владения – 43,6 %; 23,3 % – говорили на коми, желали этого для детей и внуков – 36,2 %; только понимали коми речь – 16,6 %, желали этого – 18,5 %. То есть желаемый уровень владения для своих потомков у респондентов оказался более высоким, чем реальное владение языком на момент исследования.

Похожую ситуацию, и даже более неожиданную, мы видим с русскими респондентами. 34,3 % русских респондентов желали для своих детей и внуков активного владения коми языком, при этом реальный уровень активного владения коми языком в русской группе составлял 5,4 %.

В исследовании 2007 года³, проводившемся в рамках российско-финляндского проекта, отношение респондентов к коми языку проявилось через ответ на вопрос «Что означает для вас коми язык?» (см. таблицу).

Для коми респондентов коми язык – это прежде всего «мой родной язык» и «язык моих пред-

ков». Об этом заявили более половины из числа опрошенных коми. Для русских и других национальностей коми язык – это «язык коми народа» (более 40 %) и «язык сельского населения» (более четверти ответивших). 16,4 % респондентов некоми национальности обозначили его как «язык моих предков». Позиции «чужой язык» и «ничего не обозначает» избрали 6–7 % русских и других респондентов, что в целом является низким показателем.

Ответ на вопрос
«Что означает для вас коми язык?», % *

Ответ	Коми	Русские и др.
1. Мой родной язык	62,9	2,9
2. Язык моих предков	54,8	16,4
3. Язык моего народа	28,7	7,1
4. Государственный язык Республики Коми	19,1	9,8
5. Язык коми народа	20,6	43,1
6. Язык моих близких, друзей и знакомых	24,6	13,0
7. Язык сельского населения Республики Коми	28,3	27,1
8. Чужой язык	0,4	6,9
9. Ничего не означает	0,0	6,8
10. Затрудняюсь ответить	0,4	3,9

*Сумма не равна 100 %.

Лояльность населения к коми языку объясняется многовековым сосуществованием бок о бок коми и русского народов, отсутствием серьезных межэтнических трений и конфликтов, интегративными способностями коми и русской культур. Коми язык, несомненно, сегодня является символическим элементом региональной субкультуры.

В то же время республиканская власть особенно не задается вопросами закрепления культурных символов коми народа: в городах мало памятников культуры и истории с этнической символикой, отсутствуют рестораны с национальной кухней, в торговле мало представлена продукция коми народного творчества. Недостаточно эффективно выполняются нормы закона о присутствии двух государственных языков (коми и русского) в названиях населенных пунктов, на дорожных указателях. По данным мониторинга, результаты которого озвучил министр национальной политики Республики Коми В. Коробов в октябре 2010 года, оформленных на двух языках указателей населенных пунктов в республике всего 4 %, улиц и площадей – 49 %, дорожных указателей – менее 1 % [5]. Региональная власть почти не использует факт складывания региональной идентичности и общности региональной субкультуры для решения государственных задач.

Однако продвигать этническую символику местные власти заставляют экономическая кон-

куренция и рынок. Символы этничности продолжают жить в современной коми региональной субкультуре, становятся настоящими брендами. Города и районы Республики Коми извлекают из сокровищницы народной культуры те символы, которые придают территориям неповторимую специфику, делают их привлекательными для туризма и проведения культурных мероприятий. Многолетнее созидание социальных связей в рамках финно-угорского мира создало ряд культурных и имиджевых объектов на территории республики, таких как финно-угорские культурные центры (на региональном и федеральном уровнях). С 2010 года разворачивается строительство финно-угорского этнопарка в окрестностях села Ыб Сыктывдинского района. Культурными символами становятся финно-угорские фестивали, праздники, конкурсы красоты. В марте 2011 года на празднике коми песни «Василей» В. Коробов, будучи уже министром культуры республики, заметил, что «“Василей” уже давно не достояние Усть-Куломского района. Это даже не бренд одной территории нашей республики. Это символ всей нашей коми земли» [3].

Характерная черта последнего десятилетия XX века – развитие этнополитических движений финно-угорских народов. Национальные движения стали организующей силой этнической мобилизации. В финно-угорских регионах России они сразу вышли на очень высокий организационный уровень. Сначала общественные движения оформились на региональном уровне – «Удмурт кенеш», «Марий ушем», «Съезд коми народа», «Съезд карельского народа» и др. Уже в мае 1992 года в Ижевске состоялся первый всероссийский съезд финно-угорских народов, на котором была учреждена Ассоциация финно-угорских народов России. В декабре того же года в Сыктывкаре прошел первый Всемирный конгресс финно-угорских народов (второй – в Будапеште в 1996 году, третий – в Хельсинки в 2000 году, четвертый – в Таллине в 2004 году, пятый – в Ханты-Мансийске в 2008 году).

Финно-угорское движение, кроме местного и регионального уровней взаимодействия с государственной властью, обозначило два новых – федеральный и международный. В Саранске 19 июля 2007 года состоялась встреча президента России В. Путина, президента Финляндии Т. Халонен и премьер-министра Венгрии Ф. Дюрчания с руководителями Консультативного комитета финно-угорских народов и Ассоциации финно-угорских народов России. На встрече В. Путин дал высокую оценку сотрудничеству финно-угорских народов и власти: «Международные и общественные организации финно-угорских народов всегда стремились к конструктивной работе с государством... И это, безусловно, их серьезный вклад в развитие финно-угорской культуры, языков, традиций, но

в то же время и укрепление Российского государства» [16].

Международное финно-угорское сотрудничество хорошо вписывается в международную политику периода краха биполярной системы, поэтому символизм финно-угорского мира поддерживается и российской политической элитой: финно-угорский фактор становится фактором российской политики.

Этнические символы находятся в постоянном процессе сопоставления с символами эпохи. Если они совпадают, то могут стать ресурсами

дальнейшего развития (усиления) этничности. Если существует конфликт на уровне символического восприятия (например, конфликт советской государственной и этнонациональной идеологии), то символы отражают конфликт, разрушение, потерю или сознательный отказ от этнической идентификации. Все это позволяет проследить существенную связь между традиционными культурами финно-угорских народов и современностью, которая «конструируется» многими акторами и в которой финно-угорские народы должны найти свое место.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Государственный герб Республики Коми представляет собой исполненное по мотивам пермского звериного стиля золотое изображение хищной птицы на красном геральдическом щите; на груди птицы – лик женщины в обрамлении шести лосиных голов.
В традиционном толковании хищная птица с полураскрытыми крыльями символизирует образ власти, верхнего мира. Лик женщины на груди птицы соответствует образу Зарни Ань (Золотой бабы), жизнедающей богини, матери мира. Образ лося связан с идеей силы, благородства, красоты.
...Цветовое решение флага отражает географические особенности и природные богатства Республики Коми.
Синий цвет символизирует бескрайние небеса, величие северных просторов.
Зеленый цвет – символ надежды и изобилия, условное обозначение таежных просторов Пармы – основного богатства и среды жизнедеятельности коми народа.
Белый цвет воплощает белизну и чистоту, девственную красоту земли Коми, ее принадлежность Северу.
Государственным гимном Республики Коми является мелодия, созданная на основе песни Виктора Савина “Варыш пöз” (“Соколиное гнездо”)» [4; 5–6].
- ² Опросы проводились в январе – феврале 2003 года в 4 городах и 7 районах республики. Выборка – 1899 человек. Второе исследование было проведено в сентябре – ноябре 2006 года и охватило 7 городов и 13 районов республики. Всего было опрошено 1295 респондентов. Отбор респондентов обоих исследований производился на основе квотных заданий, в которых учитывались следующие критерии: тип населенного пункта, в котором проживает респондент, пол, возраст, образование, национальность.
- ³ Исследование проводилось в сентябре – октябре 2007 года. Опрошено 1257 человек в 8 городах и 7 районах республики. Выборка и инструментарий описаны в [17].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания: Пер. с англ. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия. Минск: МФЦП, 2002. 1008 с.
3. В. Коробов: «Василей» уже не бренд одного района Коми [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.finnougr.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=6102
4. Государственные символы Республики Коми: официальное издание Государственного Совета Республики Коми. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2001. 80 с.
5. Национальный колорит обойдется дорого // Республика. 2010. 28 октября [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gazeta-respublika.ru/article.php/32308>
6. Костюк В. Г. Новосибирская школа этносоциологии // Социс. 2009. № 3. С. 89–93.
7. Кузичанова О. Ю. Политико-правовые вопросы создания и развития Коми автономии в 1920-х гг. // Национальные отношения в Коми АССР: история и современность. Вып. 1 (Труды ИЯЛИ КНЦ УрО АН СССР. Вып. 52). Сыктывкар, 1991. С. 35–45.
8. Куликов К. И. Дело «СОФИН». Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 338 с.
9. Лаллука С. Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ. История, демографические и этнические процессы. СПб.: Европейский Дом, 2010. 334 с.
10. Лотман Ю. М. Семиотическое пространство // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история. М., 1996 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.uic.unn.ru/pustyn/lib/lotman.ru.html>
11. Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Аспект пресс, 1997. 446 с.
12. Марков В. П. Возрождение в эпоху перемен. Съезды коми народа: документы и комментарии. Сыктывкар, 2011. 245 с.
13. Налчаджян А. А. Этнопсихология. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004. 381 с.
14. Попков Ю. В., Тугашев Е. А. Предмет этносоциологии: опыт концептуализации // Социс. 2009. № 3. С. 93–101.
15. Сааринен С. Язык и культура уральских народов // Финно-угорский вестник. Информационный бюллетень. № 2 (18). Йошкар-Ола, 2000. С. 65–66.
16. Стенографический отчет о встрече с руководителями Международного консультативного комитета финно-угорских народов и Ассоциации финно-угорских народов России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://president.kremlin.ru/text/appears/2007/07/138219/shtml>
17. Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра. Сыктывкар, 2008. 272 с.

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЧЕРНЯКОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация), доцент, Университет Восточной Финляндии (Йоенсуу, Финляндия)

irina.chernyakova@onego.ru

LOCAL KARELIAN PARISH COMMUNITY AS OBJECT FOR SOCIAL AND DEMOGRAPHIC RESEARCH: YALGUBA AREA IN CONTEXT OF XIXth CENTURY ARCHIVAL QUANTITATIVE DOCUMENTARY SOURCES*

The author's attention is focused on the archival historical documentary sources of mass character – metric books, minutes of soul revisions, confessional lists. A complex comparative analysis of the information concerning South Karelian parish territory enabled to collect verifiable demographical data. On the example of Yalguba local community the traditional network of settlements has been examined. The initial complexity of administrative subordination and inner oscillatory development, the quantitative characteristics of population in different times and instability of growing processes have been discovered. This publication represents the first part of the article, which will be continued in the next issue.

Key words: Local history, church parish community, archival sources of mass character, historical demography, network of settlements, quantitative characteristics of territorial population

THE AREA STUDIED

For centuries the church of *Nikola Chudotvorets* (Saint Nicholas) in Yalguba parish was a centre of spiritual and social life for inhabitants of about fifteen neighboring settlements. The following villages were located there: Okulovskaya, Berezovye Mosty (or Mander), Yalgora (or Tyurmino), Selga, Novyi Pochinok, Minki Babkina, Yemelyanovskaya, Karpovskaya, Ankhimovskaya, Kullievskaya, Baraniy Bereg, Suisar Yuzhnaya, Suisar Severnaya, Suisarsky Ostrov. On the modern map, Yalguba village is located on the western shore of the lake Onego, twenty five kilometres to the north-east from Petrozavodsk, boundaries of which include not only closely adjoining (although they remained independent longer than others) villages Emeliyanovskaya, Ankhimovskaya and Minki Babkina, but also Okulovskaya that was situated at some distance and consisted of two parts. The church was then standing in Okulovskaya village, and in the last decades of the XVIIIth century there were altogether about 950 parishioners, and later – in the second half of the XIXth century – more than 1300 persons of both genders (hereinafter referred to as “pers. of b. g.”), which means the population increase of about 40 percent.

DOCUMENTARY SOURCES AND THEIR DRAFTSMEN

The sacraments (christening, wedding, extreme unction) after being performed in church were written down into church registers – *metricheskie knigi* (metric books), which were rigorously kept month after month, year after year by priests, deacons, and psalm readers in service at the time¹. Namely, thanks to this practice we can now recreate a picture of the

parish inhabitants' lives in characteristics – most important from the point of view of self-organisation and survival of the local peasant society – such as birth rate, life expectancy, death causes, and also marriage traditions, formed and practiced in each village within the territorial limits of the parish². During this research, metric books from 1847–1873 and 1885–1905 were carefully studied [1].

A special feature of this kind of sources is that the information they contain is of precedent nature. The cause of each entry is a particular event pertinent to a specific person, being it birth, wedding or death. At the same time, in the first two situations other people are also mentioned: parents and godparents, brides' fathers, relatives or neighbours vouching for persons being wed.

In this way, the information that can be derived from metric books is of unique personalized character and cannot be used for drawing general conclusions, since it represents only everyday collisions pertinent to the parish as a whole. At the same time, these metric books make a great supplement to the documents containing laconic information of mass nature, subject of the strict purpose of taxation. In our research the *revizskie skazki*, namely soul revisions (hereinafter referred to as “SR”) – nominal lists of household's inhabitants, categorised by village – serve this function. In this case we have studied in detail minute accounts of SR IV (1782), SR V (1795), SR VII (1816), SR IX (1850) and SR X (1858) for all settlements, which were located in the Yalguba parish [2].

Revizskie skazki were put together on the request of the state government and – after reading aloud at the village-community gathering when everyone could, after hearing the information entered about

him/herself and their family, request to make necessary corrections – dispatched to central authorities by the delegates invested with trust of both the state administration and peasant society.

These documents were also filled in as was specified in a special directive, but nevertheless, the number of parameters to be noted down varied from time to time. For instance, age of the female part of the population was not always indicated “from the previous revision”; female names as such first appeared in SR III (1763) and were dropped when composing SR VI (1811); only in the second half of the XVIIIth century (SR III, SR IV and SR V) we can find records of native villages from which wives and daughters-in-law of local Yalguba peasants came from, and the names of men who were there fathers. Besides household inhabitants’ names we can find information about their age, degree of kinship between them, and even reasons for their eventual absence at the moment of revision compilation, such as the following: “*otdan v rekruty* (recruited for military service)”, “*umer* (died)”, “*soslan na katorgu* (condemned to penal servitude)”, “*zapisalsya v meshchane* (became a petty bourgeois...)”, “*perepisan po zhitel'stvu i osedlosti* (was included into another list in accordance with a new living place where he moved and settled in...)”.

Utterly important – from the point of view of how informative this kind of sources can be – is their attention to previous descriptions. Very often they enable obtaining authentic information, which one would think to be irretrievably lost together with the original document itself. As a rule, compilers of the *revizskie skazki* first wrote down the names and age of the persons mentioned in accordance with the previous revision – for the purpose of comparison with the “present day” situation at the time. Presence of this prior information does provide a unique opportunity for retrospective recreation of certain parameters of once described reality. Some limits of potential and real information kept by soul revisions and so-called *ispovednye vedomosti* (confessional lists) were comparatively examined to be sure our preferences to *revizskie skazki* (SR) as a source are more suitable for eventual verification [18; 96–103].

RESEARCH AIMS AND OBJECTIVES

Consecutive analysis of the changes in status of the parish settlements has revealed a process of new *pochinok* (the settlement recently initiated) appearing while old villages merged with each other as their population increased. The search for explanation of the extraordinary fluctuations observed in the total number of parish population in the period from the XVIIth to the beginning of the XXth century resulted in investigation of mortality causes that has shown a wide spectrum of illnesses of people inhabiting this territory. Extremely high mortality caused by *chakhotka* (consumption) has been revealed, even though parish inhabitants lived in the most favourable natural conditions.

This revelation became a motivating force for a particularly detailed study of the local peasants’ marital behaviour. It proved possible to find out that a circle of marital connections had not been particularly wide, moreover, most of the marriages were between partners residing no further than in neighbouring households.

But first several remarks should be made about the embodiment of parish society from the standpoint of social – village by village – organisation and population. Clearly, petty bourgeois and local officials are mentioned only very few times. Clergy is slightly more noticeable. Obviously, the majority of the inhabitants in Prionezhie, to which Yalguba parish belonged, were peasants. However, one has to be aware of a different administrative status of *gosudarstvennye* (state-owned), *economicheskije* (economic, belonging to monasteries before the secularization), *obel'nye* (nontaxable) peasants who lived side by side in villages of Saint Nicholas’ church of Yalguba parish during the studied period.

SETTLEMENTS IN VIEW OF LOCAL LANDSCAPE FORMATION

Okulovskaya village consisted of two settlements: in one of them there were households of economic peasants, who at one time used to be under the patrimony of Novgorodian Khutyn monastery, at another point of time – households of *obel'nye* (this Russian term literally means “whitened”, i. e. relieved of the tax burden) peasants. The origin of the latter was well researched back in the pre-revolutionary historiography [12; 203–215].

The fates of this particular group of peasants in *Zaonezhie* and *Prionezhie* – gradually grown in number and reaching hundreds of families – have been followed in our detailed study right up to the beginning of the XVIIIth century [16; 194–205]. The further history of these widespread families is not in the focus of our attention at the moment.

As for Yalguba parish, some of its inhabitants were the descendants of Grigory Merkuliev. He was the first one to receive *tarhannaya gramota* (deed of exemption from taxes and duties) from Boris Godunov himself under quite mysterious circumstances in the very first spring of the XVIIth century. This unprecedented episode of presenting a common peasant with Tzar’s favour, inconceivable in those times, continues to excite the imagination of researchers [11; 298–303].

Berezovye Mosty pochinok has been established by Trifon Nikitin. He was a peasant of *obel'ny* (free from tax) status who moved from Okulovskaya village in 1738. By the second half of the XIXth century, it grew to become *Mandera* village [13; 8].

There are reasons to believe that he was a twin brother of Egor Nikitin who later on – in 1750 – together with his elder brother Grigory also left his father’s household in order to settle in a new *pochinok* – in *urochische* (glade) *Yalgora* [3]. In the sec-

ond half of the XIXth century this settlement became known as *Tyur'mino* village [4].

Na Sel'ge (literally meaning "on the Sel'ga") *pochinok* was first mentioned in the minutes of SR IV (1782) and without a stipulated reference to the previous revision entry about age of its inhabitants [5]. This allows us to conclude that this settlement was formed between SR III (1763) and SR IV, and that the head of its only household, Mitrofan Ivanov, can be identified as its founder. This assumption is confirmed by a special remark made by the compiler, who was from Okulovskaya village himself and mentioned in the appropriate place, that Mitrofan Ivanov moved "*v davnikh godekh na novoi pochinok v urochishche na Sel'gu poluchetvertki Osipovoi pozhni za maloimeniem pashennoi zemli* (moved to the newly established settlement in a glade of Selga onto the half-quarter of Osipov's hayfield a long time ago because of not having enough ploughed field)" [6]. At the time of previous SR III he was twenty years old. One can assume that he was the eldest of Ivan Fedorov's four sons, two of them had already been sent as army recruits by *volost* (local administrative district) authorities. This small newly established settlement never grew into an independent village. In the middle of the XIXth century – when it was last mentioned – there was one household inhabited by a widow with two teenage girls while its only male inhabitant was sent as an army recruit by the district of Yalguba authorities [7].

One of the ancient local villages, *Minki Babkina*, by the second half of the XIXth century, merged with *Ankhimovskaya* village. Villages *Karpovskaya* and *Kullievskaya* stopped being mentioned in the beginning of 1870s. They merged together with *Emeliyanovskaya* village, which in turn repeatedly appears in our well-known documents covering the period of our research.

Baraniy Bereg pochinok existed as a new *zazhivka* (newly arable land) only for a very short period of time. It was first mentioned in the minutes of SR VII (1816) as a part of the household that belonged to the family of peasant Philipp Petrov, which had moved from Lindozero parish [8]. However, according to a remark entered by Vasily Nemirov – compiler from Yalguba's village community during SR IX in 1850 – this *pochinok* was no longer in existence and peasants inhabiting it had gotten *zhitel'stvo i osedlost'* (a place and a settled way of life) in villages Okulovskaya, Emeliyanovskaya and Kullievskaya [9].

Yalguba parish also included a group of Suisar' villages located both on the mainland and on the neighbouring island and in different time periods was recorded in official documents as one or several settlements. During centuries they were located in immediate proximity to each other, practically merging and "flowing" into each other along the shore of lake Onego. However illogical this may seem, they traditionally belonged to different administrative units: different privately owned *boyarcshiny* (bo-

yar ownships of land) (in the XVth century), different *pogosty* (parishes) – Shuya and Kizhi (in the XVIth–XVIIth centuries), different *volosti* (local administrative district) – Yalguba and Suna – of Shuya patrimony attributed to the newly founded Petrovski iron foundry (in the first half of the XVIIIth century). In their entity they were only included in united Yalguba parish community in the second half of the XIXth century. For more details on the early period of Suisar' settlements existence, where reasons for the peculiarities of their administrative subordination are rooted, one can see collective monograph devoted to multidimensional study of this ancient Karelian place of settlements [15; 30–35].

To avoid misunderstanding, we will unite data on Suisar' villages under the single title "Suisar'" in general tables. What settlements and when constituted Suisar' is shown in Table 1. Names of the villages are listed strictly in accordance with the way they are named in the documents.

Quantitative information available through minutes of soul revisions and *spisok naseleennykh mest* (list of populated areas) obviously demonstrates that during the studied period Yalguba parish settlements in general had not been developing synchronously (Table 2).

In villages of Berezovye Mosty and Yalgora, founded in the first half of the XVIIIth century as newly settled farms towards newly arranged arable plots by brothers Nikitin, exempt from taxation peasants from Okulovskaya village (in 1738 and 1750 respectively), the demographic situation can be with good reason characterised as progressive and dynamic right up to 1905.

The same can be ascertained for Okulovskaya village consisting of two halves, one inhabited by economic peasants and another – by *obel'nye*. Decrease in the number of its inhabitants in the beginning of 1870s – contrary to the general tendency – can be explained by resettlement of some families to newly established *pochinok* mentioned above.

The population of two more ancient settlements of the parish as well as of four Suisar' villages decreased dramatically at the end of the XIXth century as registered at the beginning of the next century [14; 38–39].

Meanwhile, five settlements ceased to exist as independent villages – Minki Babkina, Karpovskaya and Kullievskaya merged with Emeliyanovskaya and Ankhimovskaya.

As mentioned earlier, inhabitants of *pochinok* on Selga and Baraniy Bereg migrated to the same villages even earlier – according to the data of 1873 [13].

FLUCTUATIONS IN POPULATION GROWTH AND DECLINE

The data compiled in Table 2 with intervals of thirty four, once more thirty four, twenty three and thirty two years demonstrates that Yalguba parish population had been increasing for about one hun-

dred years – from the last third of the XVIIIth century until 1870s – and as a whole had grown by more than 40 percent (from 854 persons in 1782 to 1342 persons in 1873). Then it somewhat decreased again on the threshold of the XIXth and XXth centuries.

Particularly strong and spasmodic increase in population – by more than a quarter – took place during a short period of time, over three decades between 1816 and 1850, which is clearly demonstrated in Table 2.

Table 1

Four initial villages in Suisar area, their names and administrative subordination from the end of 17th to beginning of 20th centuries

Date	Shuya pogost		Kizhi pogost	
1678	Na Suvisere Mikhalevskaya	V Suvisere na ostrovu Rodivonovskaya	Na Suvisore byvshi pochinok Ivashki Klementieva	Na Suvisere na Vnecheostrove
1707	Mikhalevskaya	V Suisari na ostrovu	Suisar' na Mandere	V Suisari na ostrovu
1720	Suisar'skaya	Na Suisarskom ostrove	Suvisar'skaya na Mandere	<i>Was not mentioned</i>
1749	Suisar'skaya	Na Suisarskom ostrove	Suisar'skaya na Mandere	–
1763	Suisar' Mandera	Suisarski Ostrov	Suisar'skaya na Mandere	–
1782	Suisar' Mandera	Suisarski Ostrov	Suisar'skaya na Mandere	–
Yalguba volost'			Suna volost'	
1795	—	—	Suisar' na Mandere	Suisarski Ostrov Newly founded
1816	Suisar' Mandera	Suisarski Ostrov	Suisar'	Suisarski Ostrov
1826	Suisar' Mandera	Suisarski Ostrov	Suisar'	Suisarski Ostrov
Yalgubskoe mirskoe soobshchestvo Shuiskoi volosti (Yalguba local society of Shuya volost')				
1850	Suisar'			
1858	Suisar'			
1873	Suisar'			
1905	Suisar' na materike	Suisar' na ostrovu	Suisar' Severnaya	

Table 2

Number of inhabitants in the villages of Yalguba area from the end of 18th to the beginning of 20th century

Village	1782		1816		1850		1873		1905	
	Men	Women	Men	Women	Men	Women	Men	Women	Men	Women
Okulovskaya	106	111	126	109	148	178	152	130	190	213
Berezovye Mosty (Mandera)	15	21	24	22	34	33	37	44	62	65
Yalgora (Tyur'mino)	9	8	20	25	32	31	39	32	30	42
Sel'ga	4	1	3	2	1	3	–	–	–	–
Minki Babkina	29	35	48	34	48	61	–	–	–	–
Suisar'	148	149	146	171	190	191	231	200	158	175
Emel'yanovskaya	65	70	63	57	69	64	141	149	100	115
Karpovskaya	19	19	21	16	27	26	–	–	–	–
Ankhimovskaya	45	40	42	37	50	53	105	82	70	80
Kullievskaya	30	26	28	39	34	42	–	–	–	–
Baraniy Bereg	–	–	2	2	–	–	–	–	–	–
Total (men and women)	470	480	523	514	633	682	705	637	610	690
Total (both sex)	950		1037		1315		1342		1300	
Sex ratio	97.9		101.7		92.8		110.7		88.4	
Man coefficient	0.49		0.50		0.48		0.53		0.47	

Analysis of Suisar' villages' population over a longer period of time convinces that the process of quantitative increase of parish population goes beyond the period indicated in the title of the present article. Diagrams and tables, which were presented in our previously published observation, clearly illustrated this and at the same time indicated evidently oscillatory nature of the process. Noteworthy,

periods of population diminution coincided mostly with decades adjoining the end of the century and beginning of the next one [15; 54–55].

The first noticeable population decrease on the threshold of the XVIIth and the XVIIIth centuries finds its roots in natural and climate cataclysms that, as known to us from stingy documental records, befell the whole Northwest Russia, Baltic territories,

and Finland in the first half of 1690s [16; 273–277]. At the same time, the duration of this decrease can also be partially explained by the fact that data of the first revision was quite probably characterised by the extreme incompleteness of recordings. For more details on the scale of the population concealment, which took place in Olonets region, and phases of its exposure see an example of Rebola parish [17; 44–45].

However, other periods of deterioration of the demographic situation are both less perceptible and more difficult to explain. The national tradition of census procedures had taken shape solely within the framework of cadastre policy of the state, and unfortunately one has to ascertain that the condition of the available source base is objectively such that it is impossible to find lists of female names in the documents of mass character from the XVIIth – first half of the XVIIIth century. Likewise, it is impossible to analyse population development on the basis of a shorter interval between recordings of the mass data.

This, however, does not prevent us from seeing a certain dynamics of the process as a whole, which, for all its oscillatory nature, showed clear tendency toward general population growth. Nevertheless, one cannot avoid noticing that in the last decade of the XVIIIth – beginning of the XIXth century a certain kind of demographic slump also took place there, although not so evident on the level of the parish as a whole as a century earlier due to fragmentariness of the available to us SR V (1795) and wittingly incomplete SR VI (1811).

So, population of Suisar' village on Mandera (the northernmost one among the group of Suisar' villages) decreased very visibly by almost one third over thirteen seemingly quite peaceful years that had passed since preceding SR IV (1782). The population of other Yalguba parish villages evidently increased, however, for some of them the tendency was quite to contrary – their population decreased over the same time period, although not so drastically as in Mandera (by 10–14 percent, as Table 3 demonstrates).

Table 3

Changes in population of Yalguba parish villages in the last third of the 18th century

Village	Years	Inhabitants			Decrease
		Men	Women	Total	
Suisar'skaya na Mandere	1782	77	72	149	30 per cent less (45 person)
	1795	54	50	104	
Emel'yanovskaya	1782	65	70	135	10 per cent less (13 person)
	1795	57	65	122	
Karpovskaya	1782	19	19	38	13 per cent less (5 person)
	1795	19	14	33	
Kullievskaya	1782	30	26	56	14 per cent less (8 person)
	1795	29	19	48	

Finally, a drop in the parish population is quite evident on the threshold between XIXth and XXth centuries. Amplitude of fluctuations also deserves our attention. So, the number of inhabitants of the four Suisar' villages grew by more than two thirds over 110 years (from 1763 until 1873), but then dropped again on the threshold of the centuries to the level of the end of the XVIIIth – beginning of the XIXth centuries, which is clear when comparing data from 1905 with 1782 (for men) and 1816 (for women). This is clearly confirmed by absolute figures presented in Table 4.

This fact needs further explanation not only due to the diminution of the absolute figures, which was not so significant on the level of the parish as a whole, but also in connection to unprecedentedly low sex ratio index revealed by the data from 1905 (see Table 2).

It seems that this particular characteristic of the population can serve as some sort of “diagnosis” for better or worse demographic situation (certainly, except times of wars when the state recruited additional number of men for military service).

According to the United Nations standard for local territorial groups, for so called “closed population with constant level of mortality”, which Yalguba

parish obviously must have been in the XIXth century, gender ratio at birth is expected to approximate 105 [10; 27–28]. Based on our calculations, this index should be near 98 in average, sometimes decreasing, sometimes increasing in each age group. In this case gender ratio barely exceeds 88. That might explain this nonpresumable situation, given the fact that the local society lived on the shores of the cleanest water basin, lake Onego, and, as one might expect, had unlimited opportunity to supplement their traditional corn and vegetables ration with fish, as well as with the most valuable products of forest trades: stalked game, berries, and mushrooms?

Table 4

Changes in population of Suisar' villages in the second half of the 18th – beginning of the 20th century

Years	Men	Women	Total
1763	128	113	242
1782	154	146	300
1816	146	171	317
1850	190	191	381
1858	191	209	400
1873	231	200	431
1905	158	175	333

To be continued in the next Social Sciences and Humanities issue of Scientific Journal Proceedings of Petrozavodsk State University.

* Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Брак, семья, домохозяйство в жизненной стратегии крестьянина-карела доиндустриальной эпохи», № 11-01-00143а и при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

NOTES

¹ During 1840–1870s the following priests were serving in turns in the church of Saint Nicholas in Yalguba: Aleksei Il'insky, Antony Zamoshsky, Ioann Mirolyubov, Vasily Belyaev and – during the entire period – Matvei Pochezersky. The last one was an irreplaceable sexton and later a deacon in a position of a sexton, along with a psalm-reader Flegont Mishurin. In the final decades of the XIXth – first years of the XXth century, priests Ioann Blagoveshchensky, Mikhail Mirolyubov, Iakov Ponomarev, Grigory Lyuboslavsky, Georgy Drugov, Nikolai Tsvetayev, Georgy Gumilyov served there.

In the beginning of the 1890s Matvey Pochezersky was still carrying out duties of a deacon, until Olonets Eparchial administration sent Nikandr Zverolovlev to replace him in 1894. In 1897, his place was taken by the priest Pyotr Romanov who was forced by some circumstances to agree to a position of a lower rank, which was not quite uncommon at that time. Ioann Petrovsky, who served there at the end of the 1880s – beginning of the 1890s, found himself in a similar situation: having a rank of a deacon, he received a vacant position of a psalm-reader. At the beginning of the century, the same situation occurred with Pavel Molchanov. During all this time Nikolai Nimensky served continuously as a psalm-reader. Nikolai Skvortsov occupied a position of the parish deacon for some time, but starting from 1903 we find out that this job taken by Mikhail Mirolyubov, a grandson of one of the local priests, Ioann Mirolyubov, who served in Yalguba half a century earlier. He was educated in Petrozavodsk ecclesiastical seminary at full expense of his father, Mikhail Mirolyubov, also a priest of the church of Saint Nicholas, as was common in the circles of parish church intellectuals of that time in Russia.

² These documents are hand-written books – a new one for each following year – filled in day after day with names of local people in three separate parts: “*rodishiyesya* (new-born)”, “*brakosochetavshiyesya* (just wedded)” and “*umershie* (deceased)”. Entries were made into peculiarly ruled sheets of paper, and later – into special typographically printed forms, sent to every parish community for filling in. Filled sheets or forms were to be returned to the church authorities in accordance with their hierarchical structure.

All such hand-written books are now kept in the National Archive of the Republic of Karelia (hereinafter referred to as “NA RK”). All of them were categorised by year and church districts and were in the form of enormous volumes, many of which still show the remains of the fine bindings made of natural leather on wooden boards with stampings, laces and sealing-wax stamps of attestations.

REFERENCES ARCHIVAL SOURCES

1. Metricheskie Knigi (Metric books) of the church of St. Nicholas in Yalguba from 1799–1806, 1847–1873 and 1885–1905 // National Archive of the Republic of Karelia (further – NA RK). Fond (collection, further – F.) 25. Opis' (catalogue, further – Op.) 22. Delo (volume, further – D.) 135, 141, 146, 150, 158, 228, 238, 243, 248, 258, 260, 264, 269, 274, 280, 287.
2. Revizskye Skazki (Minutes of Soul Revisions) for Yalguba parish's settlements from 1782 (Soul Revision (further – SR) IV), 1795 (SR V), 1816 (SR VII), 1850 (SR IX), 1858 (SR X) // NA RK. F. 4. Op. 18. D. 2/5, 2/10, 10/66, 10/67, 11/87, 31/357, 61/566, 63/597, 77/753. Op. 19. D. 8/69, 8/72.
3. NA RK. F. 4. Op. 18. D. 11/87. List (page, further – L.) 8.
4. NA RK. F. 4. Op. 18. D. 11/87. L. 6.
5. NA RK. F. 4. Op. 18. D. 2/5. L. 166 oborot (back of the page, further – ob.).
6. NA RK. F. 4. Op. 18. D. 2/5. L. 165 ob.
7. NA RK. F. 4. Op. 18. D. 61/566. L. 7 ob.
8. NA RK. F. 4. Op. 19. D. 8/69. L. 33 ob.–34.
9. NA RK. F. 4. Op. 18. D. 61/566. L. 38 ob.–39, 46 ob.–47.

LITERATURE

10. А н р и Л., Б л ю м А. Методика анализа в исторической демографии / Пер. с франц. Ю. Егоровой; Отв. ред. С. Л. Хок. М.: РГГУ, 1997. 207 с.
11. Б а р а н ц е в А. П. О людиковском языковом памятнике начала XVII века // Советское финноугроведение, XX. 1984. С. 298–303.
12. В е ш н я к о в В. [И.] Обельные вотчинники и обельные крестьяне в Олонецкой губернии // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1858 год. СПб.: Изд. ред. Олон. губ. ведомостей, 1858. С. 203–215.
13. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 27: Олонецкая губерния по сведениям 1873 года / [Ред.] Е. К. Огородников. СПб.: Тип. Карла Вульфа, 1879. 238 с.
14. Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год / Сост. И. И. Благовещенский. Петрозаводск: Олон. губ. типография, 1907. 326 с.
15. Ч е р н я к о в а И. А. Древняя история села Суйсарь // Село Суйсарь: история, быт, культура / Ред. Т. В. Краснопольская, В. П. Орфинский. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. С. 25–60.
16. Ч е р н я к о в а И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. 297 с.
17. Ч е р н я к о в а И. А. О чем не рассказал Элиас Лённрот... К истории края, где оказались сохранены и записаны эпические песни древнего народа. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. 65 с.
18. Ч е р н я к о в а И. Marriage behaviour in pre-industrial Karelian rural parishes // Where the twain meet again: New results of the Dutch-Russian project on regional development 1750–1917 / Ed. by Pim Kooij and Richard Paping. Groningen-Wageningen: Nederlands Agronomisch Historisch Instituut, 2004. P. 91–129.

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА ПОПОВАаспирант отдела новой истории России, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
popova.julia@onego.ru

ПРЕДАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА (на примере Олонецкой губернии)

Рассматривается коллективная память народа на примере преданий о Петре I, собранных в Олонецкой губернии до 1917 года. Проанализированы способы аккумуляции народных представлений об отечественной истории в преданиях, что позволило увидеть историю глазами современников и проникнуть в народное мироощущение, систему ценностей, особенности менталитета.

Ключевые слова: аккумуляция представлений, ценностные ориентиры, Олонецкая губерния, исторические реалии, официальная и неофициальная история, историческая личность

История России, построенная на представлении страны как некоего единого комплекса, долгое время создавалась практически без внимания к региональным проблемам. В последнее время интерес к отдельным региональным объектам и личностям возрастает, так как это позволяет представить историю России более объемно и многопланово. Устное народное творчество выступает в контексте данной проблемы как новый источник, позволяющий взглянуть на историю глазами ее современников, сохранивший народное представление о мире, систему ценностей, специфические черты ментальности народа.

Одним из жанров русского фольклора, основную цель которого, по мнению В. Я. Проппа, составляет изображение исторической действительности, является предание. В. Я. Пропп характеризует предание как повествование о реальных событиях, связанных с деятельностью конкретных лиц, его рассказчик не стремится словесно приукрасить свой рассказ, а только хочет передать то, что он считает действительностью [11; 118–120]. Эта особенность позволяет проследить, каким образом жители отдельных регионов оценивали те или иные исторические события, что выделяли для себя, о чем забывали, какое место в истории отводили себе.

Для Карелии одной из актуальных тем является эпоха петровских преобразований, поскольку этот край стал одним из мест, где происходили события, маркировавшие эпоху (кораблестроение, развитие металлургии, устройство судоходных каналов и т. д.). Эта тема привлекает к себе внимание не только историков, но и филологов, так как сохранились предания, легенды, исторические песни, сказки, посвященные пребыванию царя в северном крае и его бурной деятельности. Территория Карелии оказалась ближайшим тылом армии и флота, действовавших в Восточной Прибалтике в ходе Северной войны 1700–1721 годов. Это был регион, откуда черпались ресурсы для строительства новой столицы,

через него проходили важные транспортные артерии. Местное население не могло не ощутить на себе все тяготы военного времени, оно в первую очередь оплачивало рост имперского могущества. Однако историческая память народа запечатлела далеко не все моменты, связанные с военными событиями. Многие были забыты, что-то умалчивалось намеренно, но положительный образ Петра I в устной памяти народа прошел сквозь призму всех преданий. Он создавался в определенных исторических условиях, на основе издавна существовавших в народном сознании представлений о добром и справедливом царе-батюшке. В преданиях о Петре I часто встречается образ царя-«труженика», что заметно отличает его от остальных царских особ. Появление такого персонажа не было случайным: сам государь вместе с простыми крестьянами зачастую строил корабли и трудился на заводах.

Установление такого своеобразного диалога между властью и народом через решение совместными усилиями задач государственной важности привело к тому, что в устном народном творчестве отразилось двойное отношение местного населения к петровским преобразованиям и определение первостепенной значимости своего места в истории России. В преданиях, посвященных основанию городов, народ благодарен царю за то, что тот обратил свое внимание на их край и способствовал его ускоренному развитию. Однако уже в текстах, посвященных строительству Ладожского канала, сохранилась память о погибших на тяжелых работах и, соответственно, негативное отношение все к тем же преобразованиям. Так, в «Олонецких губернских ведомостях» от 15 октября 1905 года выходит статья «Грамотность в Муромле», в ней приводится предание о двух грамотных рабочих, одного из которых повесили за побег и воровство [2]. В то же время во 2-м выпуске «Олонецкого сборника» было опубликовано предание, в котором народ оправдывает тяжелый труд крестьян и их гибель

во время строительства дороги: «...ну да и то сказать, кабы они не сгибли, так и дело такое никогда бы не сделалось! Чего им – всё бы равно померли, а тут по крайности у дела» [10; 33].

Остается открытым вопрос, почему в условиях Северной войны, негативно сказавшейся на жизни крестьян Олонецкого уезда, отношение к личности царя и его преобразованиям остается в большей степени положительным. Предания с религиозной окраской частично объясняют любовь народа к царю и поддержку его непопулярных мер. Предания о Фаддее Блаженном, современнике Петра I, который был канонизирован в ноябре 2000 года, широко распространены среди местного населения. По преданиям, Петр I был знаком и часто общался с юродивым. В начале XXI века местный священник К. Ю. Савандер развил идею, которая была озвучена в устном народном творчестве: на старца Господом была возложена миссия утверждения верности жителей города в православной вере, в преданности государю и в добрых нравах [12]. На наш взгляд, использование образа Блаженного Фаддея в преданиях объясняется не только популярностью местного святого, но и стремлением карельского народа продолжить тему духовной связи с царствующими особами. Формированию такого убеждения способствовала история о ссылке в карельский край прабабки Петра I Марфы Романовой. В начале XVII века на протяжении 5 лет она находилась в ссылке в Толвуйском погосте Обонежской пятины, а в 1613 году стала великой государыней. Можно предположить, что местные жители видели в этом свою особую роль для истории России, ведь они оказали духовную поддержку членам царской семьи, за которую в дальнейшем были отмечены милостью монарха. Священник и крестьяне Заонежского края получили от царя 18 марта 1614 года именные жалованные грамоты на угодья и льготы [14; 20–21]. В 1696 году Петр I специальным указом подтвердил привилегии потомкам заонежан, оказавших радушный прием опальной боярыне Марфе Романовой [1].

Несколько преданий посвящены олонецкому священнику, который принимал непосредственное участие в борьбе со шведами. Звали его Иван Окулов. Он возглавил партизанский отряд из 1000 человек, вместе с которыми в ответ на разбойничье нападение шведов на пограничные карельские селения уничтожил четыре шведские заставы. Об этом эпизоде Северной войны есть упоминание в «Журнале или Поденной записке, блаженный и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения нейштатского мира» от 31 декабря 1702 года [3; 66]. Таким образом, народная поддержка петровских реформ может быть объяснена не только популярностью царя-батюшки, но и особыми взаимоотношениями местных жи-

телей с семьей Романовых, установившимися за долго до появления Петра I.

Сохраняя в памяти основные крупные строительные объекты Петровской эпохи: заводы, верфь, Ладожский канал и «осудареву дорогу», которые стали мощным, основополагающим фактором развития Олонецкого края, местные жители отводили себе в этом историческом процессе ведущую роль. Именно на них ложилась основная нагрузка по заготовке древесины, снабжению стратегических объектов рабочими и подводами, а также выполнению других необходимых работ. Вероятно, по причине всеобщей занятости местного населения в работах на государственные нужды военного времени в устном народном творчестве установилась высокая оценка собственного вклада в историческое развитие страны. В преданиях народное величие прослеживается во всем: в силе, мастерстве, смекалке. Однако в северный край было направлено большое количество мастеров востребованных в то время специальностей, поэтому возникает сомнение по поводу адекватности оценки собственного вклада местных жителей в ход исторического развития. Мы сравнили тексты преданий с материалами письменной истории, чтобы выяснить, была ли оправдана такая высокая самооценка.

Поданным Я. А. Балагурова, из разных городов на олонецкие петровские заводы в принудительном порядке отправлялись мастера оружейного дела: в 1704 году с Ченцовского, Угодского, Усть-рецкого и Лижемского заводов, в 1704–1705 годах из Вологды, Твери, Суздаля, Вязниковской слободы и других мест прибыли еще около 40 кузнецов. В 1706–1707 годах проводился набор ремесленников почти в 50 городах и посадах страны. По итогам этого набора на Петровский завод поступили свыше 200 человек [6; 134–135].

Таким образом, историческая роль местных оружейников была преувеличена народом. В Карелии не хватало высококлассных мастеров для решения поставленных Петром I задач. Однако если рассматривать Олонецкие петровские заводы не со стороны людского ресурса, а с точки зрения их производства, то значение местных заводов в промышленности России в годы Северной войны окажется очень высоким. П. А. Кротов пришел к выводу, что петровские заводы играли ведущую роль в обеспечении флота на Балтике изделиями из черного металла, и лишь в 1710-х годах они разделили ее с липецкими заводами. Крупные поставки железа с уральских заводов начались только в 1718 году [9; 121]. Таким образом, можно считать исторически оправданным не столько решающий вклад местных жителей, сколько высокую оценку деятельности Олонецких петровских заводов.

Одновременно с решением проблемы вооружения армии решался вопрос, связанный с созданием военно-морского флота. Зимой 1702/03 годов по-

сле успешного взятия мощной крепости Нотербург судьба берегов Невы была уже практически решена. Перед Петром I встала задача обороны только что приобретенного побережья от нападения с моря и перехода ко второму, заключительному этапу наступательной операции, в ходе которой весной 1703 года должно было быть возвращено устье Невы и берега Финского залива. В 1702–1703 годах в непосредственной близости от театра военных действий было начато строительство больших морских кораблей – первого морского флота России. Верфь, создаваемая на Свирь, должна была стать самым большим судостроительным предприятием в стране. Сам Петр I отметил, что «сперва на Олонецком верфу флот зачался делать» [7; 93]. Существовавшие до сих пор в России верфи в Воронеже, Архангельске и на р. Сясь строили суда меньшего размера и в меньшем количестве, и задачи перед ними ставились соответствующие: они должны были строить флотилии, помогающие операциям сухопутных войск. Олонецкая же верфь должна была строить флот, способный оказать достойное сопротивление шведскому флоту, сильнейшему флоту Северной Европы. Крестьяне Олонецкого уезда играли при этом существенную роль. Из письма Меншикова к государю из Шлиссельбурга от 9 февраля 1703 года видно, что в начале 1703 года, когда верфь только еще организовывалась, первой квалифицированной рабочей силой на ней были 186 олонецких плотников и 719 работных людей, непрерывно

заготавливающих лес [4]. По словам коменданта верфи И. Я. Яковлева, они «были заобычные к корабельному делу» [8; 32]. Однако на Олонецкой верфи работали и крестьяне из других приписных уездов. Указом 1 сентября 1703 года Петр I приписал к данной верфи Белозерский, Каргопольский и Пошехонский уезды [5; 52]. В 1703 году на Олонецкую верфь из приписных уездов были присланы 6358 работников и 3179 подводчиков, а в 1704-м – 3178 и 1590 соответственно [8; 33].

Для преданий, бытующих на территории Карелии, характерна идеализация исторического прошлого с его знаменательными событиями и личностями, а также преувеличение коллективного вклада местных жителей в историческое развитие страны. Однако эта идеализация имеет под собой историческую основу. Несмотря на увеличение государственных налогов, принудительные заводские отработки, мобилизацию мужского населения в солдаты, сохранились в большей степени положительные моменты истории. Эта ситуация подтверждает теорию «спасительных иллюзий» В. В. Трепавлова. В переломные периоды истории люди пытаются приспособиться к переменам и в массовом сознании возникают различные «спасительные иллюзии», когда исторические события додумываются и дополняются желаемым [13; 124]. История царствования Петра I, о которой в устном народном творчестве Олонецкого края сохранилась в основном положительная память, не стала исключением.

ИСТОЧНИКИ

1. Грамота Государя Императора Петра Великого обельному вотчиннику Ключареву 1696 г. // Олонецкие губернские ведомости. 1856. № 12. С. 41–46.
2. Грамотность в Муромле // Олонецкие губернские ведомости. 1905. № 107. С. 2.
3. Журнал или Поденная записка, блаженные и вечнодостойные памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения нейштатского мира. СПб.: При Имп. Акад. Наук, 1770. Ч. I. 460 с.
4. Из письма Меншикова к Государю из Шлиссельбурга – о начале строительства кораблей на верфи // История Карелии в документах и материалах. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. С. 48.
5. Указ Петра I «О присоединении к ведомству Губернатора Меншикова городов: Пошехонья, Белаозера и Каргополя, с уездами» // История Карелии в документах и материалах. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. С. 52.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

6. Балагуров Я. А. Рабочие кадры Олонецких Петровских заводов в 20-х гг. XVIII столетия // Вопросы истории Европейского Севера: Межвуз. науч. сб. Петрозаводск: ПГУ, 1974. С. 130–139.
7. История отечественного судостроения. Т. I. СПб.: Судостроение, 1994. 472 с.
8. Кротов П. А. Вклад северного крестьянства в строительство Балтийского флота при Петре I (Мастеровые и работные люди верфей) // Изучение аграрной истории Европейского Севера СССР на современном этапе. Сыктывкар, 1989. С. 32–34.
9. Кротов П. А. О роли Олонецких железоделательных заводов как одной из металлургических баз Балтийского флота во время Северной войны 1700–1721 гг. // Европейский Север: история и современность: Тез. докл. Всерос. науч. конф. Петрозаводск, 1990. С. 120–121.
10. Майнов В. Н. Осударева дорога. В Повенецком уезде (Из сборника «Древняя и Новая Россия») // Олонецкий сборник. Вып. 2. Петрозаводск: Изд-во Олонецкого Губернского Статистического Комитета, 1886. Отд. II. С. 25–34.
11. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 324 с.
12. Савандер К. Ю. Блаженный старец Фаддей Петрозаводский // Олонецкая Епархия. Страницы истории. Петрозаводск, 2001. С. 150–155.
13. Трепавлов В. В. «Большой хозяин». Русский царь в представлениях народов России XV–XVIII вв. // Отечественная история. 2005. № 3. С. 124–138.
14. Шайжин Н. С. Заонежская заточница // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1912 год. Петрозаводск: Изд-во Олонецкого Губернского Статистического Комитета, 1912. С. 3–34.

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА РЕГЕР

аспирант кафедры педагогики, Смоленский государственный университет (Смоленск, Российская Федерация)
tatjana-reger@rambler.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ УЧАЩИХСЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ В ПРОЦЕССЕ ВОСПИТАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье обосновывается необходимость педагогического сопровождения учащихся в информационном пространстве; определены задачи, принципы, этапы осуществления системы педагогического сопровождения учащихся в информационном пространстве; представлены результаты исследования по реализации данной системы в процессе воспитания ценностных отношений школьников.

Ключевые слова: педагогическое сопровождение, информационные технологии, воспитание ценностных отношений

В условиях формирования информационного общества существенным педагогическим условием воспитания ценностных отношений школьников является обеспечение продуманного педагогического сопровождения учащихся в информационном пространстве. Проектируя использование информационных технологий в воспитательном процессе, педагог должен проанализировать возможные последствия и принять меры как для нейтрализации негативного воздействия на личность воспитанника, так и для создания условий, в которых эти технологии обеспечат позитивное преобразование личности.

Под *педагогическим сопровождением учащихся в информационном пространстве* мы понимаем особый способ помощи ребенку в адаптации к условиям информационного общества, в осуществлении нравственной экспертизы информации и событий, происходящих в информационном мире, на основе сформированных норм отношений и поведения и в принятии решения в ситуациях нравственного выбора. Среди задач мы выделяем следующие: помощь в решении проблем социализации, в ориентации в информационном пространстве, разработка информационных маршрутов в сети Интернет, продуманная подборка сайтов, разработка рекомендаций по поиску и отбору информации, профилактика зависимости от Интернета, предупреждение изоляции, негативного воздействия информационных и коммуникационных технологий, охрана и укрепление физического и психологического здоровья. В решении указанных задач в воспитательной работе нами использовались методы работы с ценностно-смысловыми ориентациями учащихся, методы развития критического мышления, противостояния негативным социальным явлениям, групповому давлению и манипуляции.

Для подготовки ученика к адекватному реагированию на воздействия окружающей среды и дальнейшему саморазвитию в условиях структурно изменяющейся внешней среды необхо-

димо максимально увеличивать разнообразие информационных потоков. С другой стороны, увеличение этих потоков ведет к потере управляемости воспитательным процессом, так как ослабевает контроль над информационными потоками, в которых неизбежно будет присутствовать и негативная информация.

А. П. Усольцевым были сформулированы с позиций синергетической концепции два основных принципа, позволяющих найти диалектическое решение данной проблемы [4]. Первый связан с необходимостью создания начальных условий для только начинающей развиваться системы. Второй принцип выражается в обеспечении максимального разнообразия действий внешней среды. Исходя из сформулированных принципов можно указать самый обобщенный алгоритм по воспитанию учащихся с привлечением информационных ресурсов сети Интернет: вначале информация должна значительно ограничиваться, затем следует постепенно увеличивать разнообразие действий информационной среды до максимального увеличения.

Последовательность действий педагога в соответствии с этими принципами выглядит следующим образом:

1. Определить основные информационные ресурсы, контролируемые и целенаправленно направляемые учителем, повышающие вероятность необходимых структурных и функциональных изменений в воспитываемом субъекте. В этом случае педагог может использовать для работы локальную модель сети Интернет или строго определенные маршруты движения по сети.

2. Направить информационные потоки на изменение структуры ценностных отношений школьников в требуемом направлении.

3. Поэтапно снимать информационные ограничения со взаимодействия с Интернетом при достижении необходимых структурных изменений личности воспитанников. К каждому новому этапу снятия информационных ограничений учащийся уже имеет внутренний стержень, ко-

торый позволяет ему справиться с информационными потоками.

4. Вывести учащихся на уровень приема ничем не ограничиваемых информационных потоков. К этому времени должна сформироваться структура ценностных отношений, позволяющая успешно функционировать в информационном мире.

Таким образом, педагогическое сопровождение учащихся в информационном пространстве будет более эффективным, если организацию воспитательного процесса осуществлять с учетом синергетических принципов: принципа первоначального ограничения информационного взаимодействия воспитываемой системы с внешней средой и принципа обеспечения максимального разнообразия действий внешней среды.

В процессе исследования была создана система педагогического сопровождения учащихся в информационном пространстве, которая состоит из следующих этапов:

1. Выбор нравственной проблемы или вопроса и определение педагогической целесообразности применения ресурсов сети Интернет для воспитательных стратегий;
2. Определение конкретных целей для поиска;
3. Выбор подходящих интернет-сайтов для выполнения задания;
4. Сбор, оценка и классификация данных;
5. Анализ найденной информации по решению нравственной проблемы, поиск собственного понимания этой проблемы;
6. Презентация ответа на вопрос, решение нравственной проблемы;
7. Формирование нравственной позиции старшеклассников.

В процессе сопровождения учащихся по сети Интернет изменяется роль и позиция воспитателя, его задачи таковы: оказать поддержку в выборе нравственной проблемы исследования и в овладении исследовательскими умениями и навыками; научить критически воспринимать информацию и принимать существование различных точек зрения; координировать весь процесс работы с привлечением ресурсов сети Интернет; осуществлять обратную связь, коррекцию поисковой деятельности, организацию итогового обсуждения, защиту проектов.

В числе мер по формированию адекватного отношения школьников к информационным ресурсам сети Интернет можно отметить выработку умений перерабатывать и представлять информацию, выработку понимания адресной направленности информации, формирование навыков критического осмысления информации, формирование навыков обоснования альтернативных позиций, формирование навыков интерпретации информации, выработку умений хранить и использовать в обучении и в повседневной жизни информацию, полученную из ресурсов телекоммуникационной сети.

Разработанная система педагогического сопровождения в информационном пространстве была апробирована в ходе проведения цикла воспитательных занятий «Человек и его ценности в информационном мире», в результате которого были решены задачи формирования такой системы, которая позволит учащимся адекватно относиться к информации и событиям, происходящим в информационном мире, принимать верное решение в ситуации нравственного выбора: «Информация и знания в жизни информационного общества», «Правовое поведение личности в информационном обществе», «Безопасность человека в Интернете», «Гигиенические аспекты работы на компьютере», «Культура человека информационного общества», «Ценность времени и жизни в современном мире», «Образование – ценность человека XXI века» и др. Назначение данных классных часов – стимулировать повышение интереса к проблемам нравственности и морали, развивать потребности к самосовершенствованию, адаптацию к условиям информационного общества.

Достижение задач педагогического сопровождения учащихся в информационном пространстве в процессе воспитания ценностных отношений школьников стало возможным при проведении воспитательных занятий, где реализовывались такие формы работы, как: обсуждение докладов; просмотр и обсуждение кинофильмов; конкурс графических рисунков на актуальные темы; рецензия высказываний (см. [3]); проведение проблемных коллективных обсуждений информации, представленной в сети Интернет, сопоставление и обсуждение рецензий, статей, книг профессионалов; обсуждение предложенных учащимися сайтов, их достоинств и недостатков; описание отношений, переживаний, ассоциаций, вызванных конкретным сайтом; критический анализ информации, полученной в Интернете.

Занятия продемонстрировали учащимся, что в достаточно популярных и известных ресурсах сети может находиться неточная, недостоверная и некорректная информация. Учитель акцентировал внимание школьников на опасности рекламной информации, которая часто содержит умышленные ошибки и достаточно вольное обращение с фактами. Все примеры недостоверной и неточной информации сопровождались соответствующими комментариями и пояснениями как со стороны учителя, так и со стороны учеников. Занятия проводились в малых группах, общение в которых носит характер взаимопомощи. При таких условиях вред, наносимый психическому здоровью школьников использованием ресурсов сети Интернет, становится минимальным.

Важно также учитывать и то, что для процесса восприятия информации большое значение имеет живая речь учителя, которую Интернет и опубликованные в сети ресурсы заменить не мо-

гут. Чтобы достичь эффективности восприятия, учитель должен говорить со школьниками на понятном им языке. Вступительное слово педагога в начале каждого занятия позволяло учащимся четко представить цели, задачи и сам процесс выполнения заданий. В дальнейшем педагог выступал в качестве консультанта.

Существенным элементом методики явились устные выступления школьников, в ходе которых они описывали все, что узнают, комментировали основные содержательные элементы используемых ресурсов сети Интернет и возможные технологии работы с ними.

Наблюдения за школьниками, увлеченными работой с ресурсами сети Интернет, свидетельствуют, что вначале работа учащихся носила в основном информативно-коммуникативный характер. В качестве первоначального мотива выступала жажда получения новой не слишком содержательной информации, не требующей никакой критической переработки, но близкой по тематике интересам школьников. У школьников появился интерес и мотивация к использованию сети. На данном этапе важно своевременное включение учителя, который, следуя психологическим особенностям старшеклассников, направляет их в нужное русло. Перед поиском информации или объектов в сети школьники моделировали то, что ищут. Ученики должны четко понимать, для чего они используют ресурсы Интернета, осознавать, что они владеют средствами и технологиями, с помощью которых можно вести целенаправленный и регулярный поиск конкретной информации. В этом случае у школьников развивается критическое мышление, умение грамотно интерпретировать информацию, разрешать различными способами проблемные ситуации, творчески подходить к процессу работы с информационными ресурсами сети.

Заключительный этап исследования – анализ того, как изменилось отношение учащихся к проблемам человека в информационном обществе, выяснить, какие изменения произошли в структуре ценностных отношений школьников, определить достигнутый учащимися уровень критического восприятия информации, представленной в сети.

Подтверждением качества проведенного эксперимента выступили результаты итогового занятия, на котором учащиеся должны были прорекламировать выбранную ими ценность, используя электронные презентации. В процес-

се создания презентаций старшеклассники выявляют свое отношение к ценностям. При создании электронных презентаций учащиеся использовали различные источники информации, современные технические средства (видеокамера, цифровой фотоаппарат, сканер, мобильный телефон, мультимедийный проектор). Учащиеся продемонстрировали свое владение информационными технологиями, умение выступать перед аудиторией, отстаивая свою точку зрения. В начале эксперимента у учащихся было спокойное отношение к рассматриваемым проблемам, они были малоинициативными, неохотно участвовали в дискуссиях. Постепенно их интерес к занятиям повышался. Учащиеся сами предлагали темы для обсуждения, находили интернет-сайты для критического анализа. Заключительное занятие проходило на высоком эмоциональном уровне. Оно показало, что отношение учащихся к проблемам человека информационного общества изменилось. Они стали интересоваться, как эти проблемы решаются в России и в других странах мира, какие достигнуты результаты в их решении.

Чтобы выяснить, какие изменения произошли в структуре ценностных отношений личности, была проведена контрольная диагностика структуры ценностных отношений школьников. Анализ результатов показал, что изменилось их отношение к проблемам человека в информационном обществе: повысился интерес к данным проблемам, выросло число учащихся, проявляющих инициативность, принимающих активное участие в подготовке и проведении занятий, а также в дискуссиях и обсуждениях по теме. К окончанию школы большинство учащихся имеют высокий и средний уровни сформированности ценностей, важных для жизнедеятельности в информационном обществе: по показателю «Образование» – 100 % учащихся, по показателю «Знания» – 96 %, «Человек» – 82 %, «Информация» – 76 %. К концу эксперимента учащиеся имеют высокий уровень критического восприятия информации, представленной в сети Интернет: количество школьников с низким уровнем критической оценки web-сайтов снизилось на 36 %; рост показателей по среднему уровню составил 8 %; количество учащихся, имеющих высокий уровень критической оценки веб-сайтов, повысилось на 28 %. Результаты проведенного эксперимента доказали эффективность разработанной системы педагогического сопровождения школьников в информационном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зазнобина Л. С., Белиловская М. В океанах техники и информации // Первое сентября. 1999. № 65.
2. Ершов Ю. Л. Выступление на закрытии II Международного конгресса ЮНЕСКО «Образование и информатика» // Проблемы информатизации высшей школы. 1996. № 2(6). С. 95–96.
3. Концевой М. П. Рецензия высказывания в диагностике информационной культуры учащихся. Постановка задачи // Education. Человек. Культура. Общество. 21.02.2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://biblio.narod.ru/gymnal/statyi/diagn-inf-kult.htm>
4. Усольцев А. П. Принципы управления саморазвитием учащихся // Мир образования – образование в мире. 2006. № 1(21). С. 207–214.

ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА ШЛАПЕКО

аспирант кафедры международных отношений факультета политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

shlapeko_kate@mail.ru

СЕВЕРНЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ: ИСТОКИ И РАЗВИТИЕ*

Дается характеристика процессов интеграции в Норвегии, Швеции и Финляндии для понимания роли регионов в приграничном сотрудничестве. Североевропейская регионализация рассматривается в качестве одной из ключевых внешнеэкономических и политических стратегий данных стран, объединенных идеей «новой Северной Европы».

Ключевые слова: Северная Европа, регионализм, межтерриториальное сотрудничество, региональная политика, административные реформы

Существует мнение, что регионы федеративных государств, в отличие от унитарных, обладают «высокой степенью свободы в развитии международных связей» [4; 148]. Успехи североевропейского регионализма говорят об обратном. В Северной Европе процесс формирования государственности привел к возникновению государств унитарного типа: Швеция и Норвегия являются централизованными странами, а Финляндия – децентрализованной.

Региональное самоуправление в Северной Европе исторически развито. Например, в Норвегии советы губерний (фюльке) были созданы уже в 1873 году и при этом муниципалитеты всегда обладали высокой степенью автономии при принятии решений, включая межрегиональные контакты. В докладе «Административные реформы – аргументы и ценности», подготовленном группой исследователей (А. Халлгеир, К. Бехме, А. Ухлин), выделяются две модели североевропейского управления: западная (технократическая) и восточная (исполнительная) на основе типа североевропейских стран – «государство наций» и «нация-государство» (см. таблицу). Дания и Швеция были независимыми государствами в Средние века и Новое время (согласно Вестфальскому соглашению 1648 года), в то время как Норвегия (стала независимой в 1905 году) и Финляндия (стала независимой в 1917 году) всю свою историю боролись за национальную идентичность.

Модели североевропейского управления [9; 86]

	Западная модель	Восточная модель
Государство наций	Дания	Швеция
Нация-государство	Норвегия Исландия	Финляндия

В западной модели политические решения принимаются администрациями, и высока ответственность парламента. В восточной модели действуют агентства и органы, их контролирующие.

В Норвегии различают региональную политику и политику районов (regional-og districts-politikk), в Швеции используется концепция регионального роста (regional tillväxtpolitik), в Финляндии применяется термин «региональное развитие». Трехуровневая система характерна для Швеции и Норвегии: первый уровень – государственный, второй – губернский (лен в Швеции и фюльке в Норвегии), третий – коммуны [7]. С 1 января 2010 года в Финляндии упразднены губернии и появились 6 административных округов.

В Швеции административная реформа ставила целью создание советов губерний (länsstyrelser), выбираемых путем прямого голосования. В качестве пилотных территорий были выбраны лены Сконе и Вестра-Гёталанд, губернским советам которых был присвоен постоянный статус в 2011 году. К процессу присоединятся лены Готланд и Халланд, но вопрос о создании подобных структур в северной и центральной частях был отложен. В период 2007–2013 годов региональная политика Швеции базируется на Национальной стратегии региональной конкурентоспособности, предпринимательства и занятости. На основании возможностей и угроз, стоящих перед Швецией и регионами, правительство разработало следующие национальные приоритеты: «инновации и обновление, повышение квалификации рабочей силы, доступность и стратегическое приграничное сотрудничество» [8; 18].

Финские программы регионального развития фокусируются на городах и окружающих их регионах, сельских местностях и архипелагах. Развитие регионов осуществляется на основе программ, а ответственность за их выполнение возлагается на государство и коммуны, в то время как функции администрирования – на союзы коммун. С 2005 года проходило объединение муниципалитетов для более эффективного регионального управления. После вышеупомянутой реформы Министерство финансов Финляндии

наделяет руководителей Агентств государственного управления административных округов Финляндии полномочиями по осуществлению приграничного сотрудничества с соседними регионами.

В Норвегии реформа 2010 года завершилась укреплением роли советов губерний, которые теперь отвечают за содержание региональных дорог, координируют работу по оказанию медицинских услуг и экологическим вопросам, курируют созданные центры по инновациям и исследованиям. Третий уровень – коммуны – это города с прилежащими окрестностями, которые, объединяясь, формируют экономический район. В 2005 году левоцентристская коалиция правительства инициировала реформу, «поддержанную норвежской Ассоциацией местных и региональных властей и нацеленную на передачу функций на региональный уровень при одновременном слиянии регионов» [14; 28]. Достичь данных целей не удалось из-за столкновения интересов и невозможности прийти к компромиссу как на уровне различных партий, так и среди национальных и региональных властей по поводу границ новых губерний.

В докладе международной консалтинговой организации Nordregio подчеркивается, что региональная политика постепенно эволюционирует и основным инструментом в достижении сбалансированных условий жизни по всей территории стран Северной Европы становится «не политика перераспределения ресурсов и привлечение государства для решения проблем, а стратегии внутреннего роста и регионального развития» [14; 11].

Термин «nordisk» (северный) впервые был озвучен на конференции в Копенгагене в 1939 году лидерами стран-участниц (Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии и Исландии) «для демонстрации единства стран перед началом войны» [10; 12]. После Второй мировой войны, понимая важность сохранения стабильности на своей территории, страны Северной Европы усилили сотрудничество между собой. Этот процесс получил название «политический скандинавизм» – историческое проявление субрегиональной общности на основе схожести геополитических интересов и демократических ценностей, близости социально-экономических параметров, политической инфраструктуры стран Северной Европы [2; 63].

По мнению Йоенниemi, новые группы возникли по принципу «включения», а не «исключения», и на первый план в сотрудничестве вышли общие интересы, а не столько обеспечение безопасности [11; 3]. Процесс становления регионализма пошел по пути качественного усиления региональных экономических, культурных, а позже и экологических контактов. В рамках деятельности Комитета по региональ-

ной политике 26 мая 1977 года было заключено Соглашение о трансграничном сотрудничестве на уровне местных сообществ Дании, Финляндии, Норвегии и Швеции, которое «предвосхитило последующие изменения и стало важной основой для регионального трансграничного сотрудничества не только в Северных странах, но и в европейском Сообществе» [6; 138–151].

Маркус Перкманн в типологии трансграничных регионов выделил «скандинавские группы», отличающиеся более высокой степенью взаимодействия на большей территории, чем типичные еврорегионы [13]. «Типичный еврорегион имеет ширину от 50 до 100 км и население около двух миллионов человек. Его географическое пространство обычно определяется пределами социально-экономической интеграции» [1; 87]. Общими характеристиками для стран Северной Европы являются суровые климатические условия, низкая плотность и старение населения, периферийное положение на евразийском континенте и удаленность промышленных центров друг от друга. Организации, созданные в рамках Северного Соглашения, отличаются по следующим показателям:

- географическому, то есть варьируются от небольших территорий, как Пограничный комитет Остфольд-Бохуслен/Далсланд (9 500 км²), до таких крупных, как Совет Северного Калотта (310 000 км²). В Комитет Эресунн входят метрополии Копенгаген и Мальмо, Совет Торнедал включает северные территории с низкой плотностью населения. Этот показатель влияет на выбор проблематики. Так, слабозаселенные районы чаще сталкиваются с недостатком образовательных возможностей, слабой инфраструктурой, а регионы, в состав которых входят крупные города, решают проблемы иммиграции, занятости населения и т. д.
- организационному, то есть не только принадлежность участников к разным уровням власти, но и вовлечение общественности, бизнеса и академических кругов в обсуждение региональных вопросов. Например, организация АРКО и Совет Торнедал объединяют только муниципалитеты, Комитет Эресунн состоит из представителей местного и регионального уровней власти, а Совет Северного Калотта и Комитет Центральной Северной Европы также привлекают в качестве официальных партнеров торгово-промышленные палаты;
- ресурсному, то есть финансовые возможности, штат сотрудников (секретариат). В Секретариате архипелага Скаргарден – один человек, а Комитет Эресунн насчитывает 10 человек, при том что он выступает принимающей организацией для Секретариатов региона Эресунн ИНТЕРРЕГ (9 человек) и датской части (6 человек) [12; 37]. Количество персонала напрямую зависит от финансовых возможно-

стей, так, Совет Северного Калотта полностью финансируется Советом министров Северных стран. Остальные организации существуют на средства организаций-членов, а также на средства, выделяемые по программам ЕС.

Все приграничные регионы имеют общую цель – повысить собственную конкурентоспособность, обеспечить устойчивый экономический рост при сближении показателей социально-экономического развития сотрудничающих регионов. Эти примеры иллюстрируют концепцию северной добавочной ценности (Nordic value added), которая подразумевает то, что «сотрудничество приобретает смысл, когда совместные усилия имеют более позитивный эффект, чем отдельные национальные инициативы» [14].

Региональная и структурная политика ЕС рассматривается в качестве дополнения региональных политик стран-членов, в частности, учитываются рамки стратегического планирования. В текущем программном периоде (2007–2013) территориальное сотрудничество подразделяется на приграничное, транснациональное и межрегиональное. Фактически приграничное сотрудничество (ранее ИНТЕРРЕГ А) означает сотрудничество регионов NUT 3-го уровня, то есть региональные советы, лены, фюльке в пределах 150-километровой приграничной зоны, включая морские границы [8; 34]. Транснациональное (межгосударственное) сотрудничество (ранее ИНТЕРРЕГ В) может объединять как суб-

национальные территории, так и государства целиком. В ходе переговоров между Еврокомиссией и странами – членами ЕС были согласованы 13 программных регионов. В реализации программ могут также участвовать регионы, находящиеся вне территории программ, если польза от реализации будет получена представителями программного региона [3; 5]. В Финляндии действуют 5 программ для внутренних регионов, в Швеции – 9 программ. То, что Норвегия не входит в ЕС, не является препятствием для межрегионального взаимодействия на Севере Европы. ЕС продемонстрировал свое стремление к подключению норвежских губерний и коммун к системе международного трансграничного сотрудничества. Норвегия принимает участие в 3 транснациональных программах (региона Балтийского моря, Северная периферия, Северное море) и 4 приграничных программах.

Проблематика регионализма и политической децентрализации весьма актуальна для России, где продолжают становление региональной политики и разработка нормативно-правовой базы приграничного сотрудничества. История регионализма в Северной Европе, критическое осмысление процессов децентрализации и опыта административных преобразований в этих странах полезны для разработки оптимальной региональной политики в России, а также определения места и роли Северной Европы во внешнеполитической концепции России.

* Работа выполняется при финансовой поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балтийский регион как полюс экономической интеграции Северо-Запада Российской Федерации и Европейского союза / Под ред. В. П. Гутника, А. П. Клемешева. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. С. 355.
2. Воронов К. В. Страны Северной Европы: сближение геополитических линий // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 5. С. 62–71.
3. Трансграничное сотрудничество. Министерство иностранных дел Финляндии и Министерство занятости Финляндии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rakennerahistot.fi/rakennerahistot/tiedostot/euroopan_alueellinen_yhteistyö/TEM_esite_EAY_ENPI_yhteistyö_yli_rajojen_RUS_lores.pdf
4. Плотникова О. В. Международные связи // Власть. 2011. № 4. С. 147–152.
5. Региональная политика стран ЕС / Центр европейских исследований ИМЭМО РАН; Отв. ред. А. В. Кузнецов. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 230 с.
6. Романов С. Л. Парадипломатия европейских границ и Россия. 2001. М., 186 с.
7. Юхансен А. Доклад на Совете Северных приграничных муниципалитетов, сентябрь 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://img4.custompublish.com/getfile.php/662893.1234.duaxcpfcb/Report+Russian.pdf?return=www.northcouncil.net>
8. A national strategy for regional competitiveness, entrepreneurship and employment 2007–2013. The Ministry of Enterprise, Energy and Communications. 66 p.
9. Hallgeir A., Bohme K. and Uhlin A. Administrative reform – Arguments and values, Nordic Research Programme 2005–2008. Report: 6, Nordregio. 2008. P. 86.
10. Hilson M. The Nordic Model. Scandinavia since 1945. Reaktion, Great Britain, 2008. 241 p.
11. Joenniemi P., Waver O. By Way of Introduction: Why Regionalisation? / Cooperation in the Baltic Sea Region. Washington, 1993. P. 1–8.
12. Lindqvist M. Regional development in the Nordic countries. Nordregio report. 2010: 2. 159 p.
13. Perkmann M. 'The rise of the Euroregion. A bird's eye perspective on European cross-border co-operation', published by the Department of Sociology, Lancaster University [Electronic resource]. Access mode: <http://www.comp.lancs.ac.uk/sociology/papers/Perkmann-Rise-of-Euroregion.pdf>
14. Territorial cooperation – extending interaction. Nordregio report 2007:1 [Electronic resource]. Access mode: http://www.nordregio.se/file/Files/r200701/NR2007_1_chapter_4.pdf

ВАРФОЛОМЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАЗАНОВ
аспирант кафедры философии и социологии, Калужский
государственный университет (Калуга, Российская Феде-
рация), докторант Университета Людвиг-Максимилиана
(Мюнхен, Федеративная Республика Германия)
v.bazanov@daad-alumni.de

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ МИГРАНТСКИХ СООБЩЕСТВ*

Сопоставляются различные подходы к периодизации миграционных исходов из Российской империи, СССР и России. Особое внимание уделяется культурной идентичности мигрантов различных исходов. На основании приведенного анализа делается вывод о наличии двух культурных групп мигрантов, разделение на которые является результатом различных культур социализации и условий исхода.

Ключевые слова: миграция, миграционные волны, «русский мир», соотечественники, культура

Исследователи миграционных потоков с территории стран бывшего СССР выделяют несколько исходов. Российский социолог А. С. Ахизер обозначил шесть этапов эмиграции из России [8], из которых три относятся к периоду до 1917 года; указанная периодизация в целом совпадает с предложенной Н. Л. Пушкаревой [21]. Первый этап относится ко времени до 1861 года и совпадает в основном с периодом колонизации [8]. Реформы Александра II открывают второй этап, который охватывает период с 1861 года по 1890-е годы. Всего на протяжении первого и второго этапов выехало примерно 30 тыс. членов различных преследуемых религиозных групп [8]. С 1890 по 1914 год проходит третий этап эмиграции, когда, в частности, укрепилась так называемая трудовая миграция, представляющая собой временный выезд работника на заработки без семьи [8], [21]. По оценкам Н. Л. Пушкаревой, страной переселения для более чем половины выезжавших из России по экономическим мотивам в конце XIX века являлись США, куда переместились за период с 1820 по 1900 год примерно 424 тыс. подданных Российской империи [21]. Основным регионом исхода эмигрантов являлись западные губернии России, «острие же миграции населения центральных регионов, представленного в основном русскими, украинцами и отчасти белорусами, было направлено на окраинные регионы империи» [13; 84]. Всего за годы дореволюционной эмиграции, по подсчетам российского этнолога В. А. Тишкова, из России выехали примерно 4,5 млн человек, «из которых только не более 500 тыс. были русские, украинцы и белорусы» [23; 29].

Следующий период миграции охватывает «разруху, Гражданскую войну и выросшую на их основе тоталитарную систему» [8] и продолжается с 1917 по 1952 год. В периодизации Н. Л. Пушкаревой он разделяется на два этапа, причем второй этап связан с невозвращениями

периода Второй мировой войны [21]. Исход, вызванный событиями 1917 года, по своему характеру отличается от миграции предыдущих эпох, в частности, тем, что за короткий временной промежуток страну покинули, по различным подсчетам, от 700 тыс. [29; 16] до 3,5–4 млн человек [12]. По оценкам историка В. М. Кабузана, общее число эмигрировавших из России в 1918–1924 годах составило 5 млн человек [13; 230]. Однако в их число включены и около 2 млн жителей польских и прибалтийских губерний, вошедших в состав новообразованных государств (ср. [22]). К тому же, если в период с 1861 по 1915 год «две трети эмигрантов направлялись в США, а из числа выехавших в XX веке – около 80 %» [9; 5], то в указанный период мигранты в основном рассеивались по странам Европы. Для этого исхода характерно наличие достаточно мощных факторов выталкивания. Речь чаще всего шла не о наличии выгод, а о бегстве от физического уничтожения. Данный исход явился потерей части мобильного и образованного населения Российской империи. Мигрировали люди самых разных возрастов, сословий. Россию покинула и значительная часть интеллигенции [18], [21], что отличает данную группу от всех последующих (ср. [19; 147]). Кроме того, после указанного периода интенсивной миграции границы СССР стали стремительно утрачивать проницаемость. В 1930-е годы страна была практически закрыта от внешних миграционных потоков, в то время как внутренние миграции подпали под административный контроль. Единичные случаи внешней миграции в этот период связаны, в частности, с политикой выкупа человека его родственниками: страна остро нуждалась в деньгах и потому пошла на такую «уступку». В целом количество мигрантов, уже знавших период стабильного существования системы советского государства, является крайне незначительным.

После периода закрытости последовал новый исход мигрантов за границы СССР в ходе Вто-

рой мировой войны, когда за пределами СССР, по разным оценкам, оказалось от 0,7 [17; 143] до 10 млн [9; 7] «невозвращенцев». Чередование периодов закрытости и массовых исходов позволяет употреблять при описании данных периодов миграции термин «волна». «Это скорее образное, чем научное понятие», однако «оно получило широкое распространение и терминологически устоялось» [17; 498]. Более того, некоторые исследователи (см., например, [9], [12], [18]) начинают отсчет исходов именно от миграции после 1917 года. В большинстве публикаций термином «первая волна» обозначается именно этот исход мигрантов. Вариацией данной периодизации можно считать идею обозначения всех миграций до 1917 года как «первой волны» [15], но такой подход является исключением.

К первой волне примыкает вторая волна мигрантов – переселенцы периода Второй мировой войны. Это граждане СССР, оказавшиеся на территории Третьего рейха и по разным причинам не возвратившиеся в страну исхода. В данный период они оказывались вне страны происхождения, в основном как военнопленные и как вывезенная за рубеж рабочая сила; наблюдается и спонтанное бегство мирного населения от наступающих частей Красной армии. Мигранты, которых в силу этнической принадлежности приглашали в Германию (фольксдойче, финны-ингерманландцы), составляют лишь незначительную часть мигрантов (4 и 0,7 % соответственно) [16; 135–136]. Мигрировали люди, социализированные в системе функционирующего советского государства. Свою роль в этом процессе сыграло информационное пространство: советские граждане очень часто не верили официальной информации. Выпав из информационного пространства своей страны, они стали критически относиться к существующему положению дел на родине. В то же время еще были на слуху пересказы воспоминаний о поездках в Европу представителей дворянского сословия. Нельзя не отметить и влияние рассказов весьма небольшого числа граждан СССР, бывавших в зарубежных командировках. Это впоследствии также повлияло на миграционные намерения. Важным является и то обстоятельство, что мигранты указанного периода пережили последствия усилий правительства Советского Союза по насильственной репатриации. При этом власти стран-союзниц СССР по антигитлеровской коалиции в большинстве случаев не только содействовали репатриации, но и выдавали властям мигрантов даже первой волны [16; 237].

Третья волна миграционного исхода из СССР, или исход периода холодной войны [17; 516], начинается с послевоенного времени и условно заканчивается 1991 годом, принятием закона, снимающего ограничения на выезд за границу. В период с 1948 по 1990 год из СССР выехали, по

разным оценкам, от 0,5 млн [17; 500] до 1,1 млн [12] человек (ср. [18], [20; 46]). Согласно периодизации А. С. Ахиезера, эмиграция с 1952 по 1992 год относится к пятому этапу, когда происходит «стягивание других народов на свою этническую территорию» [8], что проявляется в эмиграции национальных меньшинств – евреев, греков, немцев и др. В этой связи данный миграционный исход может называться русским с определенной долей условности, поскольку объединяет 1 136 300 выходцев из СССР разной этнической принадлежности. В этот период из Советского Союза выехали 414 400 немцев, 300 000 евреев, 84 100 армян, 24 300 понтийских греков, 18 400 человек, принадлежащих к общинам баптистов и пятидесятников, и 2800 представителей других национальностей [26; 6]. Покидали страну и диссиденты, причем изменение интенсивности их выезда позволило Н. Л. Пушкаревой выделить в рамках указанных хронологических рамок «доперестроечный» и «перестроечный» этапы миграции [21].

С одной стороны, нужно отметить отсутствие в Советском Союзе базы правового регулирования миграции, а следовательно, юридическое непризнание за гражданами Советского Союза права на выезд из страны. Это обстоятельство позволяло правительству по своему усмотрению разрешать выезд, причем разрешение могло даваться не в связи с особенностями запросов, а выступать как предмет торга с западными странами, как демонстрация доброй воли на внешнеполитической арене. Таким образом, эмиграция находилась под полным контролем государства. С другой стороны, основная часть мигрантов не относилась к «перебежчикам»: люди легально получали выездную визу, переезжали границу. Миграцию данного периода «можно считать наиболее этнизированной и в то же время наименее европейской» [17; 517]. Необходимо отметить существенную размытость миграции указанного периода в географическом и временном планах. Динамика развития страны исхода и этническая разнородность эмигрантов не позволяют объединить их в единую культурную группу.

После вступления в силу Закона о въезде и выезде (1 января 1993 года) начинается, по периодизации Н. Л. Пушкаревой и А. С. Ахиезера, шестой этап эмиграции, продолжающийся и в настоящее время. Трансформация политической системы послужила причиной массового переселения жителей стран бывшего СССР в страны Западной Европы. Согласно другой периодизации, в период с 1991 года начинается «четвертая волна» миграции, которая также продолжается по настоящее время (см., например, [20; 54]). Термин «волна» в данном случае вполне обоснован ввиду массовости исхода: за 11 лет (1990–2000) из России выехали примерно 1,1 млн человек [12]. Отметим, что, по мнению некоторых

исследователей, отсчет четвертой волны следует начинать с 1990 года, «когда процесс либерализации политической жизни в стране действительно снял с повестки дня проблему въезда и выезда, когда выезжать стало можно легально, добровольно...» [7], ср. [17; 502]. Для миграции указанного периода характерна черта, свойственная эмиграции из многих стран в эпоху глобализации, – перераспределение экономическими, а не политическими факторами [12].

Если первая и вторая волны регулировались в большей степени условиями страны исхода, то четвертая – политикой принимающих стран. Так, рассмотрение миграционных потоков в Германию показывает, что именно особенность программ ФРГ оказала определяющее воздействие на структуру четвертой волны. «Несмотря на открывшиеся двери, возможности эмиграции россиян за пределы СНГ очень ограничены, что теперь уже определяется политикой принимающих стран» [11]. В соответствии с переселенческими программами германского правительства в структуре мигрантов из стран бывшего СССР выделяются три группы: «русские евреи», «русские немцы» и русские, не попавшие под действие программ для двух первых категорий. При этом наличие программ поддержки и привилегий гомогенизирует группы и выделяет их границы. В то же время мигранты данной волны образуют единую культурную группу. Несмотря на этническую разнородность мигрантов, языком их повседневного общения в подавляющем большинстве случаев является русский, поэтому к ним применим термин «русскоязычные». Значимым является и то обстоятельство, что представители местного населения воспринимают их скорее как русских из СССР (ср. [28; 10]). Общим для всех представителей данной волны является то, что основные этапы социализации были пройдены ими в постсоветское время. Так, согласно выводам Дж. Домерника, большинство еврейских переселенцев относятся к категории, называемой «советский потребитель» [25; 11].

Для указанного периода характерно стремление общественных и правительственных организаций к сотрудничеству с эмигрантами, готовность к установлению контактов и международным обменам. Так, 5 марта 1999 года был принят Закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» [5]. Сайт МИДа России содержит ссылку на информацию для «соотечественников» [3], см. [1], проводятся специальные правительственные программы. В соответствии с Указом Президента России № 1315 от 06.09.2008 года создано Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотруд-

ничеству (Россотрудничество) [4]. В 15 российских регионах созданы советы по связям с соотечественниками [10]. Фонд «Русский мир» открывает свои представительства по всему свету [6]. При этом и сами мигранты стали все чаще организовывать ассоциации с целью сохранения культурных традиций.

Таким образом, волны эмиграции различаются не только по временным периодам. Мигрантов первой волны отличает то, что они являются носителями досоветской культуры; присутствует идея консервации данной культуры для возвращения в страну исхода; существование советского строя воспринимается ими негативно. Мигранты второй волны в целом влились в первую. Определенную роль в этом сыграл факт принадлежности мигрантов данной волн преимущественно к одному поколению, а следовательно, наличие преемственности уничтожаемой в стране исхода культуры. Кроме того, внешним закрепляющим фактором послужила политика страны исхода по отношению к мигрантам: государство всячески пыталось преуменьшить значение данной группы [27; 102] и даже физически уничтожать мигрантов [16].

Политика прерывания преемственности, построение нового общества в стране исхода привели к заметному разрыву в идентификации с последующими волнами миграции. Третья и четвертая волны эмиграции уже не могли составить единое целое с более ранними исходами. В условиях глобализации оформились и иные группы факторов миграции социально-экономического и демографического порядка. Для мигрантов четвертой волны характерны скорее экономические факторы притяжения и выталкивания [12], [19; 154]. При этом важно, что несмотря на факт миграции из разных стран, подавляющая часть эмигрантов четвертой волны прошла основные этапы социализации в культурном пространстве СССР.

Описанные особенности миграционных исходов позволяют предполагать возникновение в странах Европы общин мигрантов разной культуры. Наиболее уместно делить представителей миграционных исходов на две группы. Первую, обозначаемую обычно термином «русское зарубежье» [20; 47] или «старая эмиграция» [21], образуют представители первой и второй волн миграции. Вторая группа, которую с учетом культуры социализации можно условно обозначить как «советскую эмиграцию» [7], включает переселенцев третьей и четвертой волн миграции. Для преодоления конфликтности и напряженности между общностями большое значение имеет объективное и точное знание ценностных (культурных) систем соответствующих общностей, качественное и количественное соотношение между ними.

* Статья написана при поддержке гранта Германской службы академических обменов (DAAD).

ИСТОЧНИКИ

1. Законодательство Российской Федерации применительно к соотечественникам [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ln.mid.ru/ns-dgpch.nsf/zakon>
2. Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года, одобренная Правительством РФ 24 сентября 2001 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/zniki/koncepciya/koncepciya.html>
3. МИД России [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.mid.ru
4. Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusintercenter.ru/>
5. Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2009 г. № 214-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом”». Принят Государственной Думой 17 июля 2009 года. Одобрен Советом Федерации 18 июля 2009 года // Российская газета. 2009. 28 июля. № 4961. Федеральный выпуск. С. 2.
6. Фонд «Русский мир» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russkiymir.ru/ru/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

7. Андреев В. Особенности развития российской диаспоры за рубежом 17.04.2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/publications/articles/article0073.html?print=true>
8. Ахизер А. С. Эмиграция как индикатор состояния российского общества. 2004 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.archipelag.ru/ru_mir/volni/hrono_retro/indication/
9. Вишневский А. В., Зайончковская Ж. А. Волны миграции: Новая ситуация // Свободная мысль. 1992. № 12. С. 4–16.
10. Дашков С. МИД доволен. Подведены итоги работы с соотечественниками в 2008 году // Российская газета. 2008. 25 декабря. № 4820. Столичный выпуск. С. 4.
11. Зайончковская Ж. А. Трудовая миграция из России под прессингом Шенгена. 2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://migrocenter.ru/science/science016.pph>
12. Зайончковская Ж. А. Эмиграция в дальнее зарубежье. 2004 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.archipelag.ru/ru_mir/volni/4volna/out-migration/
13. Кабузан В. М. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб.: Блиц, 1996. 352 с.
14. Кабузан В. М. Движение населения в Российской империи // Отечественные записки. 2004. № 4 (18). С. 82–93.
15. Межуев Б. В. Последняя эмиграция? 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.archipelag.ru/ru_mir/volni/4volna/posled/
16. Полян П. М. Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М.: РОССПЭН, 2002. 894 с.
17. Полян П. М. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер, П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 493–519.
18. Попков В. Д. Основы Русского мира: векторы формирования единого пространства соотечественников. 13.05.2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/analytics/article/news0002.html>
19. Попков В. Д. Эмиграция из Российской империи Советского Союза в Европу: сравнительный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. X. № 3. С. 143–159.
20. Попков В. Д. Русскоязычные пространства за рубежом: специфика формирования и основные особенности // Вестник Института Кеннана в России. 2011. № 19. С. 45–57.
21. Пушкарёва Н. Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tricolor.org/history/re/24/>
22. Тарле Г. История русского зарубежья: термины; принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. Кн. 1. М.: Наследие, 1994. С. 16–24.
23. Тишков В. А. Где и когда российская диаспора? // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М.: ИРИ РАН, 2001. С. 27–35.
24. Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане и Пакистане. Аналитический обзор. Алматы, 2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://iom.ramdisk.net/iom/images/uploads/IOM-Labour-Migration-in-Central-Asia005_1118060229.pdf
25. Doornik J. Going West: Soviet Jewish Immigrants in Berlin Since 1990 (Research in Ethnic Relations Series). Aldershot: Avebury, 1997. 167 s.
26. Heitman S. The Third Soviet Emigration: Jewish, German and Armenian Emigration from the USSR since World War II. Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien. Köln, 1987. 108 s.
27. Hettlage R. Diaspora: Umriss einer soziologischen Theorie // Identität in der Fremde. Bochum: Brockmeyer, 1993. С. 75–105.
28. Ingenhorst H. Die Rußlanddeutschen. Aussiedler zwischen Tradition und Moderne (Campus Forschung). Frankfurt/Main: Campus-Verlag, 1997. 242 s.
29. Robinson P. The White Russian Army in exile. Oxford: Clarendon Press, 2010. 257 p.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА МАКАРОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка, Уральский государственный университет (Екатеринбург, Российская Федерация), докторант кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
makarovayn@mail.ru

ТИПЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ФОКУСА В АНГЛИЙСКОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ И ТРУДНОСТИ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ

Рассматриваются понятия «информационный фокус» и его типы в английском языке, в частности «широкий» и «узкий» фокусы, а также средства его выражения. Приведены основные результаты фонетического эксперимента по исследованию реализаций двух типов фокуса в английской речи испаноговорящих билингвов, изучающих английский язык в качестве иностранного.

Ключевые слова: информационный фокус, широкий фокус, узкий фокус, интонационный центр высказывания

Проблема соотношения акцентного рисунка фразы и смысловой значимости составляющих ее лексических элементов остается актуальной и привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Теоретические основы исследования акцентной структуры высказывания заложены в работах Т. М. Николаевой, И. Г. Торсуевой, Е. А. Брызгуновой, Н. Д. Светозаровой, О. Ф. Кривновой, В. Я. Шеваковой. В исследованиях последних лет, выполненных на материале разных языков и речевых стилей, описание просодических средств, участвующих в реализации категории выделенности, как правило, сочетается с изучением синтаксических, семантических и прагматических характеристик ударных элементов [1], [2], [4], [5].

Интонационным центром любой английской синтагмы называют ударный слог наиболее выделенного слова. Одной из самых важных причин, влияющих на позицию фразового ударения и, соответственно, место его реализации – интонационный центр, традиционно принято считать актуализацию компонентов высказывания в рамках теории актуального членения предложения. Участие интонации в реализации актуального членения является хорошо известным фактом, нашедшим подтверждение в трудах таких исследователей, как И. И. Ковтунова, К. Г. Крушельницкая, О. А. Лаптева, И. П. Распопов, П. Адамец, Я. Фирбас, М. А. К. Хэллiday и др. В современной литературе, посвященной изучению данной области, наблюдается использование разных терминов для обозначения схожих лингвистических понятий и явлений. Например, актуальное членение предложения также называют его функциональной, или коммуникативной, перспективой, тема-рематическим членением, логико-смысловым, коммуникативным членением, информационной структурой и

т. д. Суть данного явления состоит в том, что в логически полном, завершеном высказывании присутствуют два элемента, один из которых обозначает предмет сообщения, а другой представляет собой информацию о нем и является во фразе коммуникативно более важным. В обозначении этих компонентов актуального членения предложения также нет единообразия: они называются основой и ядром, темой и ремой, логическим субъектом и предикатом, основой и предикатируемой частью, топиком и фокусом. Термин «фокус» является одним из ключевых в работах по исследованию степени акцентной выделенности слова в английской синтагме. Многие зарубежные исследователи английской интонации, обсуждая причины главноударности той или иной лексической единицы, говорят о связи места интонационного центра в английской интонационной группе с ее информационным фокусом. Понятие «информационный фокус», являющееся, по мнению большинства лингвистов, универсальным языковым явлением, тесно связанное с синтаксисом, фонологией и прагматикой, получило освещение в работах Д. Болинджера, Р. Лэдда, Е. Селкирка, М. Л. Зубизаррета, М. Фраскарелли, К. Эндроя, Д. Бюринга и др. Принято считать, что лексическая единица, находящаяся в информационном фокусе фразы и по определению являющаяся важным с точки зрения говорящего элементом, будет одновременно носителем ядерного тона. Соответственно все, что с точки зрения говорящего не важно, находится вне пределов фокуса и не является потенциальным интонационным центром.

Попытки классифицировать типы фокуса и его взаимоотношения с выбором места интонационного центра помогают лучше понять природу данного сложного явления. Говоря о делении фокуса на типы, исследователи, как правило, учи-

тывают два критерия: во-первых, границы фокуса во фразе или его протяженность, во-вторых, те причины, которые определяют принадлежность той или иной лексической единицы к области фокуса, то есть его природу. Определение границ или размеров фокуса служит основанием для его деления на фокус всего предложения, так называемый «sentence focus», и фокус одного элемента, в английской терминологии – «*constituent focus*» или «*argument focus*», охватывающий лишь часть фразы [13]. Д. Р. Лэдд, рассуждая о масштабе фокуса, разделяет его на «узкий» («*narrow*») и «широкий» («*broad*») [11]. Локализация фразового ударения в высказываниях с широким фокусом не подвержена влиянию окружающего контекста, и ядерный тон, как правило, реализуется на последнем знаменательном слове высказывания:

- What did Mary do?
- Mary bought a *book*.

Ясно прослеживается параллель между широким фокусом и так называемым «нормальным ударением» («*normal stress*»), описанию которого уделяют внимание Дж. Бреснан [8], А. Берман и М. Шамози [6] и др. В соответствии с правилом реализации нормального фразового ударения, интонационный центр находится на последнем знаменательном слове высказывания, подходящем под категорию «новое» («*all-new*») [10, 95].

В предложениях с узким фокусом расстановка фразовых ударений подчиняется другим правилам. По ряду причин тот или иной элемент интонационной группы может находиться вне фокуса. В таких случаях главное фразовое ударение будет реализовано на последнем знаменательном слове оставшегося в фокусе отрезка, оставляя последний знаменательный лексический элемент высказывания безударным:

- Have you had a good day?
- I had a bloody *horrible* day [10; 87].

В соответствии с этим положением все составляющие предложения можно отнести либо к фокусо-маркированным («*F-marked*»), либо к фокусо-немаркированным («*non F-marked*»). Разумеется, если лексический элемент не является одновременно интонационным центром данной фразы, легко предположить, что он не относится к категории фокусо-маркированных [9].

Понятие «узкий фокус» является базовым и для классификации типов фокуса, основанной на анализе причин принадлежности лексической единицы к категории фокусо-маркированных. Обобщая мнение большинства авторов, можно утверждать, что узкий фокус в английском языке служит прежде всего для выражения принадлежности лексической единицы к новой и неизвестной для слушающего информации, наряду с воплощением в речи идей контраста и эмпазы. Между тем позиционный фактор, несомненно, играющий значительную роль в выражении

принадлежности слова к узкому или широкому фокусу, не всегда является основополагающим для определения типа фокуса в английском языке. В большинстве случаев финальный фразовый акцент действительно ассоциируется с широким фокусом:

- What happened?
- I called *Mary*.

Смещение финального фразового центра влево свидетельствует о принадлежности лексической единицы к узкому фокусу, например, контрастивному:

- Did you see Mary?
- No, I *called* Mary.

Вместе с тем узкий фокус, как и широкий, может быть выражен посредством лексических элементов, занимающих финальную фразовую позицию. В таких случаях расположение лексических единиц не является значимым для определения фокуса как узкого или широкого:

- Did you call John?
- No, I *called* Mary.

Резюмируя сказанное, можно отметить, что как узкий, так и широкий фокус в английской фразе могут находить свое выражение в лексических единицах, занимающих финальную фразовую позицию. Отношения между фокусом и местом интонационного центра являются «неоднозначными и сложными» [10; 81], поскольку акцентный рисунок высказывания сам по себе не сигнализирует о типе фокуса.

В английском языке, как и в большинстве германских языков, выделение фокуса в высказывании, несомненно, осуществляется в основном интонационными средствами. Именно этот факт может служить объяснением достаточно свободного перемещения интонационного центра в английской фразе, не влекущего за собой обязательного изменения порядка слов или добавления к составляющим высказывание лексическим единицам дополнительных элементов. К синтаксическим средствам выражения фокуса в английском языке можно отнести изменение нейтрального порядка слов и использование инверсии, а также употребление различных выделительных конструкций (например, *cleft-sentences*). В отдельных случаях можно говорить о комплексном использовании интонационных и синтаксических средств, причем главенство одного из них, по мнению некоторых авторов, не всегда можно определить однозначно. Д. Болинджер, однако, полагает, что синтаксические средства играют вспомогательную роль в выделении фокуса в английской фразе.

- Who woke me with that phone call in the middle of the night?
- Mary did.
- Nonsense. It was *you* who did.

Рассматривая вышеприведенный пример, автор отмечает, что комплексное выделение фокуса

са как синтаксическими, так и интонационными средствами в высказывании «It was you who did» является равнозначным выражению фокуса посредством интонационного центра во фразе «It was you» без использования каких-либо синтаксических средств для выделения ее информационного центра [7; 203].

По мнению многих лингвистов, говорящий прибегает к инвертированному порядку слов, когда «стремится спрятать тему, обладающую незначительной информативной значимостью... и с определенной силой выделить рему» [3; 128–129]. Интонационные средства в таких случаях, как правило, также способствуют выделению коммуникативного центра фразы посредством реализации на нем ядерного тона, например: *Now what have you been up to?*

Помимо описания синтаксических средств выделения фокуса в английском высказывании, многие авторы уделяют внимание лексическим средствам его выражения, в том числе группе эмфатических маркеров, включающих, например, наречия-интенсификаторы. В лингвистической литературе можно встретить упоминание лексических единиц, ассоциирующихся с принадлежностью к фокусу фразы (так называемые «focus sensitive expressions»). К последним, помимо наречий-интенсификаторов, можно причислить такие вводящие ядро фокуса элементы, как *only*, *even*, *especially*, а также лексические единицы, выражающие то или иное эмоциональное значение. Интонационный центр в высказываниях подобного рода реализуется, как правило, на слове, которое следует в предложении за таким маркером: *Even Jane wouldn't be so stupid* [10; 80].

В разных языках используются различные средства выражения информационной структуры высказывания и выделения фокуса. Для большинства германских языков, как уже было отмечено выше, характерна подвижность интонационного центра, отражающая информативно-коммуникативную значимость входящих в состав высказывания лексических элементов. В языках романской группы интонационные средства не являются ведущими в выражении информационного фокуса. Л. Разьер и Ф. Хиллсман относят итальянский и испанский к той немногочисленной группе языков, в которых место интонационного центра определяется прежде всего позиционным фактором [12; 50]. Эти различия, несомненно, могут оказывать влияние на усвоение акцентной структуры высказывания неродного языка. Особую трудность представляет овладение нормами места интонационного центра в германских языках носителями романских языков.

Для проведения фонетического эксперимента были выбраны английский и испанский языки. Исходя из разницы в способах выражения «информационного фокуса» в рассматриваемых

языках и прогнозирования потенциальных областей негативного (испано-английская интерференция) и возможного позитивного переноса представляется актуальным рассмотреть предложение как с широким (немаркированным), так и узким (маркированным, или «ранним»), фокусом. Материалом для исследования послужили 60 предложений на английском языке, относящиеся к коммуникативным типам «утверждение» и «вопрос» и представляющие собой, как правило, четко структурированные простые двусоставные предложения, находящиеся в рамках минимального контекста (вопросо-ответная структура).

Экспериментальный материал был записан от тридцати учащихся-мексиканцев, изучающих английский язык в Техасском университете города Эль Пасо. 10 дикторов владели английским языком на среднем уровне (Intermediate), 10 – на уровне выше среднего (Upper-Intermediate) и 10 – на продвинутом (Advanced). Испытуемым было предложено прочесть исследуемые микродиалоги в парах в естественной манере. Целью данного этапа экспериментальной части работы было выявление сдвигов позиции главноударного слова в английской речи испаноговорящих учащихся. Эти же фразы были переведены на испанский язык и прочитаны десятью дикторами-мексиканцами, не владеющими английским языком.

Все полученные реализации, записанные в рамках предложенного дикторам контекста, были прослушаны нами для определения позиции интонационного центра. На первом этапе аудиторского эксперимента они были предъявлены аудиторам, в роли которых выступили профессиональные лингвисты, для определения нормативности / ненормативности звучания исследуемых фраз с точки зрения позиции в них интонационного центра. Анализ полученных данных позволяет распределить исследуемый материал на следующие категории.

Первая категория – фразы, составившие для информантов определенные сложности при их реализации, однако верно реализованные половиной информантов. Это предложения, в которых принадлежность слова к категории «данное» – «новое» определена предшествующим контекстом. Для испанского языка, как подтверждают полученные данные, принадлежность слова к категориям «данности» и «новизны» не играет решающей роли для выбора позиции главноударного слова (в испанских фразах интонационный центр был реализован на последнем слове). Несмотря на это 50 % информантов верно выбрали главноударное слово в данных примерах, хотя, несомненно, они представили сложность, в особенности для дикторов группы *Intermediate*. Рассмотрим несколько примеров ошибочной реализации испаноговорящими дикторами экспериментальных фраз, которые являются достаточно однотипными.

– АЭВ (английский эталонный вариант): Did you say Colin had moved?

– No, he is *going* to move.

– ИЭВ (испанский эталонный вариант): ¿Dijiste que Colin se había mudado?

– No, él va a *mudarse*.

Дикторы-мексиканцы выбирают в качестве интонационного центра финальное слово, согласно правилам, действующим в их родном языке:

– ОВ (ошибочный вариант): No, he is going to move.

По оценкам аудиторов-американцев, привнесенная в этом случае во фразу идея контраста является совершенно излишней и неприемлемой в рамках данного контекста. Первый участник беседы уже упомянул о переезде Колина, а значит, такая реализация звучит по меньшей мере странно. Второй участник беседы либо не понял вопроса, либо реагирует на него абсолютно неадекватно.

Несмотря на разные правила интонирования предложений, входящих в эту группу, информанты-мексиканцы в половине случаев правильно выбирают позицию главноударного слова. Можно предположить, что на это повлиял лексический состав предложенных для чтения дикторам микродиалогов. Повторение практически всей фразы в реплике-ответе, за исключением лишь одного слова – потенциально главноударного, несомненно, должно помогать дикторам в выборе места интонационного центра.

Вторая группа состоит из предложений, прочитанных всеми мексиканскими дикторами правиль-

но и признанными нормативными с точки зрения позиции в них интонационного центра дикторами-американцами. В данном случае английская фраза и ее испанский эквивалент полностью совпадают по позиции главноударного слова:

– ЭВ: Did you listen to the news?

– I did.

– ИЭВ: ¿Viste las noticias?

– Sí.

Можно сделать вывод о том, что влияние родного языка дикторов-мексиканцев оказывает значительное влияние на выбор главноударного слова в неродной для них английской речи. Это заметно при реализации предложений с узким информационным фокусом. Чем ниже уровень владения английским языком, тем такое влияние значительнее. Одновременно испанский язык может оказывать положительное влияние на расстановку фразовых акцентов в английской фразе с широким фокусом, чему способствует реализация испаноговорящими дикторами правильной модели и в неродной речи.

Проведенное исследование является первым в серии экспериментов по изучению влияния родного языка на способы реализации различных типов узкого фокуса в английском высказывании, в том числе в эмфатической речи. Дальнейшее изучение данной проблемы позволит определить области межъязыковой интерференции контактирующих языков, провести регистрацию ненормативных смещений интонационного центра в речи испаноговорящих билингвов, выявить типологию ошибок и провести их классификацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая Е. В. Просодия как фактор стилиобразования (экспериментально-фонетическое исследование на материале английской сценической и спонтанной речи): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 418 с.
2. Казанникова Д. П. Некоторые особенности реализации категории «константность – вариативность» в спонтанных монологах: В рамках организующей функции интонации: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 161 с.
3. Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976. 239 с.
4. Мороз Н. Ю. Мелодический компонент просодии в социофонетике (применительно к немецкой спонтанной диалогической речи): (экспериментально-фонетическое исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 27 с.
5. Станчуляк Т. Г. Синтагматический аспект реализации интонационной категории выделенности как основа интонационного моделирования: на материале английской спонтанной речи: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 165 с.
6. Berman A., Szamosi M. Observations on sentential stress // *Language*. 1972. Vol. 48. P. 304–325.
7. Bolinger D. Intonation and its Uses. Stanford: Stanford University Press, 1989. 475 p.
8. Bresnan J. Sentence stress and syntactic transformations // *Language*. 1971. Vol. 47. P. 257–281.
9. Buring D. Focus Suppositions // *Theoretical Linguistics*. 2004. Vol. 30 (1). P. 65–76.
10. Cruttenden A. Intonation. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 214 p.
11. Ladd D. R. The Structure of Intonational Meaning. Bloomington: Indiana University Press, 1980. 239 p.
12. Rasier L., Hiligsmann P. Prosodic transfer from L1 to L2. Theoretical and methodological issues // *Nouveaux cahiers de linguistique française*. 2007. Vol. 28. P. 41–66.
13. Sasse H.-J. Thethetic / categorical distinction revisited // *Linguistics*. 1987. Vol. 25. P. 511–580.

МАРИЯ ОЛЕГОВНА НОВАК

кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русского языка и славянского языкознания Института филологии и искусств, Казанский федеральный университет (Казань, Российская Федерация)
marianovak.kaz@gmail.com

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА АПОСТОЛА И ЕЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ*

В статье предлагается жанрово-стилистическая характеристика древнеславянского перевода Апостола через репрезентацию единиц словообразовательного уровня. Выясняется противопоставленность Деяний и Посланий апостолов и сходство книги Деяний с Евангелием в жанровом аспекте на основании дистрибуции производных имен существительных различных словообразовательных типов.

Ключевые слова: древнеславянский перевод Апостола, жанр, стиль, словообразование, имена существительные

Текст Апостола, входящий в состав новозаветного канона, определил, наряду с Евангелием, содержание кирилло-мефодиевских переводов и тем самым явился одним из наиболее важных заимствованных текстов, давших мощный импульс развитию древнерусского литературного языка. Описание содержательной и стилистической специфики этого ценного источника по исторической лексикологии и стилистике русского языка, будучи актуальной задачей палеорусистики, предполагает в первую очередь работу с лексическим уровнем.

При этом особую роль играет словообразование как деривационная система лексики [11; 21] и, в частности, производные имена существительные. Мы разделяем мнение тех исследователей, которые считают словообразование важным инструментом освоения действительности: «Производное слово... оказывается... маленькой моделью представления знания о мире как сложном процессе его чувственно-мыслительного осознания человеком. А словообразовательный акт в связи с этим предстает как логически оправданный акт словотворчества, позволяющий проникнуть... в сложный процесс постижения и освоения мира природы и человека» [2; 11]. Известно, что морфологическое словообразование обнаружило мощные потенции древнеславянского слова в кирилло-мефодиевских переводах: «Словообразовательные потенции языка оказались... единственным средством преодолеть противоречие между семантически нерасчлененной синкретой и новой многозначностью слова, входившей в славянский текст с переводами» [5; 77].

Исследования показали, что в книжном, а в особенности в литургическом тексте, роль смыслового центра играло именно существительное. Имена «выражают общий смысл высказывания и несомненно являются центром синтагмы. Именно существительное несет в себе и символическое значение всего выражения. Оно синкретично по характеру самого содержания тек-

ста, поэтому все окружающие его слова служат для раскрытия и уточнения его смысла в каждом данном контексте» [4; 43]. Кроме того, весьма важно и то, что наличие определенного круга производных является «одним из наиболее ярких проявлений специфики жанра» [7; 109].

Приступая к характеристике жанрово-стилистической направленности древнеславянского Апостола, мы принимаем во внимание известную условность понятий «жанр» и «стиль» применительно к древнему тексту: «То, что теперь понимается как стиль, в Средние века определялось установкой текста: каждая единица текста получала свой стилистический ранг исходя из смысла последующего уровня: слово – от формулы, формула – от фразы, фраза – от текста...» [4; 155].

Может показаться, что ответ на вопрос о жанрово-стилистической специфике Апостола очевиден в силу первостепенной важности данного текста для церковного канона в целом, что само по себе определяет его стиль как однозначно высокий. Однако при обращении к конкретному текстовому содержанию и его реализации в формах языка становится ясной стилистическая разноплановость, поскольку вскрываются сложные взаимоотношения стилистического и семантического факторов.

С целью выяснения стилистической направленности текста Апостола рассматриваются формы производных имен существительных, образованных в основном суффиксальным способом (мы говорим «в основном», поскольку кроме суффиксации в древнем тексте обнаруживается и конфикация на начальном этапе ее формирования).

В отечественной и зарубежной библеистике подчеркивается тематическая близость различных частей Нового Завета (см.: [3], [8]). С евангельским повествованием Деяния сближает наличие бытового содержательного пласта, описывающего конкретные события жизни перво-

христианских общин, подобно тому как в Евангелии описываются обстоятельства земной жизни Иисуса Христа и Его деяния. С другой стороны, и в Евангелиях, и в тексте Деяний представлен иной, богословско-проповеднический план. Если в Евангелиях это символические притчи и беседы Иисуса Христа с учениками и народом, то в Деяниях это речи-проповеди апостолов (прежде всего Петра и Павла), составляющие приблизительно одну треть всего повествования Деяний. Что касается содержания Посланий, все они являются продолжением евангельского благовестия и содержат как начала сложной богословской экзегезы событий Ветхого Завета и земной жизни Христа, так и эсхатологические предвидения; большое внимание в них уделяется обоснованию тех духовных заповедей, которые должны определять нравственную жизнь нового человека – христианина. Содержание Посланий в целом характеризуется большей отвлеченностью от бытового плана существования по сравнению с текстом Деяний.

Очевидно, что для выяснения стилистической специфики Апостола необходимо в первую очередь сопоставить данные, извлеченные из апостольского и евангельского текста, а затем данные Деяний и Посланий апостолов. Основным источником лексического материала для анализа является галицко-волинский список, Христинопольский Апостол XII века (Львовский исторический музей, № 39, далее *Христ*, приводится по [15], сверено по [6]). Это относительно полный список толкового Апостола, в языке которого присутствуют как черты древней редакции памятника, восходящей к переводам Кирилла и Мефодия, так и следы преславской редактуры [14; 747]. Последнее обстоятельство весьма ценно: словарь *Христ* отражает лексические варианты и возможности словопроизводства, представленные в основных древнейших версиях перевода, заложивших основы для дальнейшего развития церковнославянского текста Апостола.

Наиболее приемлемым для сопоставления с *Христ* представляется текст галицко-волинского Галицкого Четвероевангелия 1144 года (ГИМ, Син. № 404, далее *ГЧЕ*, приводится по [1]) как наиболее близкий *Христ* в хронологическом и языковом отношении: «Каллиграфическое письмо этого кодекса обнаруживает довольно близкое сходство (но не тождество) с почерком писца Христинопольского (Городисского) Апостола толкового сер[едины] (?) XII в. – рукописи также южнорус[ского] (вероятнее всего, галицко-волинского) происхождения» [13; 340–341].

Квантитативный анализ производных имен представляется затруднительным в силу разницы в объеме *Христ* (299 листов, в лист) и *ГЧЕ* (228 листов собственно евангельских чтений, в четвертку) [12; 94–95]. Поэтому ниже основное внимание будет уделено качественному анализу:

мы попытаемся зафиксировать основные тенденции в дистрибуции словообразовательных единиц, определяющие стилистическое «лицо» каждой из частей Апостола.

Принимая в качестве основного ориентира словообразовательное средство, мы пользуемся общепринятой функционально-генетической типологией суффиксальных морфем, согласно которой существуют, с одной стороны, суффиксы нейтральные, оформляющие дериваты в текстах различной содержательно-стилистической направленности, с другой стороны, суффиксы славяно-книжные, являющиеся частотным словообразовательным средством в замкнутом кругу памятников высокого славяно-книжного стиля (см. [10]).

Так, в Апостоле и Евангелии зафиксированы производные имена со славяно-книжными суффиксами *-(е)ние*, *-(т)ие*, *-ьство*, *-ьствие*, *-ость*, *-ота*, *-тель* и с нейтральными *-Ø*, *-(ьн)икъ*, *-(ьн)ица*, *-ьць*, *-(ан)инъ*, *-ина*, *-ище*, *-ло* и т. д. Вместе с тем следует иметь в виду, что в древнеславянской книжности «нейтральность словообразовательного средства снималась маркированностью основы, так что в разных жанрах по преимуществу употребляются разные слова одного типа словопроизводства (ср.: *грешник*, *мученик*, *праведник*, *послушник*, *столпник* и т. п. – в книжных жанрах и *посадник*, *помощник*, *сапожник*, *лодочник* и т. п. – в жанрах, связанных с народно-языковой стихией)» [10; 132]. Поэтому в нашем качественном анализе решающим критерием будет семантика производящей основы, а также контекстуальные семантические реализации производных существительных. При этом мы учитываем еще одно немаловажное обстоятельство: в условиях семантического синкретизма словообразовательные значения древнеславянских производных слов зачастую «невозможно квалифицировать... как словообразовательные значения, т. е. обобщенные, отличающиеся от лексических» [9; 69].

Прежде всего необходимо выявить конкретные лексические совпадения и расхождения в Апостоле и Евангелии, с одной стороны, и внутри самого апостольского текста – с другой (причем очень важно представить обе стороны в их взаимодействии). Обратимся сначала к сопоставлению Апостола и Евангелия и рассмотрим наиболее показательные примеры.

Так, группа имен существительных с суффиксом *-(ьн)икъ* представляет имена с обобщенными значениями лица и предмета. Большинство общих для Апостола и Евангелия слов принадлежат первому типу: *беззаконникъ*, *вѣстьникъ*, *грѣшникъ*, *дѣлѣникъ*, *законникъ*, *иноплемѣникъ*, *кѣнижникъ*, *наследникъ*, *наставникъ*, *неправдѣникъ*, *обыщникъ*, *приставникъ*, *причастникъ*, *разбойникъ*, *сѣвѣгъникъ*, *сѣтьникъ*, *тѣсоуцьникъ*,

оученикъ, хъщъникъ, четвъртовластьникъ. Что касается существительных на *-(ьн)икъ* с предметным значением, некоторые из отмеченных в Евангелии отсутствуют в Апостоле: **почърпальникъ, свѣщъникъ, сѣребръникъ** – так же, как и многие дериваты со значением лица, зафиксированные в Апостоле, отсутствуют в Евангелии. Это образования с отвлеченным значением качественной характеристики лица: **похотъникъ, свободъникъ, трѣзвъникъ, хоульникъ, клеветъникъ, клатвопрѣстоупникъ, лъжесловесъникъ, лъжъникъ, пороъникъ, послоушъникъ, челоуѣкоугодъникъ** и т. д. Следует пояснить, что здесь и далее мы подразумеваем под «отвлеченным значением качественной характеристики лица». Отвлеченность семантики этих и подобных образований в словообразовательном аспекте определяется семантикой производящей основы, так или иначе (в ряде случаев опосредованно) связанной с действием (**похотъникъ** ← **похотѣти**; **хоульникъ** ← **хоульнѣти** и т. п.) либо с качеством (**лъжъникъ** ← **лъжнѣти**; **пороъникъ** ← **пороуѣнѣти**; **трѣзвъникъ** ← **трѣзвънѣти** и т. п.) (см. [9; 69]). В евангельском тексте также встречаются имена со значением лица, но их семантика, как правило, более конкретна: **бѣильникъ, вратъникъ, гостинъникъ, двѣрьникъ, пѣнажъникъ** представляют собой наименования лица по роду занятий, производящая основа которых называет предмет (**врата, двѣрь, пѣназь**). Характеризующая «качественность» коренится в лексическом значении производящей основы, предполагающем оценочный момент, положительный либо отрицательный: **клеветъникъ** (ср. **клевета**), **лъжесловесъникъ** (ср. **лъжа, словеса**), **послоушъникъ** (ср. **послоушнѣти**). Если значение 'лицо по действию' присутствует в силу наличия связей с производящей базой, представляя собой «внутренний» аспект семантики, то значение качественной характеристики лица является «внешним» ее аспектом, будучи обусловлено стилистической и содержательной направленностью текста в целом.

Таким образом, мы можем констатировать лишь частичное пересечение лексемного состава групп существительных с суффиксом *-(ьн)икъ*; расхождения же показывают явное преобладание в тексте Апостола дериватов, представляющих отвлеченные характеристики лица.

Ту же тенденцию можно проследить и в группе образований на *-ьць*. В данной группе имен также присутствуют существительные как со значением лица, так и с предметным значением, при этом также можно зафиксировать лексические несовпадения в Евангелии и Апостоле. Так, в *ГЧЕ* представлены образования **близъньць, ловъць, коупыць, сопыць**, типичные для бытового нарратива и отсутствующие в Апостоле. Напротив, в *Христ* встречаются нехарактерные

для Евангелия производные со значением качественной характеристики лица, лексическое значение их производящей основы зачастую несет значительный коннотативный заряд. При этом обращает на себя внимание большое число *composita*, также отсутствующих в Евангелии: **боговоръць, братолюбъць, законодавъць, идоложрьць, лихонмъць, моужеложъць, страннолюбъць, сѣрдъцевѣдъць, сѣменословъць**.

Весьма показательно небольшое число совпадений существительных со славяно-книжным суффиксом *-тель*. Их всего шесть: **дѣлатель, законооучитель, моучитель, родитель, свѣѣтель, оучитель**. В Евангелии отсутствуют отвлеченные характеристики лица, называющие деятеля «нефизического» плана и встречающиеся в Апостоле (в том числе *composita*): **вседѣржитель, всеоучитель, гонитель, досадитель, идолослужитель, неклатвохранитель, коумирослужитель, любитель, миродѣржитель, отвѣдосадитель, подобитель, рывнитель, роугатель, свѣѣгохранитель** и т. д. С другой стороны, в Апостоле не представлены дериваты с лексической семантикой, имеющей отношение к физическому действию, отмеченные в Евангелии: **жатъль** (← **жати**), **сѣятъль** (← **сѣяти**), **тажатъль** (← **тажати**).

Столь же красноречиво почти полное отсутствие в Евангелии существительных со значением абстрактного признака, оформленных с помощью форманта *-ота*: зафиксированы лишь имена **ненстота, тагота**, тогда как в *Христ* около 20 образований с данным суффиксом: **высота, дългота, красота, лѣбота, нищета, просто-та, срамота, соукѣта, тѣщета, щедрота** и т. д.

Что касается имен существительных с нейтральным суффиксом *-(ьн)ица*, в Апостоле отсутствуют такие дериваты с предметным значением, как **мѣдъница, ножъница, понавѣица, рѣвѣица, срачѣица, скрѣица, вѣзглавѣица, кроуѣица, мѣтъѣица, смокѣвѣица, стѣкланица, оуѣица, оуѣмѣвальница**, отмеченные в Евангелии. В свою очередь, в евангельском тексте не представлены имена со значением лица (как женского, так и мужского рода), зафиксированные в Апостоле, в лексической семантике которых содержится оценочный компонент: **моужеоуѣица, свѣадѣица, трѣзвѣица, чадолѣица**.

Определяющим для нашего анализа должен стать ответ на вопрос: как распределяется лексика, общая для Апостола и Евангелия, в рамках собственно апостольского текста? Как уже было отмечено, в содержании Деяний и Посланий апостолов существуют определенные различия: если основную направленность Посланий можно охарактеризовать как богословско-философскую, то нарратив Деяний, как было отмечено выше, гораздо более конкретен. Наша задача – проследить, как аспект содержания отражается в репрезентации единиц словообразовательного

уровня. Для этого мы продолжим использование метода выявления лексических совпадений и расхождений.

Рассмотрим ряд примеров. Так, только в тексте Деяний встречаются *nomina professionalia* – производные образования со значением ‘характеристика лица по роду занятий’: корабленикъ, кѣзньць, палыиникъ, постѣльникъ, стрѣльць, сѣреброеникъ, сѣтьникъ, тѣрженикъ, тѣсоуцьникъ, четвертовластьникъ, а также имена с предметным значением: трикровникъ (‘трехэтажное строение’), вѣгрьць, плесньць, оуброуцьць. В Посланиях же мы наблюдаем отвлеченные качественные характеристики лица: безаконьникъ, братолюбьць, грѣшьникъ, лихонимьць, лѣжесловесьникъ, лѣстьць, моужеложьць, неправдѣникъ, порожьникъ, похотьникъ, страннолюбьць, человѣкоугодьникъ, единомысльникъ и т. п. Лишь в Деяниях обнаружены образования нулевой суффиксации конкретной лексической семантики: ковѣ, мѣла, погрѣхъ, постѣ, сѣборѣ, троуць, тогда как текст Посланий представляет дериваты, называющие невещественные понятия: блѣудѣ, мѣсль, подова, похоть, разоумѣ, срамѣ, сѣблазнь, тоуга, хоула.

Если мы обратимся к существительным со славяно-книжными морфемами, то увидим ту же семантическую дихотомию «конкретное – отвлеченное», проявляющуюся в первую очередь в лексической семантике производящей базы производных имен и противопоставляющую друг другу тексты Деяний и Посланий, например: неѣдени к ← нѣ ѣсти, озимьни к ← озимь ни, плавани к ← плавати (только в Деяниях), благоволкени к ← благоволити, блажен к ← блажити, вѣзлюблени к ← вѣзлюбити (только в Посланиях). Налицо противопоставление процессов, связанных с бытовой и духовной деятельностью человека.

Все сказанное выше позволяет приблизиться к общему выводу. Качественный анализ морфологических дериватов в тексте Апостола (в сопоставлении с Евангелием) в целом подтверждает существенное стилистическое различие Деяний и Посланий апостолов, которое предполагалось в связи с различием содержательных планов рассматриваемых частей апостольского текста. Разумеется, такой вывод возможен лишь как констатация основной тенденции и как любое обобщение не лишен условности и схематизма. Выше мы констатировали сложное взаимодействие и взаимопроникновение содержательных пластов Деяний и Посланий, поддерживаемое топикией Евангелия. Приведем ряд иллюстраций.

Во-первых, следует убедиться на конкретных примерах в том, что Деяния и Послания действительно противопоставлены друг другу на уровне контекста. Самый общий взгляд на организацию текста Деяний и Посланий апостолов позволяет увидеть закономерность, обусловленную разли-

чиями в содержании: в Посланиях смысловым центром синтагмы и в конечном счете текста в целом является производное существительное, тогда как Деяния ориентированы на глагольные формы как на центр высказывания. Эта особенность, как и дистрибуция единиц словообразовательного уровня, сближает текст Деяний с евангельским повествованием и в целом противопоставляет его тексту Посланий. Сравним повествовательные фрагменты из Деяний и Евангелия с философскими контекстами Посланий, например:

Деян. 20:9–12: сѣдѣ же нѣкѣи оуноша. именьмѣ ѣутѣхъ. оу окънѣца и вѣздѣмѣвѣ сѣ сѣнѣмѣ тажѣкъмѣ глаголю павѣлоу вѣ мнозѣ прѣклонѣ сѣ сѣнѣмѣ сѣпаде ѿ трикровьника низѣ и вѣзѣша и мѣртѣвѣ.

сѣлѣзѣ же павѣлѣ нападе на нѣ и рече. не мѣлавите дѣша во кѣго вѣ немѣ кѣстѣ.

вѣзлѣзѣ же и прѣломѣ хѣлѣзѣ и вѣкоушь. много же повѣсѣдовѣвѣ до зорѣ. такѣ изидѣ привѣдоша же отрока живѣ и оутѣшиша сѣ не малѣ.

Подобную же пронизанность глагольными и причастными формами наблюдаем в Евангелии:

Мф. 8:4: и рече ѣмоу ѣстѣ. вижѣ никому же не повѣжѣ. нѣ шѣдѣ покажи сѣ архѣиереовѣ. ѣ прѣнеси дарѣ иже повѣлѣ монси.

Мф. 22:22: и слышавше дѣвѣша сѣ. и остаѣлше ѣ отидѣоша.

Ио. 17:8: ако гѣ ажѣ далѣ ѣси мѣнѣ дахѣ имѣ. и тѣ прѣашѣ. и разоумѣша вѣ истѣноу ако ѿ тебѣ изѣдохѣ и вѣровѣша ако тѣ мѣ постѣла.

Чтения из Посланий, напротив, предусматривают опору внутри синтагмы на производные существительные. Например:

Флп. 2:1: аще ко кѣ оумолкени о хѣ аще ко кѣ оутѣшени кѣ любѣѣ аще ко кѣ овѣщени кѣ дѣ аще ко кѣ мѣсѣди кѣ и щѣдрѣствѣ.

Кол. 3:12: облѣчѣте сѣ оубѣ <...> вѣ оутрѣбовѣ щѣдрѣтѣ и блѣгѣстѣ и сѣмѣренѣмоудрѣствѣ кѣ и крѣтѣстѣ и тѣрпѣни.

Во-вторых, Деяния апостолов и Евангелие объединяет еще одна особенность: роль производного имени заметно возрастает в строго определенных контекстах. Мы имеем в виду речи – проповеди, обращения к народу либо к власти придерживающим – Иисуса Христа, апостолов и других персонажей новозаветных книг. Например:

Деян. 13:23, 24, 26: сѣ ѿ сѣиенѣ кѣго бѣ по овѣговани вѣздѣвѣ излѣви спѣсени.

проповѣдавѣ шю иѣваноу прѣдѣ лицѣмѣ вѣхѣда ѣго хрѣчени кѣ покаѣнѣмѣ излѣви.

моужѣ и братѣ кѣ...> вамѣ слово спѣсѣнѣмѣ сѣго послѣно бѣ.

Мф. 15:19: ѿ сѣдѣца во исхѣдѣтѣ по мѣшлѣнѣмѣ зѣла оубѣнѣствѣ прѣлюбѣдѣнѣмѣ любѣдѣнѣмѣ тѣтѣбѣ. лѣжѣсѣвѣдѣнѣмѣ. вѣрѣдѣногѣнѣмѣ.

Мф. 24:12: и зѣ оумножѣнѣмѣ безаконѣмѣ исѣкнѣтѣ любѣ мѣногѣхѣ.

Нетрудно заметить, что данные фрагменты текста в плане частотности производных имен существенно отличаются от приведенных выше чисто повествовательных контекстов. Здесь наблюдается прямая зависимость употребления дериватов от прагматической установки высказывания: проповедническое, риторическое начало требует абстрактного смыслового центра, роль которого и выполняют существительные. Это сближает рассматриваемые контексты с отвлеченно-философскими построениями Посланий.

Таким образом, распределение производных существительных в тексте Апостола непосредственно отражает стилистическую ориентацию

различных частей новозаветного канона. При этом на основании лексических «пересечений» тех или иных словообразовательных типов можно констатировать общее сходство Евангелия и книги Деяний в их противопоставленности Посланиям апостолов. С другой стороны, как в Евангелии, так и в Деяниях встречаются текстовые «участки» риторического характера, близкие по стилю к Посланиям. На уровне контекста также была отмечена прямая зависимость частотности употребления производных имен существительных от степени содержательной отвлеченности фрагмента текста, обусловленной риторическим началом.

* Работа выполнена в рамках научного проекта «Лингвотекстологические и корпусные исследования грамматической семантики древнерусского текста», 2.1.3/2987 (аналитическая ведомственная целевая программа «Развитие научного потенциала высшей школы» Федерального агентства по образованию).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амфилохий [Сергиевский - Казанцев], архим. Четвероевангелие Галицкое 1144 г., сличенное с древнеславянскими рукописными Евангелиями XI–XVII вв. и печатными: Острожским 1576 г. и Киевским 1788 г. с греческим евангельским текстом 635 г.: В 3 т. М., 1882–1883.
2. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индик, 2002. 336 с.
3. Гатри Д. Введение в Новый Завет: Пер. с англ. М.: Библия для всех, 2005. 800 с.
4. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 294 с.
5. Колесов В. В. Словообразование как динамический принцип реорганизации текста // Словообразование. Стилистика. Текст. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. С. 69–83.
6. Крестинпольский Апостол [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lhm.lviv.ua/projects.shtml>
7. Марков В. М. Явления суффиксальной синонимии в языке судейников XV–XVI вв. // Марков В. М. Избранные работы по русскому языку. Казань: Изд-во «ДАС», 2001. С. 109–117.
8. Мень А., протоиерей. Библиологический словарь: В 3 т. М.: Фонд имени Александра Меня, 2002.
9. Николаев Г. А. Синкретизм и словообразование в истории славянских языков // Николаев Г. А. Русское и славянское словообразование: Opera selecta. Казань: Казан. ун-т, 2011. С. 65–74.
10. Николаев Г. А. Словообразование и стилистика // Николаев Г. А. Русское и славянское словообразование: Opera selecta. Казань: Казан. ун-т, 2011. С. 123–135.
11. Николаев Г. А. Словообразование как раздел лексикологии // Николаев Г. А. Русское и славянское словообразование: Opera selecta. Казань: Казан. ун-т, 2011. С. 19–25.
12. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М.: Наука, 1984. 405 с.
13. Турилов А. А. Галицкое Евангелие // Православная Энциклопедия. Т. 10. С. 340–341 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/161545.html>.
14. Христова-Шомова И. Служебният Апостол в славянската ръкописна традиция. Т. I. Изследване на библейския текст. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2004. 831 с.
15. Kałużniacki Aem. Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII scripti / Ed. Aem. Kałużniacki. Vindobonae: Apud Caroli Geroldi filium, 1896. 376 p.

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ВАРЛАМОВ

главный редактор журнала «Литературная учеба», доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы XX–XXI веков филологического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)
glavred@lych.ru

СТОИЛО ЛИ РАСПУГИВАТЬ ПТИЦ, ИЛИ ПРИШВИН В КАРЕЛИИ?

В статье рассматривается «северный опыт» Михаила Пришвина, отраженный в его биографии, дневнике и художественной прозе. Прослеживается эволюция пришвинского пути в контексте трагических событий русской истории первой половины XX века.

Ключевые слова: Пришвин, Карелия, Соловки, православие, Беломорканал, ГУЛАГ, В. Распутин

Свою первую значительную художественную книгу очерков Выгорецкого края «В краю непуганых птиц» М. М. Пришвин написал в 1906 году. «Я выбрал себе медленный, какой-то тележный этнографический путь к литературе, смешной для блестящего таланта», – вспоминал позднее писатель. Он объездит почти всю страну и напишет о Дальнем Востоке, Средней Азии, Кавказе, Крыме, Русской равнине так, словно в этих краях много лет прожил – но сердце его навсегда будет отдано Русскому Северу.

О своей первой книге Пришвин писал: «Объявив войну чужой мысли в себе, я попробовал писать повести, но они мне не дались... мешали рассуждения. <...> Пропутешествовать куда-нибудь и просто описать виденное – вот как я решил эту задачу – отделаться от “мысли”. Поездка (всего на 1 месяц!) в Олонецкую губернию блестящим образом разрешила мою задачу: я написал просто виденное, и вышла книга “В краю непуганых птиц”, за которую меня настоящие ученые произвели в этнографы, не представляя себе всю глубину моего невежества в этой науке. Только один этнограф Олонецкого края Воронов, когда я читал свою книгу в Географическом обществе, сказал мне: “Я вам завидую, я всю жизнь изучал родной мне Олонецкий край и не мог написать и не могу.”

– Почему? – спросил я.

Он сказал:

– Вы сердцем постигаете и пишете, а я не могу”» [11; 157].

Пришвин близко к сердцу принял увиденное на Севере и наложил на это искреннее и глубокое впечатление ту образность, которая существовала в его растревоженной поэтической душе. «В краю непуганых птиц» – это бесхитростный, немного сентиментальный (Р. В. Иванов-Разумник, напротив, уверял, что повесть написана с «намеренной плохо удающейся суховатостью» [2; 29]) в духе Руссо очерк северной жизни России начала минувшего века. Путь повествователя прошел по тем местам, где во

времена раскола возникло крупное старообрядческое поселение Выгореция, в середине девятнадцатого века разогнанное Николаем Первым. Но было в этой книге что-то, выбор материала, язык, интонация, бережная позиция рассказчика, сумевшего найти такое положение, чтобы не отстраниться вовсе и не заслонить собою описанный материал, – было что-то, приближавшее эту книгу к высокой литературе. Очерки Выговского края – если не считать маленькой главки «На Угоре», написанной вместо предисловия, – начинаются, как это ни странно, с Берлина, где после рабочего дня и по выходным отводят душу на маленьких клочках земли бедные жители большого города. Именно от такой дачной жизни, неважно, берлинской или петербургской, спасается, бежит повествователь, и этот зачин имеет и символическое значение, ибо знаменует собой противопоставление мира города и природы, культуры и первозданности, на утверждении и преодолении которого вырастет вся пришвинская философия жизни.

На пароходе через Ладожское и Онежское озера он добирается до Петрозаводска («мне почему-то казалось, что чистенький городок не живет, а тихо дремлет»²), а оттуда до Повенца («Повенец – всему миру конец»), по пути описывая публику – священника, старичка-полковника, женщину с маленькой девочкой на руках. Пока что это еще очень похоже на С. В. Максимова, может быть, немножко живее и одновременно неувереннее, однако те сорок семь лет, что отделяют «Год на Севере» от пришвинских очерков, не проходят бесследно. Вот сельский батюшка посмеивается над настоятелем Климентского монастыря, у которого тридцать шесть коров и двадцать монахов, вот появляется мальчик, которого родители за чудесное выздоровление по обету посылают в Соловецкий монастырь, юноша отправляется с большим религиозным подъемом и... остывает к вере. Традиционные формы русской жизни приходили в упадок, не было прежнего благоговения, и пытливые интеллигентные умы себе на

беду искали новые формы, сосредотачивались на недостатках, темных сторонах национальной жизни и не ценили ее устойчивых светлых сторон. В отказе от православия и поиске новой религии и состояла интрига дореволюционной жизни писателя, и одно лишь его признание, что «пониманию религии русского народа» он учился у Мережковского и Гиппиус [9; 30], много чего стоит и объясняет. Сильнее всего эта тяга к декадентству сказалась в третьей из пришвинских книг «У стен града невидимого», целиком посвященной поискам иной, лучшей веры, желанию постичь сектантскую Русь, собирающуюся возле ушедшего под воду светлого града Китежа. А пока путь его лежал на полночь. Из Повенца, где для всех мир заканчивался, а для Пришвина только начинался, писатель отправился к Масельскому хребту, через который проходит водораздел между Балтийским и Белым морями. Так же часто, как Пришвину на его пути озера, читателю встречаются в тексте географические описания, очень точные, емкие, не даром через несколько лет после опубликования книги Пришвин будет принят в Географическое общество, а советский географ, младший современник писателя, профессор Ю. Саушкин признается, что он и его коллеги называли Пришвина «писателем-географом» – «главным образом потому, что он необычайно тонко и верно понимает, чувствует и изображает географию нашей страны» [6; Т. 2; 789]. И действительно, пришвинские читатели – не гуманитарии, не филологи, не эстеты, а весьма далекие от экскурсов в сектоведение и размышлений о русской интеллигенции Серебряного века люди, ценившие в Пришвине глубочайшее знание и чувство природы, и именно к ним он вернется через много лет своих литературных походов в стане засмысленных интеллигентов и на них сделает свою писательскую ставку («Сколько под моим влиянием выросло в нашей стране отличных молодых людей: капитанов, исследователей, путешественников, геологов, охотников» [6; Т. 5; 379]). Он внимателен к подробностям пейзажа, местным словечкам, которые выделяет курсивом и объясняет, к названиям ветров и с удовольствием их перечисляет. Автор чувствует себя очень свободным в этом повествовании и ничего не стесняется – книга как бы пишет сама себя – верный признак всякого истинно талантливого произведения. Пришвин только кое-где подправляет ее течение, в ней совершенно нет сделанности, вымученности, искусственности и уж тем более журнализма – при очевидной заданности темы Пришвин выступает как художник. Когда ему требуется, он вставляет в текст довольно длинные цитаты современных ученых, приводит народные стихи, описывает свадебные и похоронные обряды, много времени уделяет рыболовецкому промыслу, вешнему, осеннему и зимнему, бурлачеству,

рубке леса и лесосплаву, листоброснице (неведомой жителям средней полосы поро, напоминающей сенокос, с той лишь разницей, что женщины собирают березовые листья и зимой кормят ими коров), пахоте, упоминает вскользь строительство Онежско-Беломорского канала – все это зерна будущих пришвинских книг... Он удивляется тому, как сосуществуют в крестьянском быту языческие и христианские обычаи, и христианские кажутся ему вынужденной уступкой, а настоящие властители этого края – колдуны, к которым его влечет куда больше, чем к православным монахам. Они управляют миром, назначают, кому жить, кому умирать, кому сколько поймать рыбы и убить зверя, они принимают разный облик. Вот колдун поймал водяного и за то, что не бросил озерного царя в печку, потребовал для себя столько рыбы, что разбогател. А в «Охоте за счастьем» Пришвин припоминает, как вступил с одним из колдунов в состязание, кто кого перепьет, и когда противник упал без чувств, вытащил у него заговор, переписал и рухнул рядом. Он был внимателен не только к природе – в «Краю» немало ярких образов людей, и один из самых пронзительных – вопленица Степанида Максимовна, профессиональная плакальщица; еще один замечательный образ – старик Иван Тимофеевич Рябинин, сын знаменитого Рябинина, у которого записывал былины Гильфердинг.

Книга была замечена и имела успех (в том числе и денежный, Пришвин получил шестьсот рублей золотыми), и эта первая литературная победа значила для вчерашнего неудачника необыкновенно много. Но успех надо было закреплять, двигаться вперед и постоянно зарабатывать на жизнь, содержать семью; начинающий литератор находился в положении крайне неопределенном, но действовал осмотрительно и умело, вырабатывая определенную писательскую стратегию.

Уже в следующей своей книге «За волшебным колобком» (для писателя вторая книга зачастую важнее первой именно потому, что она подчеркивает, доказывает неслучайность его занятия литературным трудом) автор поторопился развить успех первой книги. Перед нами теперь не просто впечатление путешествующего по Северу горожанина, петербуржца, но обращение к своему детству, к той поро, когда елецкий гимназист убежал в Азию. Это и возвращение блудного сына к природе, и достижение ребяческой мечты, и соединение того разрыва, который с ним приключился в отроческие годы и мучил всю жизнь. Вот почему художник должен быть простодушен, как дитя, вот что вызревало в Пришвине долгие годы отрочества и затянувшейся молодости, медленно в нем перегорало – реальность сочеталась со сказкой и завязывались все узлы. Но при этом Пришвин очевидно

торопился включить себя в литературную ситуацию XX века, так чтобы написанное оказывалось поводом для повествования об ищущей личности, о хождении интеллигента в народ, и не случайно к главе, посвященной Соловецкому монастырю, дается эпитафия из К. Бальмонта: «Будем как солнце! Забудем о том, кто нас ведет по пути золотому». И все же, если сравнить изображение северной обители в двух пришвинских книгах, можно увидеть огромную разницу. В первой Соловецкий монастырь – прародина Выговской пустыни, их связь для писателя несомненна и органична, как органична связь между старообрядческой культурой и жизнью людей в птичьем краю. Во второй описание монастыря превращается в карикатуру. Северная природа как бы «не доразвилась до состояния греха» – замечательно сказано, но дальше читаем о самой обители: «Это гроб, и все эти озера, зеленые ели, весь этот дивный пейзаж – не что иное, как серебряные ручки к черной, мрачной гробнице». Белокаменный Соловецкий монастырь менее всего похож на гроб, скорее уж – на пушкинский сказочный остров из «Сказки о царе Салтане», вдруг выросший среди морских волн, но, кажется, здесь на впечатление путешественника давит груз книжной культуры, чужой мысли, которой он успел набраться за несколько петербургских лет и от которой впоследствии пытался освободиться. И прежде всего – мысли розановской с его яростным неприятием монашества. Именно вслед за Розановым путешествующий Пришвин говорил в повести о «двух богах» – светлом и темном: «Черный» Бог-Отец – это «какой-то особенный, мрачный бог», «беспощадный, жестокий», он «лежит темным бременем» и изображен на старинных черных иконах, молиться ему заставляли автора в детстве, его образ появляется на первых страницах книги и ассоциируется с соловецкими богомольцами, которым писатель противопоставляет себя и свой путь за волшебным колобком: «Эти смиренные люди совсем и не могут поднять своей головы и посмотреть на него, они не видят ни света, ни солнца, ни зеленой травы и лесов, а только в страхе стелются по своей родной земле...» «Если я пойду за ними, думаю, налево, то приду не на Север за Полярный круг, а в родную деревеньку в черноземной России, я приду в ее самую глубину и вперед знаю, чем это кончится. Я увижу черную икону с красным огоньком, на которую молятся наши крестьяне. На этой таинственной и страшной иконе нет лика. Кажется, стоит показаться на ней хоть каким-нибудь очертаниям, как исчезнет обаяние, исчезнет вся притягательная сила. Но лик не показывается, и все идут туда, покорные, к этому черному сердцу России. Почему это кажется мне, что на этой иконе написан не Бог-Сын, милосердный и всепрощающий, но Бог-Отец, беспощадно посылающий грешников

в адский огонь? Может быть, потому так, что кроткий огонек лампы на черной безликой иконе всегда отражается красным, беспокойным, зловещим пламенем?»

Черноземная деревенька не случайна, это – Хрущево, елецкая родина, от которой он вторично убежал, и именно она связана с черными досками.

И есть другой бог, радостный, солнечный, знакомый автору-охотнику, который «сам приходит и веселит» и которого не нужно называть (черного назвать страшно). Это «зеленый, сияющий Бог», «Бог счастья, надежды, жизни», Бог, зовущий к творчеству, связанный с миром природы. Эти два образа протянутся через долгие годы его творческого пути.

Конечно же, декадентскими или розановскими (Розанов все же не декадент, но Пришвин валил всех литературных кумиров в одну кучу) поисками содержание первых пришвинских книг не исчерпывается, и в «Колобке» немало замечательных страниц – чего стоит, например, описание лопарей, невольно заставляющее вспомнить творчество Платонова, и то родственное внимание, которое провозглашал Пришвин основой своего творчества. Но Пришвин не стал Максимовым или постМаксимовым, он не сделался ни этнографом, ни бытописателем, в творческих поисках его влек явно другой интерес, и волшебный колобок его катился совсем в иную сторону...

Прошло много лет, и в 1933 году, когда Пришвину исполнилось 60 лет, он снова отправился в те края, где путешествовал четверть века назад, но где теперь жизнь так переменилась: в краю, по которому проходили его ранние дороги, заканчивали строить «дорогу осудареву» – Беломорско-Балтийский канал имени И. В. Сталина. Попасть в эти места теперь по доброй воле было делом невозможным, вопрос о поездке могли решить только в ОГПУ, и каким образом Пришвин связался с этой организацией и почему его поездка происходила по индивидуальному плану, а не вместе со всем писательским коллективом, была ли на то его воля или так сложились обстоятельства, остается только гадать. Некоторый свет проливает статья из стенгазеты «Совписа», где Пришвин объяснил идею своего путешествия следующим образом: «Вместе с возвращением к лит. творчеству нового времени я задумал пересмотреть все написанное мной, начиная с очерков севера, и начать издание своих сочинений в свете самокритики. С этим предложением я обратился в Оргкомитет (скорее всего по подготовке Первого Всесоюзного съезда писателей. – А. В.) и просил оказать мне содействие в поездке на Белом. канал, в Хибин, Новострой и т. д. Повторные мои заявления оставались без ответа до тех пор, пока решающее место в Оргкоме не занял т. Фадеев. Тогда Оргкомитет обратился к ГИХЛу (Государственное издательство

художественной литературы. — А. В.) и в ОГПУ, к первому с предложением издать мои северные книги, ко второму — оказать помощь в поездке на места. После поездки на север я принял участие в создании коллективного труда писателей о Беломорском канале, переработал и сдал в печать свою первую книгу «В краю непуганых птиц», через короткое время я сдал другую книгу о севере — «Колобок»» [1; 308–309].

Из этой поездки Пришвин привез два очерка, одному из которых дал название «Отцы и дети (Онего-Беломорский край)», а другому — «Соловки». Оба текста издавались мало (в «Красной нови» и в первом томе собрания сочинений 1935–1939 годов, где автор включил «Отцов и детей» в текст «В краю непуганых птиц», а второй прибавил к «Колобку»), но новые произведения не были включены в известный сборник «Канал имени Сталина», изданный в Москве в 1934 году, для которого писались. Пришвин был уязвлен, но записал в Дневнике: «Шумяцкий поздравлял меня с тем, что я там отсутствую: вышла столь ничтожная вещь!» [8; 65]. Ни в шеститомное 1956–1957 годов, ни в восьмитомное 1982–1986 годов издание собрания сочинений Пришвина, ни в многочисленные книги избранных произведений писателя 1950–80-х годов эти очерки не входили и на сегодняшний день стали едва ли не раритетом.

Пришвин писал новые очерки, имея в виду собственную теоретическую установку освоения материала и «с тревогой, что не осилишь прошлого, не найдешь в себе достаточно уважительного внимания к новому, чтобы выбрать и понять в прошлом живые творческие силы, это же новое и создавшие» [5; Т. 1; 27]. Таким образом, писатель намеревался связать две эпохи, причем связующим звеном выступала не столько преображенная человеческим трудом земля и ее преобразователи (или жертвы этого преобразования), сколько личность писателя, и поэтому в терминах строительства гидросооружений он описывал снова свой путь и вспоминал первую книгу, некогда здесь задуманную: «Первая моя книга была первым шлюзом моего литературного канала, ведущего на новую родину» [5; Т. 1; 28]. Самая болезненная тема описанного им строительства — использование рабского труда — получила на страницах новых «Края» и «Колобка» такое освещение, что, читая сегодня иные из пришевских строк, диву даешься, как могли их опубликовать и ничего ему за это не сделать? Судите сами. Вот едет писатель в поездке и ведет (излюбленный его очерковый прием) разговор с попутчиками: «С большим сочувствием я обратился к своему соседу, грустному железнодорожному старику:

— Этот край — ваша родина, или, может быть, вы здесь нашли себе родину?

— Мне дали катушку, — ответил старик.

Я не понял. Он сказал по-другому:

— Червонец.

Другой пассажир помолчал, спросил:

— Вы получили катушку через вышку?

Это значило: десять лет взамен высшей меры.

— Нет, — сказал железнодорожный старик, — я получил просто катушку, и мне ее учли за три года моей работы. После того я уже семь лет добровольно работаю.

Что было на это сказать, ведь я только что думал о своей первой утерянной родине и потому постарался утешить старика:

— К лучшему, может быть, потеряли, — сказал я.

— Да, — ответил старик с улыбкой, — в этом роде думают тоже и заключенные урки» [5; Т. 1; 28].

И все... ни комментариев, ни оговорки, ни объяснений — за что дали старику срок, почему так, а не иначе думают урки о потерянной родине, почему он не едет домой, где его семья, — здесь нет всей той тягучей, приторной дидактики, ни обязательного рассказа о прошлой жизни, ни пафоса перевоспитания, которыми наполнен сборник «Канал имени Сталина». Пришвин остался верен себе, написав лишь о том, что видел. «В этом и есть секрет моей долговечности в литературе: я пишу только о том, что сам лично пережил» [10; 159].

Или другой эпизод. По дороге на Соловки, в Кеми, автор описывает хор мальчиков, составленный из соловецких уроков, — как будто благое начинание советской власти — но рядом с картиной поющих «Интернационал» мальчиков портрет дирижера: «Старый музыкант, с лицом фавна, такой худой, что рыбы ребра его обозначились даже из-под рубашки». В этих небольших по объему очерках «бесчеловечный» Пришвин возвращался к теме людского всеобщего страдания не раз.

В Дневнике Пришвин скупое написал об обстоятельствах своего путешествия и о том, как оно осуществлялось. Но из очерков можно понять: Пришвина, что называется, непринужденно вели. Когда по дороге на архипелаг писатель попытался пообщаться с командой буксира «Ударник», состоявшей из заключенных, он потерпел горчайшее фиаско. «На вопросы они отвечали дельно и коротко, оставляя внутри себя свою личную жизнь. В виде опыта я заводил речь об их личной жизни, как живется, как что нравится или не нравится; и все они отвечали мне как воспитаннейшие англичане: кажется, очень искренне и с большой готовностью, но в то же время наставляя тебе обеими ладонями в растопырку длинный нос» [4; 37]. Что-то он видел сам, что-то рассказал ему его Вергилий — начальник культурно-воспитательной части по фамилии Гернеш, хотя отношения между писателем и комиссаром не сложились, и Пришвин чувствовал в обращении маленького лагерного начальника с дотошным посетителем то же, что и с вышкой

ленной командой «Ударника» – свою ненужность в этом мире и наставленный нос: «Он очень почитал меня, как известного писателя, тридцать лет тому назад написавшего “Колобок”, книгу о севере, и везде говорил о моем волшебном проводнике, превращающем всякую действительность в сказку, но он глубоко презирал во мне, ныне существующем, живого человека, способного еще что-нибудь написать, и не видел колобка, ведущего меня в этом путешествии» [4; 37].

Пришвин изо всех сил пытался остаться верным себе и сохранить преимущество творческого пути – не случайно по форме соловецкий очерк, как и посвященная Соловецкому монастырю глава из «Колобка», построены в форме письма к другу. «Дорогой друг! Не хотел бы я быть заключенным, и вовсе не потому, что боялся бы утратить личную свободу, – нет! Я не хотел бы заключение только потому, что едва бы мог найти в себе такую силу, чтобы справиться с чувством личной обиды, мешающей, независимо от себя, уязвленного, следить за движением истории. Я тоже не хотел бы остаться равнодушным и быть только свидетелем. А вот бы мне очень хотелось принять к сердцу соловецкое дело и творчески продолжить его и просветить ясным сознанием...» [4; 43]. Как и упомянутый в первом «Крае непуганых птиц» Надвоицкий водопад (так сильно изменившийся после строительства Беломорканала: «Узнавал долго, вдруг увидел: черные неподвижные камни, как беззубая почерневшая челюсть... а тогда было, как белые зубы. И так за 30 лет народ русский: то русло почернело... а вода бежит по иному пути» [8; 63]), Соловецкий монастырь для Пришвина – место символичное, своеобразная веха, и он постоянно оглядывался назад, обращался к прошлому – не монастыря, но своей встречи с ним: «Тогда еще Соловки были мне как прошлое моего родного народа, как милая древность с неприятным для меня запахом ладана и постного масла. Тогда в письмах своих к вам я добродушно посмеивался над тем, что для некоторых тогда еще было святыней. Но теперь это прошлое совершенно прошло, и встреча с ним тяжела: тебе хочется трудную жизнь свою кончить песней о здравии, а родные древности требуют, чтобы ты служил им заупокойную» [4; 43].

Служить панихиду следовало бы не только по реликвиям. Пришвин видел и безмерное страдание живых. «Север: гонимые матери с младенцами, и все, что мы видели на Соловках, и статуя на канале, и трупы в лесах» [10; 157], – записал он в Дневнике. Сказать о главных узниках острова и строителях лагеря – крестьянах, священниках, монахах, дворянах, офицерах – он не мог, но странным образом перекликаясь на сей раз уже с третьей своей книгой о русских сектантах («У стен града невидимого») при нынешнем далеком от идеализации отношении к бегунам, которые

пополняли число арестованных и жестоко страдали, ибо за отказ выходить на работу почти не получали еды, Пришвин сумел сказать об их трагедии, и щемящие детали реальной лагерной жизни невольно пробивались сквозь ткань волшебного повествования. «И так вышло против всякого желания начальства, что несколько десятков таких людей долго сидели, отказываясь от работы, и не называли своих имен. Они пересидели все сроки, и их охотно бы выпустили, но в том-то и дело, что странникам невозможно было по своим убеждениям открыть свои имена, а начальству невозможно было отпустить на волю безымянных людей» [4; 40]. Об этом он смог написать. О том, что не поверил ни в какую перековку («Можно восхищаться деятельностью нашего правительства в отношении воров, но только нельзя понимать “перековку” в глубоко моральном смысле и реветь, как Горький» [8; 64]); что Беломорканал строили в основном крестьяне, а вся слава отдана уголовникам – нет.

От Соловков у Пришвина осталось такое впечатление: «Я почувствовал Соловки в двух планах: одни Соловки – чисто человеческие – ушли отсюда на Беломорский канал, другие коренятся в местной природе, уйти с места не могут и обещают в будущем что-то новое и нам неизвестное» [4; 40]. Последнее и есть главная идея двух очерков. Пройдут годы, десятилетия, может быть, столетия, забудутся лагерь и страдания тех, кто строил канал, – жизнь на Земле будет радостна и счастлива, «мы увидим небо в алмазах» – вот это имея в виду, и надо писать. Бегство в будущее, в те времена, когда Соловки станут санаторием, – вот была сверхзадача Пришвина, получившая в новых очерках окончательное подтверждение; автор чрезвычайно увлеченно об этом размышляет, рассуждает о возможностях северного края, его климате, природе, пейзажах, может быть, ради этого все и было написано, и этой высшей, «набоковской», целью пытался оправдать свою поездку, но, верно, мы не дожили еще до этих счастливых и безмятежных будущих времен, и пока что первый план для потомков остается важнее, и долго еще читатели будут спрашивать: а что написал он про увиденное в аду? Пришвину было что ответить: внутренняя драматургия его очерков именно на контрасте времен и построена. От прошлого здесь – его собственная литературная история, от будущего – утопия, а от настоящего:

От суммы и тюрьмы
Не отказываясь!
Приходящий, не тужи!
Уходящий, не радуйся!

Приведя эти стихи из нового северного фольклора, словно подступая к будущему «Архипелагу ГУЛАГу» как соборной книге народного страдания, он сопровождал похожую на былинную надпись на камне эпитафию размышлением:

«Многим в вагоне эти стихи оказались не только хорошо знакомыми, но и внутренне очень понятными. Я тоже одобрил это умное чисто восточное приспособление к жестокости жизни и превратностям судьбы. Но потом мысленно сопоставил этот старый тюремный стиль с новой социалистической этикой: “Труд – дело чести, дело славы, дело доблести и геройства”» [5; Т. 1; 29]. И опять – никакого комментария. Даже к автору известного афоризма, украшавшего советские лагеря, странно фамильярное, почти что пренебрежительное отношение: «В шлюзе напротив огромного Сталина притаился удильщик рыбы и, бездельник, в эти новые, строгие государственные воды осмелился спустить свой крючок» [5; Т. 1; 34]. Нахальный удильщик – это сам Пришвин, что подтверждает в тексте разговор с настороженными чекистами. И все же, как бы тонко ни вел писатель свою игру с лагерными начальниками, как бы ни подтрунивал над рыдающим Горьким (одна из главок произведения представляет собой письмо именно к нему), – словом, как веревочка ни вейся, – быть может, это и понимал проницательный формалист В. Б. Шкловский, отказываясь включать Пришвина в сборник, – момент истины настал и для повествователя, когда его поставили на трибуну на митинге строителей: «Мне, жестокому противнику красных ораторских слов, выпала тяжелая доля самому говорить. Но вышло ничего. Я... советовал от своего участка переходить к пониманию всех частей при создании целого и мало-помалу становиться на почву творчества, где нет больших и малых, а всякий на своем месте велик». То, что говорил строителям канала Пришвин или его лирический герой, отражало важные, сокровенные идеи писателя, которые он много лет вынашивал и пытался с их помощью утешить, осмыслить жизнь своих слушателей и стремился выразить свое отношение к самому насущному для себя в этом путешествии с гулаговским мандатом вопросу – «стоило ли распугивать птиц?» («Я не протестую против “завоевания” сил природы, но я хочу, чтобы в завоеванной силе каждый мог бы найти то же самое, что в природе находит человек личный и называет это своей родиной... Родина – это участие моего личного труда в общем деле...» [8; 64]), но слушали-то его измученные, озлобленные люди, разлученные с женами и детьми, потерявшие все, кроме жизни. Сцена эта и вообще очень символична, а в частности в ней отразилась роль Пришвина в советской литературе 1930–40-х годов. Одно дело дурачить писательский пленум, другое – смотреть в лицо советским зэкам. Не зря же вышло, что к главной точке своего путешествия – Надвоицам, где он когда-то ощутил в себе рождение художника, – Пришвин подплыл на корабле под названием «Чекист»: «Мы подплывали теперь на “Чекисте” к центральной

точке, где скрылась линия личной моей жизни, моей свободы с линией необходимости, по которой должна была пойти вся наша русская жизнь». Для него лично она имела свое значение: «Как, правда, тяжело бывало писать в то далекое время: на счастье, не зная, удастся ли вещь; и как страшно было оставаться в пустоте, когда одно уже написано и уже деньги проедены и под новое авансы взяты, и ежедневно из них уходит рубль за рублем, а в голове пусто. <...> Теперь, через тридцать лет профессиональной работы, я управляю своим дарованием, пишу, о чем мне захочется, и так много есть о чем написать, что забота и страх об одном: не ровен час, жизнь оборвется, и не успеешь сказать самого главного» [5; Т. 1; 56]. Последнее звучит для тридцать третьего года очень печально, да и вообще главное, что выразил Пришвин и что прочитывалось не между строк, а в самих этих строках: канал не школа радости, не перековка человека, но полная горя и страдания жестокая жизнь.

Своей новой работой Пришвин доволен не был. «Поездка на Север... по существу, как Дальний Восток, не дала ничего» [8; 65]. Три года спустя, в 1937-м, он оценил путешествие иначе: «Вот мое достижение в эту поездку: я представил себе, что я сам на канал попал, хотя бы в культурно-просветительской части работал» [8; 67]. Однако тогда, по горячим следам, не в стенгазету, но в Дневник 1933 года записал о том, что «хорошо бы на работе своей о канале написать: “Добрый папаша, к чему в обаянии...”» [8; 65]. Однако прямо не написал. Сам себя спрашивая почему, Пришвин находил такой ответ: «И я бы написал, но мне это нельзя теперь, и я пишу так, что Ванюшка остается в обаянии. И так надо, так хорошо, что я не могу: Ванюшка должен расти в “обаянии”, правда извне перебивает мою личную правду, превращая ее в балласт: я сбрасываю этот балласт и через это действительно делаюсь “сам” и выше лечу... (приспособление)?» [8; 65]. А дальше следовали строки из второй части «Фауста»:

Ночью в жертву человеки
Приносились, стон стоял,
Мчались огненные реки,
Утром был готов канал.

А потом прошло еще 12 лет, и летом 1945 года Пришвин написал в Дневнике: «Моя идея всего советского времени – это преодоление всего личного в оценке современности. Душу воротит от жизни, но не оттого ли воротит ее, что жизнь не такая, как тебе лично хочется?» [8; 73] – и запись эта имела прямое отношение и к роману «Осударева дорога», работу над которым он продолжил сразу после «Кладовой солнца», а если быть более точным, то после неудачи с «Повестью нашего времени»: «Может быть, в этот раз, наконец, возьмусь и осилю? Тема о едином человеке: всем хочется жить по-своему, а надо, как надо:

всех сколотить в одного» [7; Т. 8; 453]. Таким образом, случайно написанная сказка-быль оказалась лишь временным явлением, отдохновением на трудном пути писателя к созданию романа, и снова топил, уводил его под воду безумный, помрачающий ум и душу замысел. Снова бился он в тисках между индивидуальным и общественным («Несколько лет я в раздумье жил между “надо” и “хочется”, и в последнее время долго жил в оправдание “надо”. В этом направлении я и “Царя” писал: показать “необходимость” природы» [7; Т. 8; 501]; «“Хочется” и “надо” (свобода воли и долг, личность и общество) – это предмет размышления всей философии, и эта “тема” забивала каменным обломком мой поэтический путь» [7; Т. 8; 543]), но теперь, обогащенная за годы войны религиозным содержанием, мысль искала еще более философского, библейского видения «пушкинской» проблемы, щедро мешая христианство с коммунизмом: «Бог Иова есть тот же Медный всадник, а Иов – Евгений. “Да умирится же с тобой” возможно лишь в признании Евгением за действия Петра высшей силы, в чувстве страха Божия» [8; 73], – размышлял Пришвин, по мере работы над «Осударевой дорогой» все более убеждаясь в высшей, едва ли не божественной правоте содеянного большевиками дела и беря на себя роль защищать не столько их противников или пострадавших от них людей, сколько их самих и находить оправдание большевику как историческому и метаисторическому явлению. Это была для него, во все времена остававшегося очень искренним человеком, невероятно сложная задача. «Русский народ победил Гитлера, сделал большевиков своим оружием в борьбе, и так большевики стали народом» [12; 111].

Теперь, в свете победы, Пришвин был склонен рассматривать русскую революцию, о которой оставил столько горьких строк в период ее свершения, «как заслуженное, жестокое, необходимое возмездие и вместе с тем суровую школу для грядущего возрождения России» [3; 182]. Последние слова записаны в редакции Валерии Дмитриевны Пришвиной, которая, защищая мужа, объясняла позицию Михаила Михайловича тем, что больше всего писатель боялся быть «односторонним», «партийным» и всегда стремился «найти некую надысторическую объективность, такую высоту, с которой можно было бы охватить весь кругозор, весь процесс совершающегося единым взглядом и оттуда уловить его смысл» [3; 182]. Самое горькое противоречие эпохи, каким виделось оно Пришвину в его романе («Начальная мысль была именно в оправдании насилия» [3; 185–186]), решалось Пришвиным, по мнению его жены, в «идее, до сих пор не понятой и не принятой миром: это глубочайшая тайна христианства о силе любви к врагу, – идея всепрощения – единственная, еще

не реализованная в печальной истории человечества. <...> Мировая нравственная мысль еще не возвысилась до ее понимания. В ее свете живут только отдельные личности, возвышающиеся как звезды над общим полем людей, это святые люди, преодолевшие свой индивидуализм, свою самость, свое маленькое “я”» [3; 185].

Если считать создателя «Осударевой дороги», который себя «не отличал от каналаармейца и все время как заключенный чувствовал себя, но вел себя как свободный, изо дня в день приближаясь к сознанию необходимости принуждения всего русского человека во всей совокупности...» [3; 187], страдавшего за ту «необходимую ложь, которая выходила из-под руки Сталина и Ленина» [3; 190], отдельной святой личностью, может быть, и так... Но только в те давно прошедшие уже времена оказалось, что своим романом Пришвин – редкий случай – не угодил никому – ни врагам, ни друзьям своим. «Осударева дорога» при жизни автора напечатана не была и не была понята немногочисленными читателями в рукописи. Пришвин, правда, этого и сам сильно опасался еще до того, как отдал свое детище в чужие руки: «Раньше боялся удара с одной стороны, и теперь боюсь страшного, и с другой, неофициальной, с народной, где я признан настоящим... Тревожит только таящаяся в недрах народной души оценка, от которой никуда не уйдешь, если сфальшивил» [8; 78].

Удары посыпались со всех сторон. Еще когда в начале 1947 года писателю предложили выступить с чтением новой вещи в Литературном музее, он «чувствовал, что все они опасаются, не примажусь ли я к большевикам» [8; 74]. Еще определеннее было тогдашнее суждение о романе Валерии Дмитриевны, которая, как известно, хлебнула из гулаговского чана: «Ляля вчера высказала мысль, что роман мой затянулся на столько лет и поглотил меня, потому что была порочность в его замысле: порочность чувства примирения» [8; 77]. Пришвин не себя виноватым считал, а жизнь, которая «не дает свободы писателю: жизнь не вызрела для ее изображения...» [8; 79]. И все же сделал одну вещь очень важную, хотя и сам понимал всю ее невозможность в смысле публикации – изменил эпиграф и тем самым отчасти сдвинул коммунистическую концепцию романа: «Аще сниду во ад, и Ты тамо еси» («Этот эпиграф не будет опубликован, но пусть будет как веха в душе» [8; 77]). Однако властям и без этого, отсутствовавшего и подразумеваемого эпиграфа, взятого писателем из 138-го псалма царя Давида, мало не показалось, и судьбу неопубликованного эпиграфа разделил весь роман. Правители вообще предпочитали о Беломорканале не вспоминать, времена перековок давно миновали, и факт использования в СССР принудительного труда более не афишировался, ибо бросал тень на светлое здание

коммунистического будущего, и оттого можно только гадать, какая наступила на улице Правды растерянность, если не паника, когда осенью 1948 года писатель отвез в «Октябрь» свое новое произведение, идея которого «зрела 65 лет», то есть со дня детского бегства в «Азию».

Главный редактор журнала Панферов, который в конце 1930-х дружески советовал Пришвину не стоять в «стороне» [10; 166], долго автору не звонил, а потом через сотрудника редакции Ильенкова передал требование «уничтожить труд заключенных» и пожелал, чтобы «может быть, даже, что события были именно не на Беломорском канале» [8; 78], что и было в дальнейшем подтверждено во время обсуждения романа накануне нового, 1949 года в редакции и обесмысливало всю громадную работу, проделанную неудобным писателем. Там, наверху, хотели переписать историю, забыть которую Пришвин был не в силах и которую пытался оправдать, найти разрешение и выход. Все это понимал и сам писатель («Допускаю, что нынешние правящие коммунисты могут быть смущены моим романом и спросить: как же это так вышло, что принудительный труд, укрываемое и переживаемое преступление, может стать предметом восхищения поэта и...»), соглашался заменить мотив принуждения вербовкой («Остается надежда на то, что мысль о трудовом воспитании заполнит пустоты и оправдает произведение. А великолепное мастерство даст легкость чтению» [8; 79–80]), но все равно это было никому не нужно, и так получилось, что не в охотничьих и не в детских рассказах, а в самом что ни на есть злободневном романе с общественным пафосом, к чему призывала его когда-то настырная рапповская критика, разошлись старейший писатель, мечтавший послужить своему народу, государству, настоящему социализму и будущему коммунизму, и само государство в лице его литературных чиновников.

Это может показаться поразительным, но в поздний период жизни, когда Пришвин «всем сердцем, всем телом и всем сознанием» находился ближе чем когда бы то ни было к власти и подобно герою «Корабельной чаши» Мануйле был готов все простить и вступить в большой советский колхоз, издательская судьба его произведений складывалась особенно тяжело. И дело здесь касалось не только «Осударевой дороги». В послевоенные годы Пришвин, как и официальная советская идеология, проповедовал грядущий коммунизм. Только любовь эта и понимание коммунизма были у писателя и центрального комитета партии слишком различными. Всеякие попытки монополизации светлого будущего вызывали у власти жгучее чувство соперничества. «Сегодня выборы! Какой-то садизм! Чем больше страдают теперь живые люди, тем больше афоризмов о счастье будущего человека», – писал

Пришвин и тут же предлагал свое, пришвинское видение этого будущего: «В новой вещи своей я хочу дать путь к коммунизму не тот, каким дают его доктринеры, а каким я иду к нему, моя работа “коммунистическая по содержанию и моя собственная по форме”, и такая моя, чтобы умный человек справа не подозревал меня в подхалимстве» [8; 77]. Подхалимства и в самом деле не было никакого, была вера в «коммунизм, который мы все носим в своем естестве», но только вера эта никак не укладывалась в прокрустово ложе советской идеологии. Советская система отличалась во все времена, а при позднем Сталине особенно, строгой иерархичностью, и нарушение этой иерархии, пусть даже с самыми благими намерениями, каралось строже и больнее любой аполитичности и бегства в Берендеево царство.

Ахматова когда-то назвала «Доктора Живаго» гениальной неудачей. «Осудареву дорогу», при всей ее невезучести, гениальной не назовешь ни с какой точки зрения. Скорее наоборот, этот роман оставляет впечатление болезненного провала. При чтении его не очень понимаешь, к чему был весь этот многолетний сыр-бор о бедном Евгении и Медном Всаднике, если в романе первого (Евгения) попросту нет, а есть галерея угодивших на строительство канала уголовников и масса неизвестно за что попавших тысяч жителей земли, о которых вообще ничего не говорится, а что касается второго (Медного Всадника), то в его роли выступает вовсе не грозный, не величественный, а какой-то ходульный начальник строительства Сутулов, который, конечно, имеет власть принять и «бросить в лес тысячу человек» или командовать операцией по ликвидации прорыва воды во время весеннего разлива, отправляя эту тысячу на гибель в ледяную воду, но по большому счету настолько весь выдуман и неестественен, что вызывает недоумение, неловкость и жалость (а между тем Пришвин-то стремился – страшно вымолвить – к тому, что «Сутулов – это Максим Максимыч в форме чекиста» [7; Т. 8; 546]). Столь же недостоверен образ главного героя – Зуйка. Формально юноше семнадцать лет, но психические реакции у него как у двенадцатилетнего в лучшем случае мальчика (не зря в одном месте автор называет его маленьким человечком), такого недоросля, только без Митрофанушкиного здравомыслия и уж тем более без скромного обаяния Митраши из «Кладовой солнца», хотя и тут замысел у Пришвина был интересен: «обрисовать дикую застенчивость, староверскую особенную гордость (аристократический демократизм)» [6; Т. 6; 237].

Из героев по-настоящему великолепен в этом романе оказался только старый бродяга Куприяныч, еще одно авторское альтер эго, он же пузатый и круглый волшебник Берендей, который при поступлении в лагерь обещал хорошо

трудиться на строительстве, но просил Уланову не записывать его в учетную книгу, спас сотню человек от гибели, щедро и коварно подарив авторство этого подвига глупому Зуйку, и наконец соблазнил неразумное дите совершить побег в лес, в царство бесчеловечности, туда, где нет принуждения и власти, где все – цари, а затем, весенним утром, описание которого напоминает финал «Кашеевой цепи», обратился в гугуя, оставив мальчика один на один с пробуждающейся природой. Страницы этого бегства были по-пришвински хороши, а образ Берендея создавал своеобразный двойной фокус и отбрасывал спасительную лесную тень на весь безжалостный «новый свет», предвосхищая тем самым тему будущей «Корабельной чащи» и «Зеркала человека», но все это было несколько вторично по отношению к более ранним вещам.

Но если верно, что каждое произведение нужно судить по тем законам, которые установлены для него самим автором, то упреки в малохудожественности и схематизме просто бессмысленны. «Осударева дорога» – это роман идеологический, в гораздо большей степени, чем, например, «Что делать?», «Мать», «Как закалялась сталь» и т. п., это, быть может, вообще один из самых идеологических, идеологизированных романов во всей русской литературе. Психология, пластичность, поступки героев, их конфликты, язык, мысли, чувства – все, в ущерб художеству, подчинено идеям, носителями которых оказываются персонажи, и эти идеи заботили автора больше всего. Только идей столпилось так много, что роман оказался ими перегружен и утонул, как плавучий остров-ковчег, на котором странствовал по весеннему разливу Зук с живностью. Пришвин попытался вложить в эти двести пятьдесят страниц все, о чем передумал за без малого восемьдесят лет жизни. Кажется странным, что легконогий странник с ясными и зоркими глазами вместо сердца, как окрестила его когда-то Гиппиус, вообще мог за подобную затею взяться, но тем не менее именно это и произошло. Он пытался спасти свой замысел, объявив написанное сначала «педагогической поэмой на материале строительства Беломорского канала» [1; 309], а потом сказкой, как когда-то объявлял все прежнее очерками, говорил о том, что «сказка – это связь приходящих с уходящими»; «сказки мои – это могильные холмы, в которые я закладываю сокровища своей личности»; «в сказке благополучный конец есть утверждение гармонической минуты человеческой жизни, как высшая ценность. Сказка – это выход из трагедии», но в результате в который раз написал книгу не о строительстве канала и не о погибшем мире староверов, но о самом себе и одновременно с этим себе противоречившую книгу. В сущности, судьба Зуйка в романе – это проекция всей пришвинской жизни: конфликт

со Старшими, обида, уход в лес, трагедия и счастье одинокой жизни, чудодейственное спасение и возвращение к людям – все это – зеркало человека, но только сильно выгнутое, искривленное, пусть даже сказочное, отображающее в упрощенном виде. Пришвин шел на адаптацию сознательно, он приносил всю сложность своего пути в жертву читателю, не желая повторения обеих легших мертвым грузом в его архиве «Мирских чаш», и старался написать вещь совершенно легальную, проходную и доступную, но как художник совершил насилие даже не над своим романом, его героями, их прообразами и самой действительностью – а, что было для него страшнее всего, над самим собой, он оволил себя, и вот этого произвола художественное слово, художественная правда ему не простили и отозвались фальшью.

Но в то же время это неслучайная и знаковая книга. Это одновременно горький и неизбежный этап пришвинской судьбы, этап почти что вечный, замыкающий его творческий путь и его личное, им самим признанное поражение («Эта книга мне показалась картиной моей борьбы и моего поражения» [12; 170]; «Осударева дорога, к счастью не напечатанная, есть картина совершенного посрамления автора в его попытке сомкнуть прошлое с настоящим» [6; Т. 6; 201]), в истории русской литературы и в истории нашей общественной мысли пришвинский «сказочный роман» занимает поистине выдающееся, хотя и не оцененное место. Заслуга автора «Осударевой дороги» оказалась не в том тексте, который он в конце концов породил, и даже не в сопутствующих ему чрезвычайно противоречивых и дремучих «человеческих» лесах, где заблудилась в назидание его последователям душа русского государственника, а в том, что Пришвин едва ли не первый в русской литературе назвал Великую Тему. Обозначил ее. Дал понять, что никуда от этой Темы не уйти, не забыть, не перешагнуть, не перескочить и не обехать, как не смог избежать ее он, и литература еще вернется к ней.

Проблему «Осударевой дороги», проблему уничтожения русского и не только русского народа большевиками, идею, которую Пришвин вложил в уста «конюшника», отбросов эзковского мира, доходяг, как сказал бы современный, искушенный в лагерной литературе читатель, – «Не канал цель легавых, а ненависть к свободному, как они, человеку», а от уголовников она перекинулась и мужикам: «Даже привычные к трудной земляной работе смоленские грабари начали склоняться к тому, что канал – это придумка, это предлог, чтобы замучить и покончить с человеком свободным... – Канал – это фикция», тему эту раскрыл, решил и ответил Пришвину и как художник, и как гражданин через два десятка лет после мучительного пришвинского труда Александр Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГе»,

и особенно очевидно этот ответ обнаружился в главах, касавшихся строительства канала.

Однако удивительна не только эта все же очевидная связь. «Осударева дорога» предстоит и перекликается с еще одним замечательным произведением русской литературы второй половины XX века.

« – Мы запрем ваш падун.

– Падун запереть?!

– Запрем падун. Вода подыметесь, и озеро станет глубоким, и по нем пойдут морские корабли.

– Сколько дней в году, – сказал Мироныч, – столько на озере островов, и на них всех есть пожни, есть нивы, деревни, люди живут. Что вы с людьми делать будете?

– Мы за большое дело взялись: лес рубят – щепки летят. Но все-таки мы не бросим этих людей. В три раза разольется озеро, старые острова будут залиты, новые объявятся, и новые станут берега, и старые звери придут напиться новой воды. Вот мы туда с островов и переселим людей» [6; Т. 6; 125].

Я не думаю, что В. Распутин диалогически обращался к «Осударевой дороге», когда писал «Прощание с Матерой», да и вообще не уверен в том, что он эту книгу читал (так же как не уверен, что читал ее А. Солженицын), но все же и тему гибели старого мира, его затопления, и плача по этому миру первым наметил Пришвин, и даже старуха, остающаяся вопреки всему на острове дожидаться конца света и готовая в этих водах погибнуть, была сначала написана – Пришвиным. «Перед нею была освещенная верхним огоньком широкая и опрятная лестница, вся устланная новыми чистыми половичками-дорожками. На маленьких лестничных окнах висели белоснежные занавески, убранные сверху разноцветными бумажными цветами. Так убирают у старовров лестницы только перед самыми большими праздниками или в ожидании редкого, самого желанного гостя, и в особенности, когда в доме свадьба или ждут жениха» [13].

Так мыла перед затоплением Матеры свою избу и старуха Дарья...

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Статья любезно предоставлена журналу А. Н. Варламовым. Полностью данный текст опубликован в серии «Жизнь замечательных людей»: Пришвин / Алексей Варламов. М.: Молодая гвардия, 2008. 548 с.
- ² Фрагменты из художественных книг М. М. Пришвина цитируются по изданиям [6], [7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гибет Е. Михаил Пришвин рапортует XVII съезду // Вопросы литературы. 1977. № 8. С. 308–309.
2. Иванов - Разумник. Великий пан // Творчество и критика. О Культурной традиции. Петербург: Эпоха, 1922. С. 24–48.
3. Михаил Михайлович Пришвин // Из Русской думы. М.: Роман-газета, 1995. С. 175–194.
4. Пришвин М. М. Соловки // Красная новь. 1934. № 2. С. 34–46.
5. Пришвин М. М. Собр. соч.: В 4 т. М.: Худож. лит., 1935–1939.
6. Пришвин М. М. Собр. соч.: В 6 т. М.: ГИХЛ, 1956–1957.
7. Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1982–1986.
8. Пришвин М. М. Леса к «Осударевой дороге». Из дневников 1931–1952 гг. // Наше наследие. 1990. № 2. С. 58–83.
9. Пришвин М. М. Дневник. Т. 1. 1914–1917 гг. М.: Московский рабочий, 1991. 432 с.
10. Пришвин М. М. Дневник 1937 года // Октябрь. 1995. № 9. С. 155–171.
11. Пришвин М. М. Дневник. Т. 3. 1920–1922 гг. М.: Московский рабочий, 1995. 334 с.
12. Пришвина В. Д. Круг жизни. Очерки о М. М. Пришвине. М.: Худож. лит., 1981. 239 с.
13. Распутин В. Г. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. Иркутск: Сапронов, 2007. 439 с.

МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА ЖИРКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка филологического факультета, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
marp@mail.ru

АВТОР И ЕГО ГЕРОИ В ПОЭТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ «ДЕТСКИЙ ОСТРОВ» САШИ ЧЕРНОГО

Анализируется книга стихов Саши Черного для детей «Детский остров», ее первый раздел «Веселые глазки», определяющий тональность всей книги и создающий образ счастливого детства. В центре внимания – образ поэта и образ ребенка, их взаимоотношения. Главная тема и постоянная ситуация детских стихов – игра ребенка, сам процесс игры – лежат в основе поэтического сюжета. Рассматривается детскоцентризм мира поэзии Саши Черного.

Ключевые слова: Саша Черный, поэт, образ, точка зрения, юмор, ирония, сентиментальность, идиллия

Поэтический сборник «Детский остров» (Берлин, 1921) состоит из поэтического предисловия – стихотворения-обращения «Детям» и трех разделов: «Веселые глазки», «Зверюшки» и «Песенки».

Стихотворение «Детям» знакомит с автором и задает главную тональность всей книги – мягкий юмор и добрую иронию. Стихотворение написано от имени поэта, в нем постоянно поддерживается ощущение непосредственного разговора с ребенком. Это не просто знакомство, но и представление детского поэта, который может и должен быть интересен и близок ребенку. Он предстает необычным, не похожим на других взрослых:

Уж давным-давно пропели петухи...
 А поэт еще в постели.
 Днем шагает он без цели,
 Ночью пишет все стихи [10; 7].

Какой же он? Похожий на ребенка: такой же беззаботный, беспечный, веселый, озорной и любопытный, как ребенок и как... Барбос: «Весел он под каждым кровом, / И играет звонким словом, / И во все сует свой нос» [10; 7]. Сравнение с Барбосом возникает не случайно. Собака – одно из самых близких и преданных существ. Она постоянно присутствует рядом с ребенком и прочно обосновалась в мире и жизни Саши Черного, не только писателя и поэта, но и человека.

Возникает оппозиция взрослый – ребенок, обозначается место поэта в мире детей: «Он хоть взрослый, но совсем такой, как вы», любит то же, что и дети, и ведет себя, как ребенок. Он большой ребенок в мире взрослых и свой среди детей, у него тоже есть свои игры и игрушки. Поэт не просто пишет стихи, он «играет звонким словом», как ребенок играет с игрушками. Игра здесь приравнивается к поэзии, творчеству, что несколько не снижает вдохновения и таланта поэта. Игра в жизни ребенка, по наблюдениям

психологов, серьезное дело [5; 28], составляющее содержание и смысл всего периода детства. И тогда, наоборот, подчеркивается значимость поэзии, творчества в жизни поэта. Даже зовут поэта, как ребенка, – Саша, а не Александр. Интересно в этом плане замечание биографа и исследователя А. С. Иванова о том, что в эмиграции Саша Черный изменил свой псевдоним для взрослого читателя на «А. Черный», оставив «Сашу» для детского творчества [6; 530].

«Детский остров», как замечает В. Приходько, образ веселый и грустный одновременно [8; 11], плотно заселенный игрушками и зверюшками, детьми и любящими их взрослыми. Грустный, потому что взрослый в этом мире тоскует по безвозвратно ушедшему детству и по-доброму завидует детям. В центре нашего внимания – первый раздел «Веселые глазки», именно он способствует созданию образа детства у Саши Черного и мира «Детского острова».

Первое стихотворение раздела «В раю» четко обозначает позиции взрослого и ребенка, их взаимоотношения и место ребенка в поэтическом мире Саши Черного. Главные герои – апостол Фома и ангелята. Все легко соотносимо: ангелята и внучата, апостол Фома «с бороною по грудь» и обращение к нему – «дедушка». В стихотворении представлены три точки зрения. Первая – поэта-повествователя, рисующего сценку разговора апостола и ангелят, находящегося над поэтическим миром. Вторым рассказчиком становится апостол Фома. Вместе с его образом появляется небольшая зарисовка из детства, состоящая из нескольких разрозненных картин. Взгляд с возрастной дистанции позволяет идеализировать детство, вносит ностальгическую ноту. Третья точка зрения принадлежит ангелютам, живущим в своем мире райской жизнью, привычной им, и создающим в своем воображении детский период жизни человека по воспоминаниям апостола Фомы.

В финале происходит совпадение всех точек зрения, фокусировка дана в последней фразе, к которой присоединяются все: «Хорошо быть детьми...» Это не просто утверждение ангелят, именно так воспринимает свое детство апостол Фома, и к такому мнению присоединяется сам поэт. Не случайно он заканчивает стихотворение именно этой фразой апостола, не внося каких-либо дополнений.

Пространство стихотворения развернуто по вертикали и устремлено ввысь, в рай, который топографически также обозначен: лиловые дорожки, по которым гуляют газели; под тенистой смоковницей садятся в кружок ангелята с апостолом Фомой. Но в его детских воспоминаниях возникает земная жизнь, которая, в противовес обычным представлениям, оказывается вдруг интереснее, заманчивее райской.

В раю царят теплые семейные отношения. Божественный небесный сад, где должны так же царить гармония и счастье, оказывается недостаточно счастливым для его вечных обитателей. Ангелятам недоступны простые земные радости ребенка: кораблики из коры, драка с ребятами, пререкание с учителем, ловля рыбок в ручье – о чем с улыбкой вспоминает апостол. Отсюда тоска по несбыточному и легкая грусть. Так возникает двойная тональность: пересекаются веселье и грусть, любовь и белая зависть к ребятам, переживающим счастливую пору детства. Поэтому общая тональность стихотворения светлая. Последнее утверждение («Хорошо быть детьми...») дано как констатация факта, причем бесспорного, высказанного «небожителями» и постоянно подтверждающегося далее всем поэтическим сборником.

В стихотворении «Приготовишка» наблюдается некая двойственность образа: с одной стороны, образ приготовишки создает поэт, наблюдающий за ним со стороны, с другой – это автобиографический образ самого поэта, только ребенка.

Переход и проникновение в детский мир происходят быстро и незаметно для читателя или слушателя и имеют в основе несколько составляющих. Прежде всего образ поэта из стихотворения «Детям»: беззаботный и беспечный, близкий по мировосприятию детям; мудрый дедушка – апостол Фома, вспоминающий свое детство, возникает образ озорного, смешного, задиристого мальчишки и образ веселого и счастливого детства, о котором с тоской вспоминается даже в раю. Далее рисуется образ приготовишки, во многом близкий образу из воспоминаний апостола: пухленький, с румянцем на щеках мальчишка, задира и заводила, смешной своей серьезностью. Таким образом, Саша Черный предстает сначала как поэт, это взрослый человек, но близкий любому ребенку, а в «Приготовишке» он уже сам ребенок.

Переход осуществился, и мы не заметили, как взрослый превратился в ребенка, а мы вместе с ним оказались на «Детском острове» Саши Черного среди его героев, воспринимая их с позиции поэта и видя мир детскими глазами. Е. О. Путилова пишет о Саше Черном: «Поэт, которому для встречи с детством не надо было преодолевать никаких дистанций» [9; 44]. В первых рецензиях отмечалась именно эта детскость поэта: «Поглядите, он и смеется совсем как ребенок, улыбка у него ребячья, и плачет как ребенок, крупными блестящими слезами, похожими на стеклянные бусы» [4], «большой поэт с душой ребенка» [3], «сам стал ребенком, ребенком, который и прост, и ясен, и не умеет еще болеть взрослыми болями» [1]. Именно таким вспоминают его близкие и знакомые: «...всегда ласковый и нежный, до седых волос сохранивший в душе необыкновенную чистоту и свежесть большого, доброго ребенка!» [7].

Поэт принадлежит взрослому миру, и он счастлив, когда играет вместе с детьми, с улыбкой наблюдает за ними, подмечает забавное в их жизни. Но поэт является и частью детского мира, равноправным участником детских забав. В следующих двух стихотворениях взрослый и ребенок разведены, но в «Костре» есть общая игра, где взрослый оказывается причастен к детскому миру и вовлечен в игру. А стихотворение «Трубочист» написано уже от лица ребенка, размышляющего над таким странным явлением, как трубочист. Представлены рассуждения ребенка, подбадривающего и успокаивающего самого себя: «Он совсем, совсем не страшный» [10; 12]. Трубочист также оказывается причастен детскому миру: «У него есть сын и дочка» [10; 12]. А главное – он добрый и любит зверюшек: «Он на завтрак взял печенку. / Угостил одну кощенку, / Ну – а та сболтнула всем». И теперь бегут «за ним коты гурьбою». Он свой, поэтому и бояться его не стоит, и попроситься с ним необходимо по-доброму: «Дай ему скорее лапку, / – Сажу смоешь, – не беда» [9; 12]. А к кому обращен его монолог, с кем разговаривает ребенок? Возможно, с тем же Барбосом.

Главная тема и постоянная ситуация детских стихов в первом разделе – игра ребенка, сам процесс игры – лежат в основе поэтического сюжета. У детей свой мир, наполненный игрой, когда веселого, игрового настроения ничто не может испортить, как, например, у героев стихотворения «Перед ужином»: «Всех нас бабушка прогнала из избы... / Мы рябинками в избе стреляли в цель, / Ну а бабушка ошпыливала хмель. / Что ж... На улице еще нам веселей...» [10; 12–13].

На улице находится много интересного: что для взрослого не заслуживает внимания, оказывается для ребенка целым миром, наполненным своей жизнью. Для него в игру может включаться все: игрушки, животные, стулья, всякий му-

сор (с точки зрения взрослого), даже сами взрослые, как в стихотворениях «Поезд» и «Цирк».

«Поезд» – знакомая и понятная каждому ребенку игра. Здесь есть все атрибуты реального мира: вагоны, пассажиры, кочегар, кондуктор и машинист, билеты и станция, даже звонки к отправлению. Но среди пассажиров – кошки и куклы, вагоны – стулья, билеты – «чурки, да шкурки, / Бумажки от конфет», а конечная станция называется «Мартышка». Взрослые тоже включены в эту игру, правда, в качестве «зайцев» – безбилетных пассажиров. Стулья стоят на месте, но «стулья-вагоны» движутся, мчатся, летят. Стихотворение наполнено шумом поезда, звоном колокола, гомоном пассажиров. Звукоподражательные слова являются составной частью поэтического строя: они дают «разогнаться» поезду в начале пути и «тормозят» движение в конце. Перед «остановкой» происходит смена ритма, уходит рифма, и стихотворение заканчивается, когда заканчивается движение импровизированного поезда.

В «Цирке» настоящее цирковое представление разыгрывается перед зрителями, смешное как разворачивающимися событиями, так и веселой чехардой детей и взрослых, игрушек и животных.

Есть ряд стихотворений, где показан ребенок в общении с игрушками: «Про Катюшу», «Бобина лошадка», «Про девочку, которая нашла своего Мишку». Маленькие зарисовки из повседневной жизни ребенка, подмеченные взрослым. Поэт с улыбкой наблюдает за играющими детьми, подчеркивая комичность детской серьезности, наивности, предприимчивости.

Стихотворение «Про Катюшу» начинается с создания контрастных образов: за окном и стенами дома холодный мир, где неуютно и тоскливо даже волкам, а в доме тепло и уютно, горит огонь в печи. В комнате играет девочка, укладывая спать свои игрушки. У каждой игрушке есть некая ущербность. Игрушки, по-видимому, единственные, старые, заигранные, поэтому вызывают не только любовь и привязанность ребенка, но и особое сочувствие и заботу. Игрушки уложены спать «В старый мамин чулок / С дыркой, / Чтоб можно было дышать», – а дальше: «Извольте спать! / А я займусь стиркой...» [10; 14].

Роль мамы определяет поведение. У ребенка серьезное отношение к игре, отсюда – строгий мамин тон и «взрослое» занятие – стирка, с увлечением и усердием. Смена ритма внутри стихотворения обусловлена сменой изображаемых картин: описание зимнего вечера, перечисление игрушек сменяется действием девочки, а описание развешанных вещей – ее размышлениями. Картинка увидена и подмечена любящим и понимающим взрослым, даже имя героини, точнее имена, – те, какие дает близкий и любящий человек. Любование и улыбка в представлении последних размышлений девочки: «Что бы еще

предпринять?..», за которыми невозможность для ребенка сидеть на месте без дела, и новое занятие должно сменить завершившееся.

В «Бобинной лошадке» комичны как сама ситуация, так и ее развитие: представлена попытка ребенка накормить игрушечную лошадку, а выходом в этой ситуации становятся ножницы: «Распорол брюшко лошадке, / Всунул ломтик шоколадки / И запел: “Не хочешь в рот, / Положу тебе в живот!”» [10; 16].

Распоротое брюшко лошадки не означает испорченной, сломанной игрушки, достаточно вспомнить стихотворение «Про Катюшу». Взрослые придумывают свои способы накормить детей, а ребенок – свои. Удивительно сочетание понимания того, что перед ним игрушка, которую можно распороть, и при этом ребенок воспринимает ее как живое существо, им движет желание угостить лошадку. Причем ребенок готов, как с лучшим другом, поделиться самым вкусным, предлагает ведь шоколадку, а не суп или кашу. При этом воспринимает игрушку как капризного ребенка или сложную задачу, не случайно запел от радости и удовольствия, когда получилось справиться, найти выход. Но если игрушечная лошадка может быть наделена чертами живого существа, то и таракашки в мире Саши Черного обладают сознанием: «Подобрались к шоколадке / И лизнули: “Очень сладко!” / Пир горой – и в пять минут / Шоколадке был капут» [10; 16].

Так же, как и кошка, ребенок искренне удивляется увиденному: «Отчего все таракашки / Растолстели, как барашки?» [10; 17]. Накормлена все-таки оказывается не лошадка, но ребенок старался и был увлечен своей заботой, искренне при этом веря, что действительно кормит игрушечного друга.

Вновь перед нами ребенок в общении с игрушкой в стихотворении «Про девочку, которая нашла своего Мишку». Монолог девочки передает все нюансы интонации речи взрослого, обеспокоенного, любящего, заботливого. Комичность создается за счет несоответствия взрослых интонаций и того, кто произносит и к кому обращен этот монолог, соединения в речи взрослых упреков и детских сравнений, взрослых и детских представлений: «Как не стыдно... / Это что еще за мода? / Как ты смел удрать без спроса? / На кого ты стал похож?» Ответ: «На несчастного Барбоса, / За которым гнался еж...» [10; 20]. Умиляет трогательная забота ребенка: «Хочешь супу? Я не ела – / Все оставила тебе. <...> / Самый мой любимый бантик / Повяжу тебе на грудь: / Будешь милый, будешь франтик, – / Только ты послушным будь...» [10; 21].

Стихотворение «Снежная баба» начинается с описания ярких красок зимнего дня: желтое пятно солнца, белизна падающего снега на фоне василькового неба. Солнечный зимний день оказывается настолько привлекательным для игр

и забав, так и манит на улицу, что ребенку невозможно усидеть дома. Можно обратить внимание на то, что, хотя в стихотворении всего два главных героя: мальчик Гриша и созданная им Снежная баба, оно наполнено значительно большим количеством других действующих лиц. Среди них и воробы на улице, и убежавшая ленивая кошка, и мама, занимающаяся домашними делами, и бабушка, чью шапку забирает мальчик, и дворничья собака Шавка, и... снег. В одном ряду оказываются люди, животные и неживое, например снежинки: «В васильковом небе вьются / Хороводы снежных мух», пушистый снег, из которого лепит Гриша: «Снег щекочет, снег смешит...» Поэтому и Снежная баба кажется живой. Мороз на улице заставляет переживать мальчика за Снежную бабу и мешает ему спать. Гриша находит свой способ помочь замерзающей, с его точки зрения, Бабе: в доме собираются все теплые вещи: «Взял в охапку / Кофту, дедушкину шапку, / Старый коврик с сундука, / Два платка. / Чью-то юбку из фланели...» [10; 23].

События разворачиваются стремительно: необходимо торопиться, ведь Снежная баба мерзнет: «И скорей-скорее в сад...» Мальчик разговаривает с ней, как с любой другой игрушкой, которая для каждого ребенка представляется другом. Только когда Снежная баба одета, укутана, мальчик может успокоиться. Неважно при этом, что «Торопился – перепутал, / Все равно ведь, ей тепло: / Будет юбка на груди, / Или кофта позади...» [10; 23].

Поэтический и одухотворенный образ ребенка, увлеченного игрой, оказывается в центре детской поэзии Саши Черного. Ребенок на его «Детском острове» безмерно счастлив, не случайно название первого раздела «Веселые глазки». В этом мире самые большие страхи связаны с петухом («Плакса») или с лягушкой, которая пока таинственный и непонятный зверь для маленького ребенка, открывающего мир («Храбрецы»), и испугавший зимним вечером ватагу ребят волк оказывается деревенским Барбосом («Волк»), а прополка огорода приносит радость детям и тоже становится игрой («В огороде»).

Этот мир детскоцентричен. Детский остров наполнен жизнью ребенка, тем, что интересует

и волнует его: проблемами, заботами, радостью и увлечениями. Жизнь и мир даны через восприятие ребенка, хотя представлены две точки зрения: ребенка на мир и взрослого на ребенка. Взгляд взрослого – это любящий, нежный и трогательный авторский взгляд на своих героев. Сентиментальные чувства растроганности и умиления пронизывают весь поэтический сборник. Это принципиальная позиция поэта, можно видеть, как он иронизирует над сентиментальными чувствами во взрослом творчестве.

Почему такая идиллия царит на детском острове, почему ребенок в мире Саши Черного принципиально счастлив? Ответов подобрать, наверное, можно много. В частности, неоднократно высказывалась мысль об отсутствии у поэта собственного счастливой детства, в противовес которому и создается гармоничный мир его детских стихотворений. Или о желании спрятаться от жизненных неурядиц окружающей его действительности и на контрасте с окружающим миром боли и страданий создать мир света и радости. Или о нереализованности в жизни отцовского чувства. А возможно, его поэтическое слово определяла любовь к маленьким человечкам, трогательное, нежное чувство, которое сквозит в каждом его произведении и которое позволяет чувствовать, понимать ребенка, находить с ним контакт, вызывать его доверие и привязанность.

В своих воспоминаниях о жизни русской колонии на берегу Средиземного моря в Ла-Фавьере Л. С. Врангель пишет: «Саша Черный, известный поэт и беллетрист, был душой нашего общества, особенно наших детей, которые любили его и которых любил и он и им отдавал свои лучшие досуги. По вечерам, особенно когда море поблескивало отблесками луны, на затихшем пляже собирались все дети около Саши Черного, жгли костры, жарили шашлыки, приправленные неиссякаемыми остроумными и художественными песенками и рассказами Саши Черного; дети вторили ему и пели смешные, веселые его песенки» [2; 151]. Возможно, в последние годы жизни Саша Черный приблизился к тому, к чему стремился в своих произведениях, – к морю, солнцу, покою, общению с маленькими человечками, ощущению радости бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. -в. Саша Черный. «Детский остров». Изд-во «Слово», Берлин, 1920 // Русская книга. 1921. № 2. С. 10.
2. Врангель Л. Ла-Фавьер // Возрождение. Париж. 1954. № 34. С. 145–153.
3. Даманская А. Волшебный остров // Народное дело. 1921. 8 февраля.
4. Дроздов А. Сашин остров // Голос России. 1921. 8 января.
5. Зеньковский В. В. Психология детства. Екатеринбург: Деловая книга, 1995. 350 с.
6. Иванов А. С. Волшебник // Черный. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. М.: Эллис Лак, 2007. С. 523–548.
7. Парчевский К. Путь поэта // Последние новости. 1932. 7 августа.
8. Приходько В. Он зовется «Саша Черный»... // Саша Черный. Что кому нравится. М.: Молодая гвардия, 1993. С. 5–15.
9. Путилова Е. Русская поэзия детям // Русская поэзия детям. Л.: Сов. писатель, 1989. С. 5–48.
10. Черный С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. М.: Эллис Лак, 2007. 671 с.

СВЕТЛАНА ОЛЕГОВНА ЗАХАРЧЕНКО

кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры туризма, Петрозаводский государственный уни-
верситет (Петрозаводск, Российская Федерация)
zco59@mail.ru

ГОГОЛЬ НА КОРФУ*

Рассматривается рассказ об одном чудесном эпизоде у мощей Спиридона Тримифунтского в письмах Макария и Амвросия Оптинских, связанном с именем великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя. С помощью переписки Гоголя в статье уточняется дата пребывания писателя на Корфу.

Ключевые слова: Гоголь, Корфу, мощи Спиридона Тримифунтского, эпистолярное наследие

В одном из писем Амвросия Оптинского сообщается, что Н. В. Гоголь был свидетелем чуда у мощей святителя Спиридона Тримифунтского на острове Корфу. Преподобный Амвросий пишет: «Николай Васильевич Гоголь, бывши в Оптиной Пустыни, передавал издателю жития и писем затворника Задонскаго Георгия (о. Порфирию Григорову¹. – С. 3.), что он сам видел мощи св. Спиридона и был свидетелем чуда от оных. При нем мощи обносились около города, как это ежегодно совершается 12 декабря² с большим торжеством. Все бывшие тут прикладывались к мощам, а один английский путешественник не хотел оказать им должного почтения, говоря, что спина угодника будто бы была прорезана и тело набальзамировано; потом однако решился подойти, и мощи сами обратились к нему спиною. Англичанин в ужасе пал на землю пред святыней. Этому были свидетелями многие зрители, в том числе и Гоголь, на которого сильно подействовал этот случай» [13]. На это письмо-легенду ссылается В. А. Воропаев [4]. Рукопись письма Амвросия Оптинского не найдена, а при издании дата его написания была утрачена, но из контекста письма можно предположить о времени пребывания Гоголя на Корфу, что это могло быть до июня 1850 года: тогда Гоголь впервые приехал в Оптину, где сдружился с отцом Порфирием Григоровым [7]. Возможно, из-за отсутствия даты события этот факт не отмечен в биографии Гоголя ни Ю. В. Манном [9], ни В. Переверзевым [11], ни Вересаевым [3], ни Шенроком [15], изучавшими жизнь и творчество писателя.

Недавно мы разыскали рукопись письма преподобного Макария Оптинского к своей духовной дочери Анне Ивановне Воейковой, в котором также упоминается о чуде у мощей святителя Спиридона Тримифунтского: «Кстати о св. мощах идет речь, скажу вам сообщенное мне в письме от Нат<альи> Петр<овны>, а им пересказывал Гоголь, бывший в прошлом году в Корфу; там есть мощи св. Спиридона Тримифунтского. На открытии английский путешественник, быв-

ши там, желал видеть мощи св. Спиридона без покровов, что и было исполнено. Англичанин осматривал св. мощи (которые, как говорит Гоголь, сохранились совершенно невредимыми, и представляют вид недавно умершего человека), начал рассуждать о том, что это св. мощи набальзамированы, и что это особенно известный род бальзамирования, употребляющийся еще в Египте, и состоит в том, что мертвому вырезают кусок из спины – чрез отверстие вынимают внутренность и наполняют тело ароматическими веществами. Когда он это говорил и монахи его слушали, может быть, иные и начинали сомневаться, тогда св. мощи вдруг сами собою повернулись в раке и перево<ро>тились к нему спиною! (курсив наш. – С. 3.). Это так поразило англичанина, что он тут же с ума сошел, а весь город ни о чем не говорил, как об этом происшествии, когда Гоголь туда приехал» (26 января 1849 года) [8]. Это письмо было впервые опубликовано в 1862 году [12], но с купюрами именно данного чудесного эпизода, и издано полностью только через полтора века [8].

Был Гоголь свидетелем чуда у мощей Спиридона Тримифунтского или же он узнал об этом от очевидцев? Даже в пересказе старца Макария описание чуда у мощей Спиридона Тримифунтского будит воображение слушателей. Можно представить, как говорил об этом Гоголь, который, как известно, был дивным рассказчиком.

В каком же году Гоголь мог посетить греческий остров Корфу? Он был за границей несколько раз, но только в 1848 году совершил морское путешествие, отправившись по Средиземному морю из Неаполя до Святой земли. «Около 20 января 1848 года Гоголь покинул Италию... плыл по Средиземному морю на маленьком пароходе “Капри”... На Мальту прибыл около 22 января н. ст.» [9], что подтверждается датировкой писем писателя. Из Неаполя Гоголь писал 20 января 1848 года Н. Н. Шереметевой. С Мальты он писал А. П. Толстому (22 января 1848 года), графине А. М. Виельгорской (23 января), С. П. Шевыреву (25 января) [5]³.

С острова Мальта писатель отправился в Смирну. Это совпадает со старинными маршрутами XIX века, даже о январской штормовой погоде в Средиземном море есть свидетельства современников Гоголя [3]. Подтверждением того, что в то время морской путь из Неаполя до Иерусалима проходил через Триест, Корфу (современное название – Керкира) и Смирну (из-за беспокойного Средиземного моря, несовершенности судов того времени и маломерности пароходика, ходившего из Неаполя до Смирны), является письмо Антония (Бочкова) о. Макарию Оптинскому от 16 сентября 1851 года⁴. В Смирне Гоголь пересел на пароход австрийской компании Ллойда «Истамбул», следовавший курсом на Бейрут [9]. И вот здесь с ним встретился священник отец Петр Соловьев, который нашел писателя задумчивым и неразговорчивым [14].

По письмам и воспоминаниям Гоголя и его современников составляется такой маршрут: Неаполь (20 января 1848 года) – Мальта (22–25 января 1848 года) – Корфу – Смирна (конец января 1848 года) – Родос – Бейрут (начало февраля 1848 года) – Иерусалим (середина февраля 1848 года).

Маршрут Гоголя на Святую землю
(Картограф М. С. Богданова)

Гоголь шесть лет стремился на обетованную землю. Писатель планировал совершить средиземноморский круиз зимой сначала в 1847 году, а затем в 1848-м: «Осенью объеду Италию, <в> зиму берега Средиземного моря, Сирию, Грецию, Иерусалим и чрез Константинополь, если благословит Бог, в Россию, что долженствует быть весной грядущего, 1847 года» (В. А. Жуковскому, 4 марта 1846 года, Рим); «проберусь разными дорогами по Европе вновь в Неаполь к осени, с тем, чтобы оттуда двинуться на Восток. Всю зиму и начало весны проведу на Востоке, а оттуда, если Бог благословит, пушусь в Русь, на Константинополь, Одессу и, стало быть, на Киев» (А. С. и У. Г. Данилевским, 6 марта 1847 года, Неаполь).

Но что-то не давало Гоголю совершить запланированное. Он медлил с поездкой на Святую землю: «...замирает малодушный дух мой при

одной мысли о том, какой длинный мне предстоит переезд, и все почти морем, которого я не в силах выносить и от которого страдаю ужасно» (М. П. Погодину, 25 ноября 1847 года, Неаполь). Его мучали сомнения, боязнь, что его веры недостаточно, чтобы Бог позволил ему паломничество ко Гробу Господню. Письма Гоголя в декабре 1847 – январе 1848 года полны смутного предчувствия и страха, что его приближение к Святой земле Бог сочтет за святотатство и накажет за это. И Гоголь исповедовался перед своими друзьями, просил у них прощения, будто собирался в свой последний путь. «...Теперь только дивлюсь своей гордости, дивлюсь тому, как Бог не поразил меня и не стер с лица земли. <...> Мне кажется даже, что во мне и веры нет вовсе; признаю Христа Богочеловеком только потому, что так велит мне ум мой, а не вера. <...> Вот всё, но веры у меня нет. Хочу верить. И, несмотря на все это, я дерзаю теперь идти поклониться святому гробу. <...> О, помолитесь обо мне, чтобы Бог не поразил меня за мое недостойнство (курсив наш. – С. З.) и удостоил бы об этом помолиться! <...> О, молитесь обо мне, добрая душа моя! Молитесь, чтобы Бог избавил меня от всякого духа искушения и дал бы мне уразуметь его истинную волю. Молитесь, молитесь крепко обо мне, и Бог вам да поможет обо мне молиться!» (М. А. Константиновскому, 12 января 1848 года, Неаполь). «...Как растопить мне мою душу, холодную, черствую, не умеющую отделиться от земных, себялюбивых, низких помышлений и даже от тех недостатков, которые видит она сама и которых сама ненавидит?» (С. П. Шевыреву, 23 января 1848 года, Мальта).

Посещение мощей Спиридона Тримифунтского на Корфу было для писателя незапланированным. Гоголь случайно оказался здесь. Если бы он попал на Корфу на месяц раньше, то оказался бы свидетелем чуда. И Гоголь переживает сильное духовное потрясение: он предчувствовал то, что произошло с англичанином, но испытывал это, как будто именно его, Гоголя, *Бог поразит за недостойнство*. Несколько дней назад на Мальте он считал, что выехал из Неаполя слишком рано («Пишу к вам теперь из Мальты. Странствования мои по Средиземному морю, как видите, уже начались. Из Неаполя меня выгнали раньше, чем я полагал, разные политические смуты и бестолковщина...» (А. М. Вельгорской, 23 января 1848 года, Мальта). После Корфу Гоголь понимает, что спасительно опоздал, что предчувствия его были знаком свыше, но он по-своему распознал этот знак. Воображение писателя в деталях воссоздало картину случившегося, но по рассказам очевидцев.

Становится объяснимым, почему чудесный эпизод у мощей Спиридона Тримифунтского имеет две версии. Вторая версия могла возникнуть, когда Гоголь, рассказывая Григорову о со-

бытии на Корфу, поделился с монахом своими внутренними переживаниями и потрясением, что Господь спас его, такого же сомневающегося, как и тот англичанин; и отец Порфирий совместил в своем сознании чудо веры, сошедшее на Гоголя в день посещения острова Корфу, и чудо, происшедшее у мощей святого в день его памяти.

Становится понятным и то, почему, когда Гоголь попал в Святой Град, ожидаемое, чаянное им так долго не произошло. Гоголь ждал чуда, и Господь воздал по вере его. Но чудо случилось не в Иерусалиме, а до его посещения, на Корфу. Поэтому Гоголь так и не описал Палестину, как это обещал жене С. Т. Аксакова Ольге Семеновне в начале 1842 года [6].

В своих письмах Гоголь сообщал, что разочарован пребыванием в Иерусалиме: «Где-то в Самарии сорвал полевой цветок, где-то в Галилее другой; в Назарете, застигнутый дождем, просидел два дня, позабыв, что сижу в Назарете,

точно как бы это случилось в России, на станции» (В. А. Жуковскому, 28 февраля 1850 года, Москва). Это состояние усталости и обыденности объяснимо тем, что встреча с Богом, о которой Гоголь мечтал столько лет, произошла на Корфу, а весь остальной вояж писателя был возвращением домой.

Возвращался Гоголь из Иерусалима в Россию через Турцию и через Одессу. «Пишу к тебе... несколько строчек из Байрута, за несколько часов до отъезда с пароходом в Смирну и Константинополь» (В. А. Жуковскому, 6 апреля 1848 года, Бейрут). А. П. Толстому Гоголь писал 13 апреля 1848 г. уже из Константинополя.

Получается, что только в конце января 1848 года Гоголь имел возможность посетить святой остров, почему не мог быть свидетелем чуда у мощей святителя Спиридона Тримифунтского, хотя только благодаря русскому писателю в мире стало известно об этом чудесном событии, прославляющем православную веру.

* Работа выполнена при поддержке (в рамках) Программы стратегического развития на 2012–2016 годы «Университетский комплекс ПетрГУ в научно-образовательном пространстве Европейского Севера: стратегия инновационного развития».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Порфирий (Григорьев), иеромонах Оптиной пустыни (скончался 15 марта 1851 года). Подпоручик конной артиллерии. В 1832 году поступил в Задонский Богородицкий монастырь под руководство затворника Георгия (Машурина). В скит Оптиной пустыни поступил 1 июня 1834 года. В мантию пострижен 25 июля 1850 года. От Евангелия передан преподобному старцу Амвросию. Григорьев – человек удивительной судьбы: за приветствие на своей батарее Александра Пушкина был разжалован. А в Оптиной пустыни Божьим промыслом стал близким знакомым Н. В. Гоголя.
- ² 12 декабря по старому стилю, 25 декабря – по новому.
- ³ Переписка Н. В. Гоголя приводится по [5].
- ⁴ «По дороге в Триест заезжали мы в Корфу, и Господь привел меня неожиданно к нетленным и святым мощам святителя и угодника своего св. Спиридона Тримифунтского. Я возблагодарил его за избавление нас от страшной 30-часовой качки, от которой пароход наш в 260 сил мотался, как малая лодка, к ужасу нашего зрения. Противный ветер остановил его на 12 часов. 16. Сент. 1851 [1].

ИСТОЧНИКИ

1. Антоний (Бочков) Макарию Оптинскому от 16 сентября 1851 г. // Научно-исследовательский отдел рукописей, Российская государственная библиотека (НИОР РГБ). Ф. 213. К. 0. Ед. хр. 6. Л. 51 об. (рукопись XIX в.).
2. Макарий Оптинский Воейковой Анне Ивановне от 26 января 1849 г. // НИОР РГБ. Ф. 213. К. 77. Ед. хр. 9. Л. 6–7 об. (рукопись XIX в.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

3. Вересаев В. В. Гоголь в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников. М.; Л.: Academia, 1933. 529 с.
4. Воропаев В. А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. М.: Паломник, 2008. 318 с.
5. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 17 т. Т. 14–15. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009.
6. Гуминский В. Путешествие Гоголя по Святой земле (в контексте развития паломнической литературы) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.voskres.ru/literature/critics/guminskiy1.html>
7. Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни: В 2 т. М., 2008.
8. Макарий Оптинский Воейковой Анне Ивановне от 26 января 1849 г. // Собрание писем Макария Оптинского к мирским особам: В 3 т. Т. 1. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. С. 298.
9. Манн Ю. В. Гоголь Н. В.: Биобиблиографическая справка // Русские писатели. Биобиблиографический словарь. Т. 1. М.: Просвещение, 1990. С. 187–188.
10. Манн Ю. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М.: Аспект Пресс Формат, 2004. 812 с.
11. Перевезев В. Гоголь // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 2. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1929. С. 561–573.
12. Собрание писем блаженной памяти оптинского старца иеросхимонаха Макария. Т. 4. М.: Изд-во Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1862. 537 с.
13. Собрание писем Оптинского Старца Амвросия к мирским особам. Издание Свято-Введенской Оптиной Пустыни. Козельск, 2003. 412 с.
14. Соловьев П. А. Встреча с Н. В. Гоголем на пароходе в 1848 г. // Русская старина. 1883. № 9. С. 553–554.
15. Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. Т. I–V. М.: Тип. Г. Лиснера, 1892–1897.

СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА ГАНИНА

кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой общих гуманитарных и естественно-научных дисциплин факультета экономики, туризма и права, Орехово-Зуевский филиал Российского нового университета (Орехово-Зуево, Российская Федерация)
svetla3@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОКОЛЕНИЙ В РУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассматривается аспект комплексного регулирования межпоколенческих взаимоотношений, включающий в себя государственное, религиозное и семейное.

Ключевые слова: феномен детства, права ребенка, семья, взаимоотношения поколений в семье

Проблема взаимодействия поколений в семье в целом не является для России новым явлением. В русской культурной традиции существовали веками отлаженные и апробированные способы государственного, религиозного, культурного и семейного регулирования взаимоотношения поколений. Так, в патриархальной многопоколенной семье авторитет подкреплялся функцией управления имуществом, которое принадлежало исключительно патриарху (самому старшему мужчине в семье). Прочие члены семьи, какими бы ни были их кровные связи и перспективы занять место патриарха, авторитета не имели, хотя и могли располагать (меньшей, чем у патриарха) долей власти.

Княжеская светская власть практически с самого начала осуществляла контроль над семьей, воспитанием и обучением детей. Она была кровно заинтересована в укреплении этой социально-экономической ячейки общества, идущего по пути феодализма. Так, «Устав князя Владимира» (рубеж X–XI веков), законодательно зафиксировавший право, сложившееся на Руси задолго до принятия христианства, проявляет огромную заботу о крепости семьи. Государственному суду подлежали «распуты (дела о разводе), смилное (незаконная связь мужчины с женщиной), заставанье (поймка мужем жены при нарушении супружеской верности), умыкание (похищение девушки или женщины), пошибанье (изнасилование) их... упреканье (оскорбление словом)... зубояденье (кусание в драке, ссоре), иже отца и мать бьют, или сын или дщи бьются, или братья бьются, и иже тяжются о заднице (наследстве)» [12]. Семьи мирян и после принятия христианства подчинялись светской княжеской власти. Судя по «Уставу князя Владимира», в семьях того времени возникала масса проблем, в чем-то схожих с современными. Отношения между родителями и детьми были сложными и неоднозначными. Государство пыталось вмешиваться во внутрисемейные дела, регулировать

их. Родители в законодательном порядке наделялись определенными обязанностями, фактически на семью перекладывалась функция родовой общины – подготовка детей к жизни в обществе. Уже «Устав князя Ярослава» (XI век) предусматривал ответственность родителей за обеспечение детей и устройство их в жизни, в частности за незамужество дочери: «Аже девка засядет...» (ст. 7), неизвестную византийскому праву того времени. При этом, устраивая брачные дела детей, нельзя было не считаться с их мнением: «Аже девка не восхоцеть замуж, а отец и мати силою дадут, а что створить над собою – отец и мати епископу в вине, а истор има платити. Тако же и отрок» (ст. 24) [13; 109]. Закон ограждал не только негативное («не восхоцеть») волеизъявление, но и позитивное: «Аже девка восхоцеть замуж, а отец и мати не дадут, а что сотворить, епископу в вине отец и мати. Тако же и отрок» [13; 114]. Из приведенных статей видно, насколько велика была родительская власть над детьми.

Функция воспитания и образования детей лежала на старшем поколении и на всей семье в целом, а не только на родителях. Поскольку детей в патриархальной семье было много, образование осуществлялось коллективно. В патриархальной семье все ее члены были подчинены патриарху и равны друг другу; восставать против его авторитета они могли только все вместе. В России патриархальный тип семьи достиг расцвета в период господства «Домостроя». Этот документ с XVI до XVIII века регулировал частную жизнь россиян. Воспитание детей рассматривается в нем как особая, специфическая и важная отрасль домашнего хозяйства, тесно связанная с целостным семейным бытом. Влияние идей, зафиксированных в «Домострое», прослеживается не только в XVII, но и в последующих XVIII–XIX веках, а в старообрядческой среде эта книга продолжала оставаться руководством по домашнему воспитанию и образованию детей и в XX веке.

«Домострой» провозглашал священной обязанностью родителей воспитывать детей и

контролировать как весь ход их образования, так и необходимость подготовки к жизни вплоть до их женитьбы и обзаведения своим хозяйством. Согласно традиции, «Домострой» провозглашает разделение обязанностей в деле воспитания детей между отцом и матерью по половозрастному принципу. На первое место ставятся задачи нравственного воспитания, прежде всего религиозного. Большое значение составитель «Домостроя» придает проблеме взаимоотношения родителей с детьми, понимаемой как важнейшее условие правильного воспитания. Определенное внимание уделено методам и приемам формирования подрастающего человека. Следует отметить, что в историко-педагогической литературе, да и в учительской и родительской среде сложилось ложное представление о жестокотности в отношении к детям в древнерусской семье, что вызвано тенденциозным подбором цитат и своеобразным их толкованием. Исследователи чаще всего цитируют главу 51 «Како дети своих воспитати во всяком наказании и страхе божиим». Слово «наказание» сегодня имеет только отрицательную коннотацию, хотя до XVII века включительно его корень «наказ» означал «поучение» (например, «наказуи ему добро»). «Наказывай сына своего в юности его, и упокоит тебя в старости твоей» [4; 135]. «Домострой» требовал взаимной любви, христианского милосердия как родителей к детям, так и детей к родителям. Крайности физических мер воздействия и со стороны родителей, и со стороны детей явно преувеличены, что вызвано его художественной, а не научной природой. В то же время нельзя впадать и в другую крайность, совершенно отрицая применение физических наказаний детей как народного метода воспитания. Как известно, метод физических испытаний подростков и юношества имеет длительную историю и восходит к некоторым ритуалам инициаций первобытной эпохи (проверка на выносливость, умение переносить тяготы охотничьей жизни и пр.). В средневековой России физическое воздействие, безусловно, осмысливалось как средство воспитания христианской морали. Однако применять его рекомендовалось как средство чрезвычайно тонкое и даже деликатное. В формуле «наказывай смолodu детей своих» в первую очередь подразумевается словесный наказ. Наказание «битьем» – крайнее средство, применяемое, когда уже весь арсенал народно-педагогических воздействий исчерпан. Для нынешнего родителя домостроевская методика весьма поучительна: во-первых, необходимо тщательно изучить проступок, наказывая не по прихоти своей, а лишь по «вине и обыску», во-вторых, нужно наказывать, не унижая человеческого достоинства ребенка, «не пред людьми, на едине», в-третьих, осуществлять физическое воздействие лишь в спокойном, разумном состоянии, «бережно бить

и разумно... милостиво наказывать», в-четвертых, сопровождать физическое воздействие словесным наказом, разъяснением, сочувствуя ребенку: «...да примолвить и пожаловать, а никак не гневаться...» Мы видим, что физическое наказание рекомендуется как крайнее, методически чрезвычайно тонкое средство, превосходящее по своей гуманности то, что мы не так уж редко наблюдаем в современной семье.

Подобные советы, вероятно, по-разному трактовались каждым главой семьи, и некоторые родители при наказании детей не знали меры. Несмотря на то что почтение к родителям внушалось законом, обычаями и церковью, деспотический характер родительской власти иногда приводил к обратным результатам. Н. И. Костомаров писал: «Зато и дети, раболепные в присутствии родителей, с детства приучались насмехаться над ними вместе со сверстниками из слуг...» [5; 206].

Согласно регламентации семейной жизни по «Домострою», власть главы внутри семьи была практически неограниченна. Отец мог женить или выдать замуж детей против их воли, чем иногда доводил их до самоубийства [10; 194]. Злоупотребления родителей, по свидетельству историков, доходили до того, что иные отцы, соблазнившись деньгами, продавали себя с женами, детьми и со всем потомством, которые жили потом в неволе за родителей.

В традиционной патриархальной российской семье дети только в лице родителей могли видеть защитников своих интересов, что поддерживалось и законом. Наряду с этим предусматривалось, что родители в отношении неповинующихся детей имели право применять домашние исправительные меры. В случае их безуспешности родители были властны: детей в возрасте 10–17 лет отдавать в воспитательно-исправительные заведения; детей обоего пола, не состоящих на государственной службе, за упорное неповиновение родительской власти, развратную жизнь и другие явные пороки – заключать в тюрьму посредством официальных властей [11; ст. 165].

Предпосылки защиты детей от злоупотреблений со стороны родителей существовали уже тогда, прежде всего в связи с необходимостью соблюдения общечеловеческих норм. Тем не менее прямое упоминание о правах детей в семье было нехарактерно. Обязанности детей любого возраста состояли в оказании родителям почтения и покорности, служении им, терпеливом отношении к их увещаниям и почтении их памяти после кончины. Явные конфликты между поколениями в семье считались недопустимым явлением, порицались общественным мнением и энергично подавлялись не только семьей, но и государством, причем чаще всего в пользу старших.

Описывать древнерусскую модель отношения родителей к детям как исключительно

деспотическую было бы ошибочно. На взгляд современного педагога, врача-педиатра или просто родителя многое в воспитании детей в средневековом обществе было вопиющим нарушением санитарных и педагогических норм, но даже Л. Демоз, американский исследователь эволюции детства, нарисовавший чрезвычайно яркую и поистине ужасающую картину истории детских страданий, должен был признать, что этой совершенно неправильно ориентированной заботы часто было достаточно, чтобы вырастить ребенка [3; 29]. Следует отметить, что детство как культурный феномен обычно соответствует характеру эпохи, и практика регулярных телесных наказаний и запугивания детей выполняла функцию подготовки ко взрослой жизни. Возможно также, что средневековые жестокости были в свое время меньшим злом, которым предотвращалось зло большее, сокрытое от современного человека. Если сравнить древнее и современное общества, то и здесь выводы могут оказаться совсем неоднозначными. Неизбежная жестокость сохраняется, меняются только ее формы. Постиндустриальное общество требует от родителей неусыпной заботы о младенце, но терпимо относится к контрацепции и абортам.

Согласно интерпретации французского ученого Ф. Арьеса, для эпохи Средневековья характерно отсутствие представления о детстве как об особом периоде жизни человека [1]. По мнению академика Д. С. Лихачева, подобная ситуация существовала и на Руси: «Для летописца не существует “психологии возраста”» [7; 30]. В древнерусской духовной живописи детей изображали как маленьких взрослых [9; 307], уменьшая тела без изменения пропорций, на их ликах лежит отпечаток недетской серьезности и понимания. В лучшем случае к детству относились как к некому истоку качеств взрослого человека.

Со времени правления Петра I домостроевский уклад жизни начал трансформироваться. Возросло подчинение воспитания и образования молодежи государству. Оно отделило молодых от старшего поколения пропастью светского образования. Очевидно, переход от православного семейного уклада к западному образцу противопоставлял семейные ценности и нормы поколений, способствуя открытым и, возможно, даже в чем-то одобряемым государством конфликтам между ними. Ибо в такой ситуации межпоколенческий конфликт способствовал общественным и государственным инновациям. Тем не менее способы взаимосвязи поколений в семье и передачи социального опыта были строго определены и неизменяемы. В традиционной патриархальной семье сложилась культура межпоколенческих отношений постфигуративного типа. Согласно нормам такого общества, под межпоколенческим конфликтом понималось главным образом неповиновение потомков тра-

диционным устоям семейной жизни. Этот конфликт считался дисфункциональным процессом, поэтому строго пресекался и карался. Его возникновение оправдывалось только тогда, когда традиционные ценности и нормы, передаваемые старшим поколением младшим, противоречили социальным нововведениям или иным способом нарушали социальный порядок.

В индустриальном обществе произошли многообразные и существенные социальные трансформации, коснувшиеся как института семьи, так и межпоколенческих отношений. На протяжении XIX века постепенно формировалась новая модель семьи – эгалитарная, преобладающая в настоящее время в современных развитых странах и в России. В такой семье значительно изменились структура, функции, отношения между полами, поколениями и родственниками. По мере развития государства и индустриализации хозяйства некоторые институты общества стали «перехватывать» у семьи ее традиционные функции: воспитательную, образовательную, защитную, досуговую, хозяйственно-бытовую. Женщины были вовлечены в общественное производство, что частично превратило детей и стариков из объекта семейной защиты в объект общественного попечения. Усложнение производства способствовало тому, что старшее поколение перестало быть главным учителем. Социальная мобильность увеличилась, и дети могли менять профессию, место жительства, убеждения.

Одна из отличительных особенностей взаимодействия поколений в отечественной семье – наличие советского опыта межпоколенческих отношений. По сравнению с досоветским периодом в советской семье взаимодействие поколений резко изменилось. В семье ослабела приватность; общественному воспитанию подрастающего поколения отдавался приоритет над семейным. По отношению к членам семьи государство проявляло патернализм, возросло его вмешательство в частную жизнь граждан.

В XX веке во всех развитых странах сокращается роль родителей в социализации детей. Значительную часть этой функции берут на себя школа и средства массовой информации. Часто в школе детям прививаются иные ценности и нормы, чем принятые в их семье. Методы воспитания в школе также вступают в противоречие с домашними. Это стимулирует новые причины межпоколенческого конфликта – противоречия между первичной и вторичной социализацией.

Современные СМИ содействуют развитию поколенческих связей, снижая роль иных коммуникативных средств (устного общения, чтения книг и пр.). Сами новейшие коммуникативные технологии для организации межпоколенческого взаимодействия, безусловно, прогрессивны, но принципиальное значение имеет содержание информации. При этом СМИ выступают мощ-

ным инструментом социализации личности, соперничающим с влиянием родителей.

Во всех индустриально развитых странах в настоящее время на семейную организацию влияют изменения в обществе. Глобализация трансформирует взаимодействие поколений. Сегодня во всех частях мира, где народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникает общность опыта, которого никогда не было и не будет у старших. По определению М. Мид, это префигуративный тип культуры, в которой старшее поколение не увидит в жизни молодых повторения своего опыта [8; 361]. Молодежь в основном владеет современными компьютерными технологиями, в том числе коммуникативными, а среднее и тем более старшее поколения – далеко не всегда.

В постсоветской России тотальное государственное регулирование социальной жизни сменилось бесконтрольностью, породившей моральную деградацию общества. Воспитание молодежи полностью передано на усмотрение семей, среди которых есть те, которые не готовы к этому. Государство и общественность пока не занимают активную созидательную позицию в судьбе новых поколений. Все это способствует межпоколенческому конфликту в семье, которая так же, как и общество в целом, оказалась в состоянии кризиса.

Отметим существование ряда факторов, сдерживающих межпоколенческий конфликт, разрушающий семейные отношения. Общественное и семейное воспитание и образование основаны на приоритете общечеловеческих ценностей и осуждают конфликты в семье и пренебрежительное отношение к близким. Общий уровень

развития культуры современной цивилизации ориентирован на гуманное и толерантное отношение к людям, особенно к родным. Детям необходима помощь родителей при получении образования и профессии, трудоустройстве и продвижении по службе, создании семьи, обустройстве собственным жильем и т. д. Всегда востребован опыт родных людей, их моральная и материальная поддержка.

Подчеркнем, что детство является традиционным и одним из наиболее важных предметов социально-антропологического и культурно-филозофского изучения культур прошлого и настоящего. Оно представляет собой одну из центральных проблем современной антропологии, решение которой лежит в сфере междисциплинарных исследований [2; 205].

Представляется, что русская культурная традиция порождает особый, радикальный тип межпоколенческих взаимоотношений. Ю. М. Лотман полагает, что русская культура «осознает себя в категориях взрыва» [6; 112]. Он выделяет динамику бинарных и тернарных структур. Тернарные структуры сохраняют определенные ценности предшествующего периода, стремятся приспособить идеал к реальности. Для бинарных структур характерно стремление осуществить на практике неосуществимый идеал путем полного уничтожения всего существующего как «порочного». В цивилизациях западного типа – тернарных – взрыв разрывает лишь часть пластов культуры. В бинарных структурах, характерных для российской культуры, моменты взрыва могут разрывать цепь непрерывных последовательностей, что ведет к глубоким кризисам и коренным обновлениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арьес Ф. Возрасты жизни // *Философия и методология истории* / Общ. ред. и вступ. ст. И. С. Кона. М.: Прогресс, 1977. С. 216–244.
2. Белик А. А. Психологические направления в этнологии США. От исследования «культура-и-личность» к психологической антропологии // *Этнология в США и Канаде* / Под ред. Е. А. Веселкина, В. А. Тишкова. М.: Наука, 1989. С. 190–240.
3. Демоз Л. Эволюция детства / *Психоистория*. Ростов н/Д: Феникс, 2000. 512 с.
4. Домострой по Коншинскому списку и подобным, подготовка текста А. Орлова. Кн. 1–2. М.: Синодальная типография, 1908–1910.
5. Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М.: Республика, 1992. 301 с.
6. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 272 с.
7. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 2006. 202 с.
8. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 429 с.
9. Пушкарева Н. Л. Мать и материнство на Руси (X–XVII вв.) // *Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени* / Под ред. Ю. Л. Бессмертного; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Рос. гос. гуманит. ун-т. М.: РГГУ, 1996. С. 305–341.
10. Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт / Отв. ред. В. В. Покишевский. М.: Наука, 1978. 327.
11. Свод законов Гражданских. Т. 10. Ч. 1. Пг., 1914. Ст. 165.
12. Церковный устав св. Владимира (пространная редакция) // *Мрочек-Дроздовский П. Н. История русского государственного права до конца XVII столетия. Приложение 1*. М., 1892. С. 290–298.
13. Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М.: Наука, 1989. 232 с.

ОЛЬГА ВИКТОРОВНА ПЧЕЛИНА

кандидат философских наук, доцент кафедры социальных наук и технологий факультета социальных технологий, Марийский государственный технический университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация), докторант кафедры философии, Московский педагогический государственный университет (Москва, Российская Федерация)
opchelina@yandex.ru

«ГРЯДУЩИЙ ХАМ» И «ОКАЯННЫЕ ДНИ»: МЕРЕЖКОВСКИЙ И БУНИН О ЛИЧНОМ И СОЦИАЛЬНОМ

Статья посвящена анализу произведений «Грядущий Хам» Д. Мережковского и «Окаянные дни» И. Бунина, в которых отражены взгляды авторов на революционные события и которые являются документальными свидетельствами эпохи, источниками для осмысления социальных действий и представлений о судьбе России в XX веке.

Ключевые слова: «Грядущий Хам», «Окаянные дни», социальная катастрофа, религиозная революция, интеллигенция

Совместное упоминание имен Дмитрия Сергеевича Мережковского и Ивана Алексеевича Бунина ассоциируется, как правило, с историей о «нобелевской гонке» между двумя известными писателями – представителями русского зарубежья. Выдвинутый в 1914 году академиком Н. А. Котляревским номинантом на Нобелевскую премию, Д. Мережковский вошел в историю «нобелианы» как третий кандидат после Л. Толстого и А. Кони. В период с 1923 по 1933 год главным конкурентом Д. Мережковского был И. Бунин, который в конечном итоге и получил звание нобелевского лауреата. Кроме этого ставшего историческим обстоятельства общим местом для мыслителей стало их отношение к революции, большевизму и общественно-политическим настроениям, которые так или иначе были связаны с революционными событиями в царской России.

«Грядущий Хам» Д. Мережковского (1905–1906) и «Окаянные дни» И. Бунина (1918–1919) представляют собой важные «биографические страницы» личной и общественной жизни, отразившие динамику и тенденции общественного развития страны, без учета которых полноценное изучение творческого наследия авторов и российской истории представляется невозможным. За описанием своих личных переживаний и размышлений о «духовной ситуации эпохи» (К. Ясперс) обнаруживается совпадение авторов в оценках политических лидеров революционной эпохи и социальной роли интеллигенции, в отношении к проблеме насилия и свободы, социальной подоплекой которых стали бесконтрольность и вседозволенность. Оба мыслителя выражали озабоченность грядущими социальными катастрофами и их последствиями, деградацией личности и морали, размышляли о возможных альтернативных вариантах спасения России. Если Мережковский в метафорической

формуле «грядущий Хам» высказался о возможных последствиях событий, то Бунин, комментируя современную политическую ситуацию («окаянные дни»), констатировал пришествие этого «Хама». Как Мережковского, так и Бунина не покидало ощущение наступившей национальной катастрофы. При этом независимость авторских оценок друг от друга не вызывает сомнения: в своих дневниковых записях поэтесса З. Гиппиус, жена и единомышленник Д. Мережковского, отметила, что «с таким большим писателем, как Бунин, мы до Парижа не были знакомы лично вовсе» [4; 301].

Знакомство писателей состоялось осенью 1920 года и переросло в близкие отношения: семья вместе проводила летние месяцы в Германии и Франции, Мережковские присутствовали на венчании И. Бунина и В. Муромцевой. Несмотря на некоторое охлаждение в частном общении, связанное с различными творческими установками писателей и напряженной ситуацией с получением Нобелевской премии, литературные знаменитости сохранили доброжелательные отношения на долгие годы [19].

«Идеолог русского символизма» Д. Мережковский и «политический вождь русской эмиграции» И. Бунин поставили перед собой задачу: описывая личные впечатления, подчас слишком эмоциональные, дать социально-политическую и нравственно-философскую оценку происходящего. Катастрофизм мировосприятия, вызванный близостью наступления социального апокалипсиса, был присущ многим символистам. С приближением революционных настроений подобные взгляды получили политическую окраску. Историк русского зарубежья С. А. Левицкий отмечал, что «в контраст Брюсову, который приветствовал появление новых варваров в своем известном стихотворении “Грядущие гунны”», Д. С. Мережковский проклинал их как

«носителей новых катастроф», используя при этом известные предсказания революции в романе Достоевского «Бесы» [9; 275].

Возможно, словосочетание «грядущий Хам» возникло как реакция на брюсовских «Грядущих гуннов», но не исключено также влияние стихотворения Г. Спенсера «Грядущее рабство», изданного в Петербурге в 1884 году [10; 338]. Сам автор впервые указал на библейский источник метафоры «хамства» в цикле «Маленькие мысли» (1912), процитировав строки из ветхозаветных «Притчей Соломона»: «Что такое “хам”? Земля трясется и не может вынести раба, когда он делается царем». Статья «Грядущий Хам» в первоначальном варианте вышла в свет в третьем номере еженедельника «Полярная звезда» (1905). Обличая мещанство, европейский рационализм, Д. С. Мережковский предупреждал против «худшего из всех рабств – мещанства, и худшего из всех мещанств – хамства, ибо воцарившийся раб и есть хам, а воцарившийся хам и есть чорт... – грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам» [12; 43]. Новая редакция «Грядущего Хама» (1906) представляла собой объединение текстов двух статей – «Мещанство и русская интеллигенция» и «Грядущий Хам».

Прогнозируя противоречивые отзывы современников, З. Гиппиус прокомментировала позицию автора, отметив, что Д. С. Мережковский нередко «шел против общего течения (или стояния), и его статьи вроде “Грядущего Хама” вызывали самые разнородные отклики» [4; 154].

Положительной можно назвать рецензию В. Брюсова «Чорт и Хам», в которой отмечалось, что разоблачение пошлого, посредственного и серого является свидетельством верности автора братству «людей истинной культуры» и создает почву для сотрудничества. В положительном ключе оценил статью и А. Белый, написав, что Мережковский показал «картину современности, нарисованную столь ярко в “Грядущем Хаме”».

В целом же оценка работы была отрицательной: критики отмечали излишний социальный пессимизм автора, явное преувеличение опасности, сомнения в творческих возможностях демократии. Так, Ф. Сологуб назвал хамство «грязным пережитком старого строя», высказал мысль о том, что хамство «не приходит, а уходит», и обвинил Мережковского в страхе перед будущим [8; 192]. Р. В. Иванов-Разумник выразил отрицательное отношение уже в названии статьи – «Клопные шкурки», Н. Минский высказался о том, что автор «Грядущего Хама» посягнул на достоинство революционного рабочего.

Продолжая акцентировать внимание на «разнуждании хаоса» в статье «Мистические хулиганы» (1908), сам Д. С. Мережковский отмечал: «Я говорил некогда о Хаме грядущем: боюсь, что скоро придется говорить о пришедшем Хаме» [13; 114].

Вернувшись летом 1908 года после трехлетней эмиграции в Петербург, Д. Мережковский обнаружил, что «ничего не убавилось и не прибавилось», «ничего не произошло», только усилилось «чувство конца». За «печатью смерти» на лице родного города Мережковский увидел трагедию времени, народа, страны, высказав свои мысли в сборнике статей под названием «Больная Россия» (1910). Статья «Еще шаг Грядущего Хама» (1918) продемонстрировала реакцию Мережковского на явление футуризма [15], а октябрьские события 1917 года только усилили его опасения: «Торжествующая русская демократия открыла дверь перед “царем-народом”, и вошел Торжествующий Хам» [14; 209].

С мнением Д. С. Мережковского о футуристах солидаризировался поэт А. Белый: «Томагавк “грядущего Хама” грозит Джоконде», свои выводы о победе «великой социальной революции» сделал М. А. Булгаков в эссе «Грядущие перспективы» (1919). В «Окаянных днях» (1918–1919) И. А. Бунин признал, что наступило время «поголовного хама и зверя», тем самым подтвердив высказывания Д. Мережковского.

«Окаянные дни» представляют собой дневниковые записи, ведущие свой отсчет с 1 января 1918 года и освещающие первые послереволюционные годы в России. Назвав окаянными дни революции и Гражданской войны, И. А. Бунин выразил свое резко отрицательное отношение к Октябрьской революции 1917 года. «Окаянный» созвучно библейскому имени Каин, человеку, который первым на Земле пролил родную кровь, тем самым осквернив весь людской род и породив ненависть человека к человеку. В русском обществе окаянными называли нечестивых, преступных, преданных всеобщему поруганию, грешников.

«Окаянные дни», в отличие от «Грядущего Хама», печатались с большими перерывами в период 1925–1927 годов в парижской газете «Возрождение». На родине автора дневник был опубликован только в восьмидесятые годы. Оценка советскими исследователями творчества И. А. Бунина была неоднозначной. При публикации в «Литературном обозрении» были сокращены выпады в адрес Ленина, некоторые критики не придавали должного значения или попытались обойти вниманием «Окаянные дни». Так, А. Ниннов отметил, что «Окаянные дни» с художественной стороны не представляют никакой ценности: «Нет здесь ни России, ни ее народа в дни революции. Есть лишь одержимый ненавистью человек. Эта книга правдива лишь в одном отношении – как откровенный документ внутреннего разрыва Бунина со старой либерально-демократической традицией» [3; 264]. О. Михайлов сравнивал автора с юродивым, который, «шевелия вершинами, под звон дурацкого колокольчика иступленно кричит хулы... проклинает революцию» [17; 187]. К 120-летию со дня рождения писателя в

общественно-политическом журнале «Слово» (раздел «Неизвестный Бунин») прозвучало, что это были «пророческие мысли незабвенного Бунина, не дрогнувшего произнести высокую правду об Октябрьской революции и ее вождях», а также приведено мнение М. Алданова, считавшего, что в «Окаянных днях» есть лучшие страницы из всего написанного русским писателем.

«Грядущий Хам» и «Окаянные дни» соотносились авторами с общественно-политической ситуацией в России, поэтому оценку этих произведений можно признать яркой иллюстрацией идейных установок отдельных критиков и индикатором социального самочувствия и политических настроений общества в целом.

Размышления над историческим бытием обостряются, как правило, в критические, переходные периоды в жизни общества. Начало XX века совпало с глобальными потрясениями в российской истории, которые выразились в событиях трех русских революций и Первой мировой войны, событиях, которые стали переломным и решающим моментом в духовных судьбах многих русских людей. Чувство сопричастности авторов к данным историческим событиям, их хронологическое отражение (дневниковая форма) придают написанному особую ценность. В связи с этим представляется, что исследуемый материал вполне уместно дополнить работами, так или иначе отражающими социально-политические и духовные воззрения Мережковского и Бунина. Цикл статей «Большая Россия» (1908–1910), написанный Мережковским после «Грядущего Хама», как нельзя более точно дополняет сказанное им ранее, в то время как в Дневнике (1917–1918) Бунина, предваряющем «Окаянные дни», уже отчетливо просматриваются антиреволюционные настроения.

Предупреждая о возможных последствиях (Мережковский) и комментируя результаты (Бунин), мыслители едины в том, что, начавшись под лозунгом всечеловеческих ценностей и справедливости, претендуя на закономерный итог исторического развития страны, российские революционные события вылились в насилие, классовую борьбу, диктатуру и тоталитаризм.

Исследуя природу революции, Д. С. Мережковский обращается к истории и приходит к заключению, что все революционные перевороты – политические и социальные – были внешними, поверхностными, мнимыми, начиная с освобождения, заканчивались своей противоположностью – порабощением. Раскрывая сущность революции, Д. С. Мережковский обращает внимание на идею классовой борьбы, поскольку «именно эта идея... вплоть до всемирной войны междоусобной, поглощающей все войны международные», является «единственно желанной и действительной» в революционном развитии. Два класса – это два духа, борьба двух

«антиномий метафизических», которая, по Мережковскому, будет безысходной и бесконечной, поскольку единственная цель междоусобной войны – истребление. Общественно-политические события 1905 года подвергли сомнению представления Д. С. Мережковского о благородных намерениях пролетариата.

Обозначив революцию как тип социального действия без санкций и гарантий, охарактеризовав русскую революцию как социальную распущенность и хулиганство, беззаконие, автор «Окаянных дней» записал о революционных временах: «...бьют и плакать не велят» [2; 231].

Анализ революционных событий в разных странах позволил И. Бунину сделать вывод: «...как они одинаковы, все эти революции!»; хаос, «бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана» являются характерными чертами всякой революции. Признаки «одинаковости» виделась автору также в стремлении создать «бездну новых административных учреждений», учредить многочисленные комитеты, союзы, партии, открыть «водопад» декретов, циркуляров, увеличить число комиссаров – «непременно почему-то комиссаров» и «вообще всяческих властей» [2; 126].

«Новые господа» жизни, по мнению Бунина, грубы, жуликоваты, недалеки, невежественны, но именно такие и выживут благодаря своей неразборчивости в выборе жизненного идеала и средств для достижения цели. Не вызывали оптимизма у автора и «вчерашние кухарки», которые должны были управлять страной, а участие в русской революции «уголовной» стихии не принималось категорически: «...напустили из тюрем преступников, вот они нами и управляют, а их надо не выпускать, а давно надо было из поганого ружья расстрелять» [2; 108].

Именно против этого и предостерегал в свое время автор «Грядущего Хама»: приравняв мещанство к хамству, Мережковский увидел у «грядущего на царство» российского мещанина «три лица». Первое, «настоящее», – «лицо самодержавия», отделяющее русский народ от интеллигенции и церкви; второе, «прошлое», – лицо православия: церковь, подчинившаяся царизму; третье, «будущее», – «лицо хамства, идущего снизу – хулиганства, босячества, черной сотни». Согласно автору, именно «третье лицо» является самым страшным из всех [12; 43].

Новый режим, связанный с приходом к власти низов, ассоциировался у обоих мыслителей с проявлением вседозволенности. В связи с этим особенно остро встает вопрос нравственной составляющей революции, темы насилия, «противоестественной свободы от всего», произвола, распущенности, когда «наследники колоссального наследства» – босяки – афишируют зверства под идеей осуществления «гнева низов, жертв социальной несправедливости» [2; 171].

Лейтмотивом «Грядущего Хама», «Окаянных дней» и дневников писателей является вопрос о ценности человеческой жизни. Если возмущение бедных чревато социальной нестабильностью, то возмущение среднего класса гораздо опаснее: для него становятся необъяснимыми многие привычные явления жизни. Он может озлобиться, замкнуться или проявлять явные пороки, и тогда «в человеке просыпается обезьяна» (Бунин), «сердце человеческое» превратится в «сердце звериное», и сущностью такого нового тела станет «Великий Хам» (Мережковский).

Повальным сумасшествием называет Бунин состояние, в котором пребывает общество: «...на лице рабочего играет злая и веселая улыбка, пренебрежение», «раньше, чем немцы придут, мы вас всех перережем, – холодно сказал рабочий и пошел прочь», «на Петровке монахи колют лед. Прохожие торжествуют, злорадствуют...», слуга Андрей, который прослужил почти двадцать лет, «всегда был неизменно прост, мил, разумен, вежлив, сердечен к нам. Теперь точно с ума спятил. Служит еще аккуратно, но, видно, уже через силу, не может глядеть на нас... весь внутренне дрожит от злобы...» [2; 89–93].

Мыслители солидарны в том, что если общество культивирует «человека бунтующего» и использует его, то и человек может использовать общество для достижения своих утилитарных целей. Зерна, брошенные в подходящую почву, непременно взойдут. Результатом такого «посева»-предостережения может служить описанная Ж. П. Сартром «свободно тотализирующаяся группа». В отличие от «коллектива» – собрания индивидов, единых в своем приспособлении к обществу и детерминистскому оправданию поступков, «свободно тотализирующаяся группа» действует во время событий, связанных со штурмами, получает возможность «отбросить благоразумие», «быть самими собой» и «жить полной жизнью». Революция при этом выглядит политически оформленной оргией [20]. Понимая революцию не как «праздник истории», а как действие, связанное с насилием, кровопролитием и уничтожением культуры, как неизбежное зло, и Мережковский, и Бунин отрицательно относились к эстетизации революционной практики, что было характерно для позиции В. Брюсова, А. Блока, А. Белого и других «коллег по цеху». Авторы высказывали опасение, что революционная стихия выйдет за пределы России и отзовется новыми социальными и вооруженными потрясениями в Европе. «Поджог Европы» грозит миру от «пожара» русской революции, предупреждал Мережковский, он «ругательски ругался» на большевиков – «трупов войны», демократов, нигилистов, анархистов и называл идеализм, реализм, плюрализм и все остальные «засушенные измы» «вечным бунтом вечных рабов» [5; 118].

Особое место в размышлениях писателей занимает тема интеллигенции и ее роли в социально-политических событиях. На вопрос «Кто виноват?» Бунин отвечает, что народ, при этом большую часть вины за происходящее возлагает на интеллигенцию. Опираясь на историю, Бунин определил, что интеллигенция во все времена провоцировала народ на баррикады, при этом сама оказывалась неспособной организовать новую жизнь.

Называя интеллигенцию «выразительницей живого духа России», Мережковский высказывает мысль о «*новой идее*», которая соединила бы интеллигенцию, церковь и народ для борьбы с хамством. Реализацию такой идеи Д. С. Мережковский видит в соединении религиозного и общественного возрождения: «Ни религия без общественности, ни общественность без религии, а только *религиозная общественность* спасет Россию» [12; 13].

Считая русскую интеллигенцию воплощением «*intellectus'a, разума, сознания России*», Д. С. Мережковский полагал, что интеллигенция должна прийти к религии, перестать быть только интеллигенцией и стать «Разумом Богочеловеческим», частью «вечной, вселенской Церкви Грядущего Господа», и определил задачу интеллигенции, состоящую в ответственности за судьбу России и сохранении русской культуры. «Хама грядущего победит лишь Грядущий Христос», – таков финал размышлений Мережковского.

В конечном итоге оба мыслителя уповали на религиозную, духовную составляющую изменения общественного строя и ведущую роль в этом процессе отводили русской интеллигенции. В отказе от государственного насилия и переходе к религиозной общественности, «от власти человеческой к власти Божьей», Мережковский видел решение социальных проблем. Именно такой путь способствовал преобразению общества, а социальная революция имела смысл лишь при условии одновременно и религиозной революции, а точнее, их слияния, единства. Идея «слить неслиянное» – революцию и религию – не вызвала симпатий у современников, однако в предсказании Мережковского «воцарившийся раб и есть хам» содержалась «глубокая истина, объясняющая механизм зарождения и укрепления “бациллы тоталитарности”» [7; 180].

Бунин также констатирует, что свержение старого режима было осуществлено «ужасающе», а интернациональное знамя, поднятое над страной «взамен синайских скрижалей и Нагорной проповеди, взамен древних божеских уставов», расценивает как «нечто новое и дьявольское». В связи с этим представляется логичным завершение «Окаянных дней» следующими словами: «Часто заходим в церковь, и всякий раз восторгом до слез охватывает пение, поклоны священнослужителей, каждение, все это бла-

голешие, пристойность, мир всего того благого и милосердного, где с такой нежностью утешается, облегчается всякое земное страдание. И подумать только, что прежде люди той среды, к которой и я отчасти принадлежал, бывали в церкви только на похоронах!..» [2; 243].

Многие русские мыслители, поэты, художники предсказывали революционный переворот в России, но одно дело приветствовать грядущие потрясения, другое – суметь ощутить себя внутри этих событий, реально оценить настоящее и спрогнозировать будущее. Два неординарных и творчески независимых человека смогли не только «действительно прозирать в жизни ее трагическую закономерность» (С. Булгаков), но и осознать всю сложность поставленных ими проблем. Нет необходимости говорить о том, что при кажущейся иногда непримиримости оценок и суждений опасения Мережковского и Бунина

в определенной мере оказались пророческими и проявились в реальных событиях, когда «грядущий Хам» воистину оказался «пришедший сам» (В. Маяковский). Заслугу Д. С. Мережковского русские мыслители увидели и в том, что он «в большевистской революции 1917 г. усмотрел признак “Грядущего Антихриста”» [6; 333].

«Грядущий Хам» и «Окаянные дни» не только заняли видное место в творческих судьбах самих авторов, но и представляют собой несомненный интерес с точки зрения «свидетелей» социальных действий. Комментарий А. Солженицына, написанный им о сборнике «Вехи», опубликованном в 1909 году, с полным основанием можно отнести и к рассматриваемым в статье произведениям: «Сегодня мы читаем ее с двойственным ощущением: нам указываются язвы как будто не только минувшей исторической поры, но во многом – и сегодняшние наши» [18; 1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бунин И. Миссия русской эмиграции (Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 г.) // Бунин И. Великий дурман. М.: Совершенно секретно, 1997. С. 126–138.
2. Бунин И. А. Окаянные дни. СПб.: Изд. группа «Азбука-классика», 2009. 320 с.
3. Василевский А. Разорение III // Новый мир. 1990. № 2. С. 264–267.
4. Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. Париж: YMKA-PRESS, 2000. 309 с.
5. Записные книжки и письма Д. С. Мережковского // Русская речь. 1993. № 5. С. 25–40.
6. Ильин В. Эссе о русской культуре. СПб.: Акрополь, 1997. 464 с.
7. Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры (теоретический очерк). М.: Наука, 1994. 378 с.
8. Корецкая И. В. Над страницами русской поэзии и прозы начала века. М.: ВЛАДОС, 1995. 380 с.
9. Левицкий С. А. Очерки по истории русской философии. М.: Канон, 1996. 495 с.
10. Мережковский Д. С. Акрополь: Избр. лит.-критич. статьи. М.: Книжная палата, 1991. 352 с.
11. Мережковский Д. С. Больная Россия. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 272 с.
12. Мережковский Д. С. Грядущий Хам // Мережковский Д. С. Больная Россия. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. С. 13–45.
13. Мережковский Д. С. Мистические хулиганы // Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М.: Сов. писатель, 1991. С. 109–115.
14. Мережковский Д. С. «Россия будет (Интеллигенция и народ)» // Дружба народов. 1991. № 4. С. 209–215.
15. Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. С. 522–560.
16. Мережковский Д. С. Еще шаг Грядущего Хама // Мережковский Д. С. Было и будет. Дневник. 1910–1914; Невоенный дневник. 1914–1916. М.: Аграф, 2001. С. 344–353.
17. Михайлов О. «Окаянные дни» Бунина: Литературная критика // Москва. 1989. № 3. С. 187–202.
18. Солженицын А. И. Образованщина // Новый мир. 1991. № 5. С. 28–46.
19. Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. М. Грин: В 3 т. Т. 2. Frankfurt am Main: Посев, 2005. 318 с.
20. Critique de la raison dialectique. Vol. 1–2. Paris, 1985.

MAREK VOCHOZKA

доктор экономических наук, преподаватель кафедры экономики и менеджмента, и. о. ректора, Техническо-экономический институт (Чешские Будейовицы, Чешская Республика)
 vochozka@mail.vstecb.cz

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДОБАВЛЕННАЯ СТОИМОСТЬ И ЕЕ ИНФОРМАЦИОННАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ДЛЯ АКЦИОНЕРОВ ПРЕДПРИЯТИЯ

В настоящее время показатель экономической добавленной стоимости (далее EVA) считается одним из ключевых показателей успеха предприятия на рынке. Тем не менее в литературе приводится несколько ее форм. Проблема заключается в том, что окончательное истолкование совершенно различных друг от друга методов расчета EVA является всегда более или менее одинаковым, несмотря на использование различных категорий прибыли и разного объема капитала (общего, инвестиционного либо собственного). Статья, таким образом, представляет анализ отдельных методов расчета EVA и их влияние на интерпретацию этого показателя на практике. На примере конкретного предприятия демонстрируется различная информационная значимость выбранных методов расчета EVA.

Ключевые слова: экономическая добавленная стоимость, средневзвешенная цена капитала, прибыль

ВВЕДЕНИЕ

Успешность предприятий принято оценивать посредством анализа деятельности финансового аппарата, показывающего финансово-экономическое положение предприятия [8]. Традиционно финансовый анализ делится на горизонтальный, вертикальный, анализ относительных показателей, к нему можно отнести и комплексный метод оценки предприятия. Информационная значимость классического финансового анализа опирается прежде всего на компетенцию и эрудицию оценщика. Для устранения недостатков анализа финансового аппарата введены два показателя: рыночная добавленная стоимость и экономическая добавленная стоимость.

Рыночная добавленная стоимость, как правило, рассчитывается по формуле: $MVA = P - BV$, где MVA – добавленная рыночная стоимость (Market Value Added), P – рыночная стоимость акций (Price), BV – балансовая стоимость предприятия или покупательная стоимость акций (Booked Value). Рыночная добавленная стоимость показывает, насколько была повышена стоимость имущества акционера. Расчет экономической добавленной стоимости и интерпретация ее результатов не являются однозначными. Существуют несколько методов ее расчета. Данный показатель учитывает как риски, связанные с предпринимательством, так и экономические (оппортунистические) затраты. Если результатом его расчета является положительное число, на рынке для акционера (а возможно, и для кредитора) не существует другой инвестиции, которая при одинаковой степени риска приносит большую прибыль.

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ

Хорошо известна методика расчета экономической добавленной стоимости, разработанная Р. Брейли, С. Майерсом и Ф. Алленом [1]. Эта же методика используется Е. Кислингеровой и соавторами. Существует два варианта расчета. Первый имеет вид [1], [2], [3], [4]:

$$EVA = NOPAT - C * WACC,$$

где EVA (Economic Value Added) – экономическая добавленная стоимость, $NOPAT$ (Net Operating Profit After Taxes) – чистая операционная прибыль после уплаты налогов, C – капитал, $WACC$ (Weighted Averaged Costs of Capital) – средневзвешенная стоимость капитала.

Чистая операционная прибыль – результат основной деятельности предприятия после уплаты налогов. Таким образом, этот показатель в меньшей степени отражает результат предприятия. С его помощью может быть сделан прогноз о будущем предприятия.

При расчете средневзвешенной стоимости капитала Р. Брейли, С. Майерс и Ф. Аллен расходятся с Е. Кислингеровой.

Расчет затрат, согласно Р. Брейли, С. Майерсу и Ф. Аллену, выглядит следующим образом [1]:

$$r_{assets} = \frac{equity}{capital} \times r_{equity} + \frac{debt}{capital} \times r_{debt},$$

где r_{assets} – средневзвешенная стоимость капитала, $equity$ – собственный капитал, $capital$ – капитал, $debt$ – заемный капитал, r_{equity} – затраты на собственный капитал, r_{debt} – затраты на заемный капитал.

Основными переменными для оптимизации капитала являются затраты на собственный и заемный капитал. Затраты на собственный капитал Р. Брейли, С. Майерс и Ф. Аллен получают при помощи модели CAPM (Capital Assessment Pricing Model) [1], [11], [9].

Е. Кислингерова предлагает иной способ расчета [11]:

$$WACC = \frac{E}{C} * r_e + \frac{D}{C} * r_d * (1 - t),$$

где E (Equity) – собственный капитал, D (Debt) – заемный капитал, r_e (rate of equity) – затраты на собственный капитал, r_d (rate of debt) – затраты на заемный капитал, t (tax) – ставка налога на прибыль, $(1 - t)$ – налоговый корректор.

Кроме переменных, которые используют Р. Брейли, С. Майерс и Ф. Аллен, Е. Кислингерова применяет так называемый налоговый щит, то есть снижение стоимости заемного капитала за счет сокращения подлежащей к уплате суммы налога на прибыль.

В работах названных исследователей отличаются методы расчета систематического риска.

Вторая модель расчета экономической добавленной стоимости является модификацией вышеизложенного. Ее отличие заключается в том, что используется другая категория прибыли.

Кислингерова определяет ее следующим образом [11], [9]:

$$EVA = EBIT * (1 - t) - C * WACC,$$

где $EBIT$ (Earnings Before Interest and Taxes) – доход до вычета налогов и уплаты процентов.

Используемая категория прибыли, в отличие от первой формулы, где был использован NOPAT, работает с доходом до вычета налогов и представляет собой финансовый ярус экономического результата без учета процентных расходов.

Совершенно иначе к данной проблеме подходят Инка и Иван Ноймайеровы, создавшие методику оценки предприятий, которую в настоящее время использует Министерство промышленности и торговли Чешской Республики. Они определили ее в пределах своего пирамидального распада INFA, называемого в специальной литературе модульным методом. Была предложена следующая формула

$$[12], [13], [14]: EVA = (ROE - r_e) * VK,$$

где ROE (Return on Equity) – рентабельность собственного капитала, r_e (rate of equity) – затраты на собственный капитал, VK (E – Equity) – собственный капитал.

Рентабельность собственного капитала получаем из соотношения: $ROE = \frac{EAT}{E}$, где EAT (Earnings After Taxes) – прибыль после уплаты налогов.

Более сложные расчеты предполагаются в случае альтернативных расходов на собствен-

ный капитал. Здесь Инка и Иван Ноймайеровы применяют следующее соотношение [12]:

$$r_e = \frac{WACC * \frac{UZ}{A} - (1 - d) * \frac{U}{BU + O} * \left(\frac{UZ}{A} * \frac{VK}{A} \right)}{\frac{VK}{A}},$$

где UZ – инвестированный капитал (собственный капитал и иностранный капитал с начисленными процентами), A (Assets) – активы, BU – банковские кредиты, O – облигации, $\frac{U}{BU + O}$ – процентная ставка.

Ведутся дискуссии о том, возможно ли к модели расчета подключать непродажные и беспроцентные ресурсы.

Средневзвешенную стоимость капитала можно получить при помощи отношения [12]:

$$WACC = r_f + r_{sc} + r_b + r_{FinStab},$$

где r_f (risk free) – безрисковая доходность, r_{sc} (risk going out of the size of the company) – функция параметров, характеризующих размер предприятия, r_b (business risk) – функция параметров, характеризующих создание продуктивных сил, $r_{FinStab}$ (risk of financial stability) – функция параметров, характеризующих отношения между имуществом предприятия и источниками их покрытия.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрим обе модели расчета EVA на примере конкретного предприятия. В качестве примера было выбрано стабильное и уважаемое транспортное предприятие ČSAD Jihotrans, a. s. Предметом его деятельности является предоставление транспортных услуг. По чешским меркам это довольно крупное предприятие, на котором занято более тысячи человек. Из бухгалтерского баланса и отчета предприятия возьмем необходимые данные для расчета. Расчет последовательно распределен на отдельные переменные по годам (2003–2009). Сравним частичную характеристику расчета. По годам сравним следующие характеристики: альтернативные затраты капитала, средневзвешенная стоимость капитала, EVA. Для каждого сравнения построим линейный график.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Согласно описанной выше методике, мы последовательно сравнили конкретные отрезки переменной и EVA. На рис. 1 показано развитие альтернативных затрат на собственный капитал компании в период 2003–2009 годов (сравнение методов).

Из рис. 1 видно, что альтернативные затраты начались в 2003 году приблизительно на одинаковом уровне (9,18–12,88 %). Однако постепенно начинается рост альтернативных затрат по методу CAPM. Согласно модульному методу, они, напротив, снижаются до уровня 131,38 %

в 2006 году. В следующем году уровень альтернативных затрат постепенно сближается, но в 2008 году снова существенно понижается (в соответствии с модульным методом). Таким образом, модульный метод в сравнении с CAPM более чувствителен к изменениям в структуре капитала.

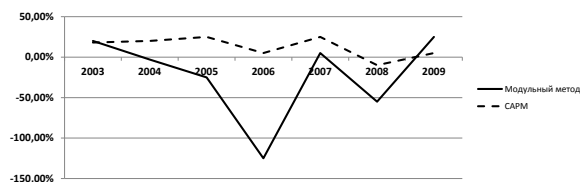

Рис. 1. ČSAD Jihotrans, a. s. – альтернативные затраты капитала

Рис. 2 отражает развитие средневзвешенной стоимости капитала компании ČSAD Jihotrans, a. s. (сравнительный метод).

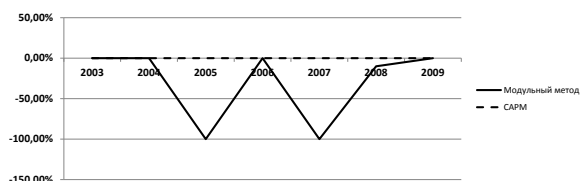

Рис. 2. ČSAD Jihotrans, a. s. – средневзвешенная стоимость капитала

Разница средневзвешенной стоимости капитала начиная с 2003 года сравнительно невелика и составляет 1 %. Тем не менее со временем колебания становятся весьма значительными. CAPM в 2005 году снижает уровень средневзвешенной стоимости капитала почти до 1041 %, а в 2007-м – до 991 %. По нашему мнению, в данном случае это происходит так же, как и в модульном методе: колебания, происходящие с определенным опозданием в соотношении заемного и собственного капитала, а по сути дела, и в общем объеме капитала. Таким образом, метод расчета средневзвешенной стоимости капитала с использованием CAPM является чувствительным к изменениям в структуре капитала компании. Это подтверждает тот факт, что, несмотря на огромные колебания, оба показателя в 2009 году вновь сходятся приблизительно на одинаковом уровне (разница составляет около 7 %).

На рис. 3 показан конечный результат применения обоих методов. Приведены расчет и временное сравнение EVA (сравнительный метод).

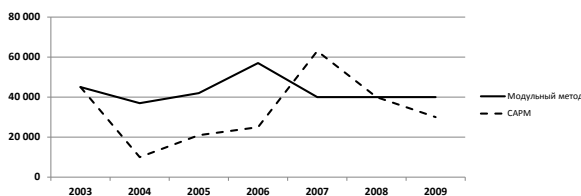

Рис. 3. ČSAD – Экономическая добавленная стоимость

Оба использованных метода расчета показали чувствительность (пусть и в иных временных моментах и иных отрезках переменных). Этому соответствует и **фактический результат**. Оба метода демонстрируют, что акционерам выгодно предоставлять компании капитал, поскольку компания оценит этот шаг выше других инвестиционных возможностей. Однако по-прежнему остается открытым вопрос, имеют ли оба метода одинаковую информационную значимость.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Из моделей Е. Кислингеровой, Р. Брейли, С. Майерс и Ф. Аллена видно, что модель CAPM для расчета альтернативных затрат можно использовать только при условии существования эффективного рынка капитала, то есть рынка, где нет барьеров для вступления на него, препятствий для трансфера капитала и т. д. В настоящий период можно с определенной степенью точности определить только рынки капитала, представленные биржами.

Безусловно, стоит отметить и использование категории прибыли. Конечно, предпочтительнее использовать чистую операционную прибыль после уплаты налогов – NOPAT. Таким образом, из расчета исключаются определенные «шумы», что приводит к абстрагированию от несущественных влияний (финансовых, если фирма не является финансовой организацией, и случайных, чрезвычайных).

В трудах Ноймайеровых [12], [13] речь идет о комбинации отраслевых показателей и показателей предпринимательской деятельности. Таким образом преодолевается ситуация, когда предприятия не торгуют своими акциями на открытых рынках. Однако это элегантное решение – затраты на капитал в данном случае находятся под влиянием собственного результата деятельности предприятия и, следовательно, по сравнению с другими такими же рискованными альтернативами являются не совсем прозрачными. Однако в условиях Чешской Республики этот метод достаточно широко используется в связи с простотой расчета и удобной интерпретацией. Что касается самого расчета EVA, то идея сравнения альтернативных инвестиций при одинаковом риске представляет расчет альтернативного расхода собственного капитала. Включение рентабельности собственного капитала (ROE) вместо абсолютной прибыли означает, что Ноймайеровы рассматривали исключительно акционеров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время EVA является наиболее предпочтительным показателем оценки деятельности предприятия, однако предлагается несколько вариантов его расчета. Их отличия заключаются в использованной категории прибыли

ли или среды, в которой определяется значение альтернативных затрат на капитал. Именно в этом состоит принципиальное различие двух самых известных подходов. Метод расчета Р. Брейли, С. Майерса и Ф. Аллена и Е. Кислингеровой предназначен прежде всего для инвесторов или

акционерных обществ, акционеров или кредиторов. Метод расчета Ноймайеровых нацелен исключительно на акционеров, предприятия и на их акционерную стоимость. Это обстоятельство должно учитываться при каждом анализе, который включает в себя EVA.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Brealey R. A., Myers S. C., Allen F. Principles of Corporate Finance. 9th edition. 2008. 976 p.
2. Čsad Jihotrans, A. S. Výroční zpráva za rok 2003. České Budějovice: Čsad Jihotrans, a. s., 2004 [Electronic resource]. Access mode: <http://www.justice.cz/xqw/xervlet/insl/getFile?listina.@slCis=300013199>
3. Čsad Jihotrans, A. S. Výroční zpráva za rok 2004. České Budějovice: Čsad Jihotrans, a. s., 2005 [Electronic resource]. Access mode: <http://www.justice.cz/xqw/xervlet/insl/getFile?listina.@slCis=300030495>
4. Čsad Jihotrans, A. S. Výroční zpráva za rok 2005. České Budějovice: Čsad Jihotrans, a. s., 2006 [Electronic resource]. Access mode: <http://www.justice.cz/xqw/xervlet/insl/getFile?listina.@slCis=300042225>
5. Čsad Jihotrans, A. S. Výroční zpráva za rok 2006. České Budějovice: Čsad Jihotrans, a. s., 2007 [Electronic resource]. Access mode: <http://www.justice.cz/xqw/xervlet/insl/getFile?listina.@slCis=300062930>
6. Čsad Jihotrans, A. S. Výroční zpráva za rok 2007. České Budějovice: Čsad Jihotrans, a. s., 2008 [Electronic resource]. Access mode: <http://www.justice.cz/xqw/xervlet/insl/getFile?listina.@slCis=300092134>
7. Čsad Jihotrans, A. S. Výroční zpráva za rok 2008. České Budějovice: Čsad Jihotrans, a. s., 2009 [Electronic resource]. Access mode: <http://www.justice.cz/xqw/xervlet/insl/getFile?listina.@slCis=300126332>
8. Čsad Jihotrans, A. S. Výroční zpráva za rok 2009. České Budějovice: Čsad Jihotrans, a. s., 2010 [Electronic resource]. Access mode: <http://www.justice.cz/xqw/xervlet/insl/getFile?listina.@slCis=300145771>
9. Kislíngierová E. Oceňování podniku. 1. Vyd. Praha: C. H. Beck, 1999.
10. Kislíngierová E., Hnilica J. Finanční analýza krok za krokem. 1. Vyd. Praha: C. H. Beck, 2005.
11. Kislíngierová E. Manažerské finance. 2004. 714 s.
12. Neumaierová I., Neumaier I. Finanční analýza průmyslu a stavebnictví za rok 2007 // Analýzy MPO. 2008. Č. 1. S. 1–187.
13. Neumaierová I., Neumaier I. (2005): Benchmarkingový model INFA [Electronic resource]. Access mode: <http://www.mpo.cz/cz/ministr-a-ministerstvo/ebita/>
14. Valach J. Investiční rozhodování a dlouhodobé financování. 2006. 465 s.

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА МАЛЬЦЕВА

кандидат экономических наук, доцент кафедры теории хозяйства и управления человеческими ресурсами факультета экономики и менеджмента, Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Орел, Российская Федерация)
Maltsevs1@mail.ru

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ МАЯТНИКОВЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается проблема реализации трудового потенциала маятниковых трудовых мигрантов на примере Орловской области – типичного представителя субъекта Центрального федерального округа. Изложены результаты проведенного социологического опроса. Раскрываются факторы, влияющие на трудовое поведение маятниковых трудовых мигрантов и качество их трудового потенциала. Ключевые слова: трудовой потенциал, маятниковые трудовые мигранты, рынок труда, регион, социологический опрос

Основными приоритетами социально-экономического развития России в настоящее время являются не только обеспечение высоких темпов экономического роста, развитие конкурентоспособного производства и инновационной экономики, но и создание условий для устойчивого развития сельских территорий, повышение сбалансированности региональных рынков труда, сохранение и рост качества трудового потенциала населения. Трудовой потенциал (ТП) традиционно рассматривается в качестве основного ресурса и главной движущей силы, которая может и должна обеспечить динамичное и эффективное социально-экономическое развитие регионов.

В современной экономической науке не существует однозначного определения категории «трудовой потенциал», вошедшей в научный оборот в конце 70-х – начале 80-х годов прошлого века. По мнению В. С. Буланова, Н. А. Волгина, Ю. Г. Одегова и ряда других ученых, появление этой категории вызвано осознанием значимости роли человеческого фактора в экономике и необходимости комплексного подхода к его изучению. Они подразумевают под трудовым потенциалом «совокупность различных качеств, определяющих трудоспособность работника, обобщающий показатель личностного фактора производства» [5; 719]. На протяжении десятков лет категория «трудовой потенциал» подвергалась многочисленным уточнениям с позиций экономистов, демографов, социологов и т. д., что в конечном итоге позволило выявить несколько подходов к ее определению: ресурсный, ресурсно-личностный, социодемографический, социопроизводственный и др.

Рассматривая существующие научные подходы, В. И. Усачев указывает, что данное понятие выходит далеко за рамки качественной характеристики трудовых ресурсов и может быть применено к экономически активному населению,

не достигшему трудоспособного возраста, а также вышедшему за его пределы. Эта категория определяется им как «развитая в данном обществе совокупность демографических, социальных и духовных характеристик и качеств трудового населения, которые реализованы или могут быть реализованы в условиях достигнутого уровня развития производительных сил, научно-технического прогресса и системы отношений, связанных с участием в процессе труда и общественной деятельности» [3].

В последние годы наметилась устойчивая тенденция исследования трудового потенциала с позиции развития отдельного предприятия, отрасли, региона (Л. М. Дудаева, А. В. Белокопытов, А. А. Белов, Ю. А. Годунова и др.). В этом случае при исследовании проблемы эффективного использования труда работников применяется, как правило, факторный подход, когда исследуется трудовой потенциал занятого населения.

Разделяя точку зрения ряда современных исследователей, определяющих трудовой потенциал как «совокупность способностей и возможностей населения, обладающего определенными качественными и количественными характеристиками, заниматься трудовой деятельностью в условиях уровня развития производительных сил, научно-технического прогресса и системы социально-трудовых отношений» [1; 36], в своем исследовании мы сводим ее до личностно-факторного уровня.

В наиболее обобщенном виде факторный и ресурсный подходы к изучению трудового потенциала во взаимосвязи с другими категориями, о которых пойдет речь в дальнейшем, представлены на рис. 1. Исходной единицей анализа трудового потенциала является трудовой потенциал работника (личный потенциал), образующий основу формирования трудовых потенциалов более высоких структурных уровней.

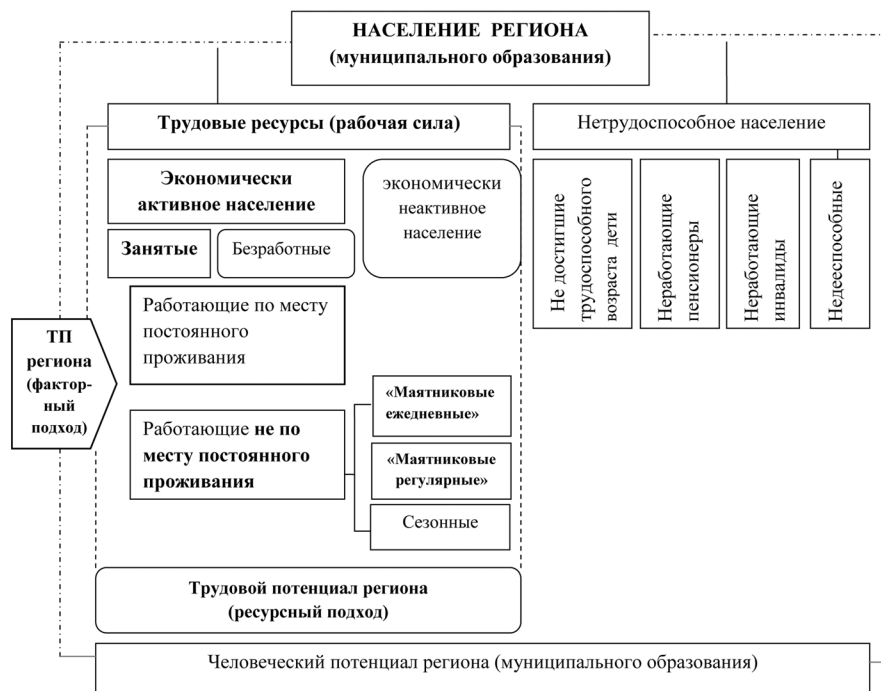

Рис. 1. Обобщенная схема личностно-ресурсного и факторного подхода к исследованию трудового потенциала региональной экономической системы во взаимосвязи с другими категориями

Трудовому потенциалу свойственна потребностная целесообразность поведения людей в практике его реализации. Степень удовлетворения потребностей человека и человеческим трудом общественного производства обеспечивает характер воспроизводства трудового потенциала страны, региона, предприятия.

Перед человеком трудоспособного возраста стоит проблема выбора способа реализации своего трудового потенциала. Выбор сферы приложения труда или желание наиболее успешной самореализации нередко связаны с переездом на новое место жительства и последующим там закреплением. Отсутствие спроса на труд в местах постоянного проживания, низкий уровень оплаты труда, отсутствие вакантных рабочих мест, рост структурной безработицы и другие факторы, как правило, влекут за собой временную трудовую миграцию, существенно увеличивают число маятниковых трудовых мигрантов.

Под маятниковой трудовой миграцией в современной науке понимается регулярное перемещение населения из одного населенного пункта (места жительства) в другой – на работу или учебу и обратно [2]. В контексте данной статьи представляется целесообразным уточнить содержание этого понятия применительно к разным категориям работников, выезжающих за пределы места постоянного проживания для осуществления трудовой деятельности.

Маятниковая ежедневная трудовая миграция (МЕТМ) предполагает занятость вне своего поселения с ежедневным возвращением в место по-

стоянного проживания. Она наиболее характерна для жителей пригородов, работающих в городе, сельских жителей, осуществляющих трудовую деятельность в районных центрах, и т. п.

Маятниковая регулярная трудовая миграция (МРТМ) – занятость вне места постоянного проживания с регулярным возвращением (периодичность может быть от нескольких дней до нескольких месяцев). Чаще всего это работа так называемым «вахтовым методом», которая связана с необходимостью поиска жилья (в случае, если оно не предоставляется работодателем) и обустройством быта по месту работы.

В последние годы число маятниковых трудовых мигрантов (МТМ) в национальной экономике существенно возрастает, что является закономерным следствием, с одной стороны, интеграционных процессов, трансформации отраслевой и региональной структуры экономики, развития транспортной и информационной инфраструктуры, с другой – слабого развития высокотехнологичных производств и высокой трудоемкостью в аграрной сфере большей части регионов страны, несбалансированностью рынка труда и другими факторами.

Статистические данные [4] свидетельствуют о том, что в настоящее время от 4 до 6 % экономически активного населения субъектов Центрального федерального округа (ЦФО) работают на территории другого района или города своего или другого субъекта Российской Федерации. Орловская область – типичный представитель аграрного региона центра России. Официальная

статистика дает те же цифры, что и в среднем по ЦФО. Однако в связи с тем что официальной регистрации такого рода перемещений не ведется, данные требуют уточнения для определения истинных масштабов МТМ в регионе, пусть и с большой долей погрешности. К сожалению, нужные нам результаты переписи 2010 года еще не опубликованы, и потому судить о количестве МТМ мы можем на основе данных территориальных служб занятости населения, осуществляющих мониторинг данного процесса, и субъективного восприятия самих маятниковых мигрантов, выезжающих на работу за пределы места своего постоянного проживания.

Удельный вес МТМ в общей численности экономически активного населения в шести районах Орловской области превышает 24 %. То есть четвертая часть населения работает за пределами того населенного пункта, в котором проживает. Причем практически во всех районах (за исключением двух, расположенных вблизи областного центра) доля трудовых мигрантов, выезжающих для работы за пределы Орловской области, выше, чем маятниковых мигрантов, работающих на территории области.

Субъективное восприятие масштабов МТМ экспертами и самими работниками практически совпадает. В ответах на вопрос «Как Вы считаете, много ли жителей Вашего населенного пункта работают за пределами места постоянного проживания?» варианты ответа «много» и «очень много» в совокупности дали 89 % МТМ и 78 % экспертов*.

Доля маятниковых трудовых мигрантов в сельских районах Орловской области, %

Показатель	8 районов (33,3 %)	10 районов (41,7 %)	6 районов (25 %)
Удельный вес МТМ, % от числа трудовых ресурсов	3–10	13–19	24–33
В том числе:			
МРТМ, %	1–6	7–16	13–27
МЕТМ, %	2–5	2–8	3–13

Остановимся более подробно на некоторых характеристиках МТМ с точки зрения составляющих трудового потенциала опрошенных нами респондентов.

По данным переписи населения 2002 года, 10 лет назад основными представителями маятниковых трудовых мигрантов в Орловской области были мужчины. В общей численности МРТМ они составляли 82 %, МЕТМ – 60 %. В числе опрошенных нами МТМ приняли участие 77 % мужчин и 23 % женщин, причем в числе МЕТМ удельный вес женщин составил уже 52 %.

Контент-анализ современных научных публикаций по вопросам трудовой миграции также дает основание предполагать, что за пределы области выезжают в большей степени мужчины, в то время как внутриобластная маятниковая

миграция не носит ярко выраженной гендерной определенности.

Возраст МТМ весьма разнообразен. В нашем исследовании самому молодому МРТМ было 19 лет, самому возрастному – 53 года. Средний возраст МРТМ составил 46 лет, МЕТМ – 37 лет. Как правило, это граждане средних лет, имеющие семью, состоящую в среднем из четырех членов у МРТМ и трех у МЕТМ. 57 % МРТМ и 67 % МЕТМ указали, что они обеспечивают свою семью совместно с другим членом домохозяйства, а 32 % МРТМ и 17 % опрошенных МЕТМ являются единственными кормильцами в семье.

Большая часть опрошенных – жители сел и малых городов (42 % респондентов указали, что проживают в городе, 21 % – в районном центре, 19 % – в деревне, 8 % опрошенных – жители областного центра). Около половины респондентов имеют высшее или неоконченное высшее образование, немногим меньше половины опрошенных – среднее специальное и около 10 % – низкоквалифицированные рабочие кадры (рис. 2).

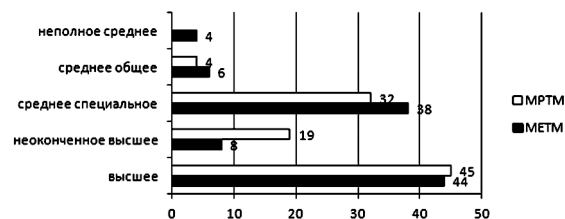

Рис. 2. Распределение МТМ по уровню образования, %

О реализации трудового потенциала мигрантов можно судить по их ответам на ряд вопросов, связанных с осуществлением ими трудовой деятельности на предприятиях различного типа собственности и в частных домохозяйствах.

Как показал опрос, наибольшее число МРТМ работают на частных предприятиях (фирмах) – 56 % (28 % – на государственных предприятиях, 7 % работают по найму у частного лица, в частном домохозяйстве), в то время как МЕТМ осуществляют трудовую деятельность преимущественно на государственных предприятиях и в учреждениях – 48 % (36 % – на частных предприятиях, 6 % – по найму у частных лиц).

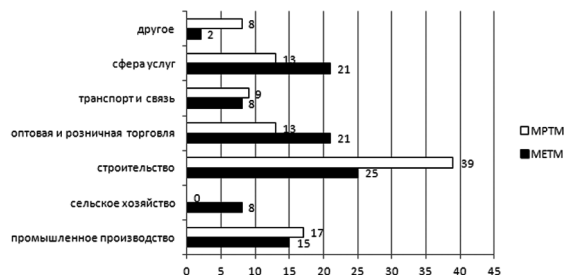

Рис. 3. Распределение МТМ по сферам деятельности, %

Названные респондентами наиболее часто повторяющиеся при ответах сферы деятельности в основном совпадают со статистикой, пред-

ставленной по результатам переписи населения 2002 года. Как и 10 лет назад, МТМ трудятся в строительстве (39 % согласно опросу и 44 % по данным Орловского отделения Росстата), в оптовой и розничной торговле (21 и 13 % соответственно), на транспорте и в связи (9 и 19 %), в сфере услуг (частные воспитатели, помощники по хозяйству, охранники) и в других сферах материального и нематериального производства (21 %).

О недоиспользовании имеющегося трудового потенциала работников свидетельствует занятость работника неполный рабочий день, выполнение работ, не соответствующих приобретенным специальностям и имеющимся у них навыкам, низкий уровень интенсивности труда, слабая мотивация работников на высокопроизводительный труд и др.

Как показал опрос, 66 % МРТМ и 25 % МЕТМ работают не по специальности, а 13 % респондентов указали на то, что выполняют работу, не соответствующую их уровню знаний и умений (рис. 4). В то же время МЕТМ в большей степени удалось повысить свой профессиональный уровень (48 %); 42 % ответили, что выполняемая ими работа никак не отразилась на их квалификации.

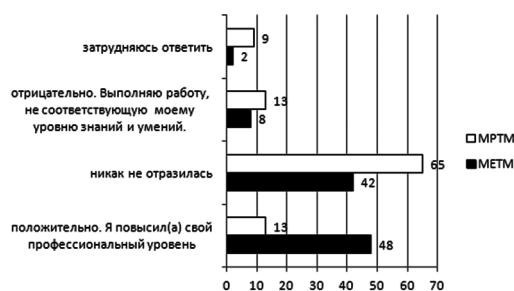

Рис. 4. Распределение ответов МТМ на вопрос «Как работа отразилась на Вашей квалификации и профессиональных навыках?»

Очевидно, внутренняя трудовая миграция не всегда оказывает положительное влияние на состояние трудового потенциала работников. Большая часть мигрантов повышает свой профессиональный уровень, приобретает опыт работы. 5 % респондентов отметили, что одним из отрицательных моментов выездной деятельности является снижение социального статуса.

На вопрос о том, насколько полно используются их силы и способности в настоящее время, респонденты ответили следующим образом: 39 % МЕТМ и 35 % МРТМ работают в полную силу и в меру своих способностей, 26 % МЕТМ и 22 % МРТМ – выше среднего уровня, 32 % МЕТМ и 22 % МРТМ – на среднем уровне, 3 % МЕТМ и 4 % МРТМ – ниже среднего уровня. (7 % респондентов из числа опрошенных МРТМ затруднились оценить степень полноты использования их сил и способностей.)

В то же время только 37 % МРТМ и 29 % МЕТМ удовлетворены уровнем оплаты тру-

да, а 51 % опрошенных из числа МРТМ и 52 % МЕТМ недовольны величиной получаемой ими заработной платы, полагая, что их труд должен оплачиваться выше.

При существенном расхождении между трудовым потенциалом и его фактическим использованием у работников появляется разочарование, неудовлетворенность работой из-за отсутствия возможностей для профессионального роста, появляется желание найти новую, более подходящую работу, однако ввиду отсутствия подходящих вакансий в своей области они вынуждены удовлетворяться тем, что имеют в данный момент.

На вопрос, устраивает ли их работа вне места постоянного проживания, положительно ответили в совокупности 32 % МРТМ и 39 % МЕТМ, отрицательно – 68 % МРТМ и 11 % МЕТМ, остальные опрошиваемые затруднились ответить на данный вопрос.

В данном случае нельзя не учитывать и объективные условия, оказывающие существенное влияние на степень реализации трудового потенциала работника. К ним относятся: а) условия производства (организация труда, материально-техническое обеспечение и т. п.); б) непродуцированные условия, значимость которых также очень высока: жилье, бытовое и культурное обслуживание, наличие комплекса товаров и услуг, необходимых для восстановления способности к труду, а также для удовлетворения духовных потребностей индивида; в) важное место занимают условия, связанные с качеством руководства на предприятиях. Все названные факторы в комплексе, как и каждый в отдельности, влияют на трудовое поведение работников, степень полноты реализации трудового потенциала как конкретного индивида, так и коллектива в целом.

В качестве основных проблем, с которыми приходится сталкиваться в процессе трудовой деятельности, МТМ указали на плохие условия труда и быта, задержки с выплатой заработной платы, высокую степень зависимости от желаний и настроения «хозяина», несоблюдение конституционных прав, трудового договора и др.

Однако, несмотря на это, 57 % опрошенных заявили, что в настоящее время они не готовы отказаться от работы, которую выполняют, из-за существенной разницы в оплате труда в Орловской области и за ее пределами (МРТМ работают в основном в Москве (61 %), Московской области (11 %), в Белгороде, Курске, Туле, Санкт-Петербурге и Сочи (по 1–2 % респондентов)).

Основная причина, побудившая МТМ к поиску работы за пределами своего территориального образования, – отсутствие подходящей работы и безработица (46 и 17 % МЕТМ), а также низкий заработок и желание в дальнейшем сменить место жительства (48 и 17 % МРТМ). Можно утверждать, что МТМ нашли действенный способ более полной реализации трудового

потенциала, чем в местах постоянного проживания. На это отчасти указывает и оценка респондентами своего материального положения до и после выезда на работу за пределы места своего постоянного проживания.

При ответе на вопрос «В каком случае Вы бы отказались от работы за пределами места постоянного проживания?» ответы распределились следующим образом: если бы разница в оплате труда не была столь значительной – 57 % МРТМ и 42 % МЕТМ, если бы были рабочие места – 11 % МРТМ и 37 % МЕТМ, если бы создавали реальные условия для занятия бизнесом – 10 % МРТМ и 2 % МЕТМ.

На вопрос о том, как изменилось материальное положение после перехода на работу за пределами места постоянного проживания, более 85 % МТРП отметили, что их материальное положение существенно улучшилось.

Безусловно, рыночные отношения предполагают, что обладатель способности к труду имеет возможность сделать выбор по отношению к реализации своего трудового потенциала между занятостью и безработицей, между наймом и созданием собственного дела, выбором сферы приложения труда и формой занятости. Решение принимается индивидом с целью оптимизации своих трудовых усилий и получения ожидаемого дохода. Тем не менее трудовые маятниковые мигранты предпочитают найти подходящую для себя работу, нежели самому создать рабочее место, несмотря на многочисленные программы по освоению основ малого бизнеса, предлагаемые службами занятости населения.

Низкая предпринимательская активность большей части сельских маятниковых мигрантов связана со множеством факторов: отсутствием первоначального капитала, сложностью получения банковской ссуды, несовершенством налогового законодательства, высоким уровнем налогообложения, неуверенностью в собственных

силах и др. Этими и целым комплексом других причин объясняется низкий уровень предпринимательской активности и городских маятниковых мигрантов, как, впрочем, и местных жителей.

Организация бизнеса требует полной отдачи сил и энергии и высокого уровня риска и ответственности, в то время как занятость в бюджетной сфере или по найму в частном предприятии позволяет работникам чувствовать себя более уверенно и не всегда работать с максимальной отдачей.

Подводя некоторые результаты исследования, следует заметить, что действие сил рыночного механизма без должного внимания государства и прежде всего региональных органов власти может в конечном итоге существенно снизить качество регионального трудового потенциала. Миграционные намерения МТМ, принявших участие в исследовании, доказывают, что маятниковая трудовая миграция для определенной части трудовых ресурсов является «пробой сил», первой ступенью к безвозвратной миграции за пределы области. На вопрос «Планируете ли Вы со временем переехать к месту работы на постоянное жительство и перевезти семью?» отрицательно ответили только 35 % респондентов. Следовательно, 65 % МРТМ либо планируют переезд, либо готовы к безвозвратной миграции, если представится такая возможность.

Отток трудоспособного населения за пределы области усугубляет демографическую ситуацию в сельской местности, характеризующуюся естественной и миграционной убылью населения, ростом численности населения за пределами трудоспособного возраста, увеличением трудовой нагрузки на занятых в экономике граждан. Создание рабочих мест, выравнивание относительного уровня оплаты труда смогут сдерживать молодых экономически активных граждан и сохранить трудовые ресурсы как необходимое условие для экономического роста региона.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Опрос проводился методом анкетирования. Всего было опрошено 15 экспертов – руководителей территориальных служб занятости населения, руководителей поселений и др., 150 маятниковых трудовых мигрантов, из них 50 человек – МЕТМ, 100 – МРТМ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мост С. А. Особенности использования трудового потенциала региона с учетом демографических ограничений // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2010. № 6 (68). С. 36–40.
2. Рощина Т. Г. Социально-экономические аспекты трудовой миграции // Сборник научных трудов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс, 2003. С. 399–417.
3. Усачев В. И. Трудовой потенциал пореформенной России: социально-демографические аспекты. М., 2008. 360 с.
4. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2009 году: Статистический сборник. М., 2010. 174 с.
5. Экономика труда: (социально-трудовые отношения) / Под ред. Н. А. Волгина, Ю. В. Одегова. М.: ЭКЗАМЕН, 2003. 736 с.

ЮЛИЯ СЕМЕНОВНА ПИНЬКОВЕЦКАЯ

кандидат экономических наук, ассистент кафедры экономико-математических методов и информационных технологий, Ульяновский государственный университет (Ульяновск, Российская Федерация)
judy54@yandex.ru

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассмотрены закономерности и тенденции развития малого предпринимательства. Приведены основные проблемы, решение которых необходимо для совершенствования деятельности этой сферы экономики. Представлены методический подход и инструменты для анализа состояния малого предпринимательства: регрессионные модели, производственные функции.

Ключевые слова: стратегия, малое предпринимательство, объем производства, численность работников, инвестиции

Ситуация в малом предпринимательстве (МП) в последние пять лет определялась двумя основными моментами. С одной стороны, существенно увеличилось их количество, численность работников, возросли объемы производства [4], [5], [6], [7], [8]. С другой стороны, роль и место МП явно недостаточны, что отмечается в решениях правительства по ускорению развития этого сектора экономики. Поэтому проблема обоснования стратегии развития МП представляется актуальной.

В стране существуют более полутора миллионов малых предприятий. Разрабатываемая стратегия должна объединять цели и задачи развития всех малых предприятий или хотя бы их абсолютного большинства. В настоящей статье рассмотрена концепция разработки Стратегии развития МП в Российской Федерации.

Стратегия развития МП (далее – Стратегия) должна учитывать имеющиеся законодательные и нормативные материалы [1], [2], [3]. Стратегия предназначена для определения приоритетных направлений развития МП Российской Федерации на среднесрочную и долгосрочную перспективу и путей их реализации; обеспечения согласованности действий органов государственной власти различных уровней и малых предприятий; подготовки предложений по разработке и корректировке законодательной и нормативно-правовой базы развития МП; формирования и реализации целевых программ и проектов развития МП.

В Стратегии предлагается предусмотреть следующие основные разделы:

- оценка текущего состояния и основных системных проблем МП в Российской Федерации и ее субъектах;
- определение целевых показателей, характеризующих МП, его роли и места в экономике страны в среднесрочной и долгосрочной перспективе;
- определение тенденций развития основных видов экономической деятельности малых предприятий;

- комплекс федеральных и региональных мер поддержки МП;
- оценка потребности в инвестициях для достижения предлагаемых целевых показателей;
- обоснование численности работников, формирование системы подготовки и повышения квалификации кадров;
- предложения по совершенствованию законодательной и нормативной базы этого сектора экономики;
- развитие необходимой инфраструктуры и улучшение институционального климата;
- ожидаемые результаты реализации Стратегии;
- описание организационного обеспечения реализации Стратегии.

Разработка Стратегии должна основываться на анализе текущего состояния МП, закономерностей и тенденций его развития. В табл. 1 приведены некоторые основные показатели деятельности малых предприятий. Снижение численности работников и объема производства в 2009 году было обусловлено кризисными явлениями. При небольшом росте числа предприятий численность их работников и объем производства существенно возросли в 2010 году по сравнению с 2009-м (на 9 и 12 % соответственно), то есть потери, связанные с кризисом, удалось практически полностью нивелировать.

В России на 100 тысяч человек населения количество малых предприятий увеличилось с 802 в 2007 году до 1133 в 2010-м. Вместе с тем этот показатель значительно меньше, чем в странах Европейского союза и США (4500 и 7400 соответственно).

Малые предприятия в настоящее время специализируются на пяти основных видах экономической деятельности [14]: обрабатывающие производства, строительство, торговля (оптовая и розничная, а также ремонт автотранспортных средств, бытовых изделий), транспорт и связь, операции с недвижимым имуществом. Распре-

деление численности работников и оборота малых предприятий между этими видами деятельности в 2008 году представлено в табл. 2. Анализ данных, приведенных в табл. 2, показывает, что среди малых предприятий преобладают специализирующиеся на торговой деятельности, что обусловлено особенностями становления предпринимательства в нашей стране, более простой технологией и быстрой отдачей от вложенных средств в сфере торговли. Доля предприятий, ведущих деятельность в сфере обрабатывающих

производств, операций с недвижимостью, строительства и транспорта, существенно меньше.

Важным для рассмотрения тенденций развития МП является оценка доли малых предприятий по видам экономической деятельности за 2008 год (табл. 3). Из табл. 3 видно, что малые предприятия в торговле, строительстве и операциях с недвижимым имуществом как по численности работников, так и по обороту занимают значительное (30–40 %) место в соответствующих отраслях народного хозяйства.

Таблица 1

Динамика показателей развития малых предприятий России

Год	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Численность работников, тыс. чел.	8045,2	8582,8	9239,2	10436,9	10247,5	11096,7
Количество малых предприятий, тыс.	979,3	1032,8	1137,4	1347,7	1602,5	1621,8
Объем производства (оборот), млрд руб.	9613	12 099	15 469	18 728	16 873	18 925

Таблица 2

Доля малых предприятий по основным видам деятельности

Вид деятельности	Доля вида деятельности в численности работников малых предприятий	Доля вида деятельности в обороте малых предприятий
Торговля	0,33	0,67
Обрабатывающие производства	0,16	0,10
Строительство	0,16	0,09
Транспорт и связь	0,05	0,03
Операции с недвижимым имуществом	0,16	0,07

Таблица 3

Доля малых предприятий по видам деятельности

Вид деятельности	Доля работников малых предприятий в общей численности работников по виду деятельности	Доля малых предприятий в суммарном обороте по виду деятельности
Торговля	0,28	0,39
Обрабатывающие производства	0,15	0,11
Строительство	0,30	0,43
Транспорт и связь	0,10	0,10
Операции с недвижимым имуществом	0,32	0,34
Сельское хозяйство, гостиничный и ресторанный бизнес, образование, здравоохранение, коммунальные услуги	0,05	0,07

Согласно данным табл. 3 имеются предпосылки значительного увеличения доли малых предприятий в обрабатывающем производстве, транспорте и связи, сельском хозяйстве, гостиничном и ресторанном бизнесе, образовании, здравоохранении, коммунальных услугах.

Были выявлены основные системные проблемы, тормозящие развитие МП:

- слабая теоретическая проработка вопросов планирования развития МП;
- недостаточный учет особенностей МП в действующем законодательстве, правовых и нормативных актах;
- наличие административных барьеров и многочисленные проверки, особенно со стороны фискальных органов;
- трудности финансирования проектов создания и развития малых предприятий, высокие процентные ставки по кредитам;

- увеличение налоговых и других отчислений;
- негативный образ малых предприятий и их владельцев;
- слабая подготовка кадров, особенно работников, специально обучаемых для работы в малых предприятиях;
- слабое развитие необходимой инфраструктуры и институционального обеспечения МП, крайне недостаточное развитие получили технопарки, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий, центры коллективного пользования оборудованием;
- низкий уровень поддержки малых предприятий и защиты их интересов;
- отсутствие последовательной тарифной политики, особенно в сфере ЖКХ;
- слабое стимулирование передовых форм МП;
- низкий уровень инвестиционной привлекательности малых предприятий.

В качестве цели при разработке Стратегии может рассматриваться полное удовлетворение потребностей населения и предприятий в продукции и услугах малых предприятий за счет увеличения объемов производства и реализации инновационного сценария развития экономики страны. При этом в качестве критерия предлагается использовать уровень насыщения экономики страны продукцией и услугами малых предприятий. Для определения величины этого критерия использовались два подхода. Первый из них связан с определением максимальных значений доли малых предприятий по каждому из видов деятельности в субъектах страны. Второй подход основывался на оценке уровня, достигнутого малым предпринимательством в странах Европейского союза и США. Подробно соответствующие материалы описаны в монографии [13]. Расчеты показали, что при условии насыщения экономики продукцией МП средняя доля этих предприятий в общем объеме производства по субъектам страны должна составлять: по торговле – 69 %, по обрабатывающим производствам – 30 %, по строительству – 70 %, по транспорту и связи – 35 %, по операциям с недвижимым имуществом – 65 %.

Для достижения поставленной в Стратегии цели необходимо решить ряд задач, основными из которых являются:

1. Увеличение количества малых предприятий за счет создания новых, реорганизации и приватизации действующих предприятий. Создание новых малых предприятий обусловлено нехваткой отдельных видов продукции и услуг на рынках. Стимулирование этого процесса должно основываться на анализе рынков сбыта, а также анализе финансовых и трудовых ресурсов в конкретных регионах, городах, населенных пунктах. Особое значение имеет создание семейных предприятий (самозанятость).

2. Повышение производительности труда работников малых предприятий с учетом ограниченности трудовых ресурсов и сложной демографической ситуации во многих субъектах страны. Необходимость повышения производительности труда обусловлена требованием существенного роста эффективности производства, а также ограниченностью трудовых ресурсов (особенно высококвалифицированных). Для решения этой задачи требуется переоснащение малых предприятий и модернизация их оборудования. Особое значение имеет обучение производственного персонала и его переподготовка с учетом быстро изменяющейся технологии производства. Рассматривая проблему в перспективном плане, необходимо учитывать сложную демографическую ситуацию в стране. Демографический прогноз до 2030 года, представленный Федеральной службой государственной статистики [15], даже в самом оптимистичном варианте предусматри-

вает увеличение населения не более чем на 0,2 % в год. Таким образом, возможность экстенсивного роста трудового потенциала в большинстве субъектов Российской Федерации отсутствует.

3. Обеспечение потребностей населения и других предприятий в продукции и услугах, производимых малыми предприятиями. В ряде отраслей их доля мала, поэтому имеются предпосылки для ее увеличения. Особое значение имеет развитие инновационных малых предприятий. Необходимые условия для их появления были созданы, в частности, решениями правительства по поддержке вузовской науки.

4. Повышение эффективности малых предприятий, в том числе за счет совершенствования их организационных структур [10]. Улучшение деятельности малых предприятий должно основываться на повышении качества внутрифирменного управления, рационализации выполняемых функций.

5. Достижение ценового преимущества продукции малых предприятий. Динамичный характер деятельности этих предприятий, способность быстро реагировать на изменение условий внешней среды, небольшие накладные расходы должны обеспечивать конкурентоспособность и устанавливать более низкие цены по сравнению с крупными предприятиями. Еще одним преимуществом малых предприятий являются небольшие транспортные издержки, поскольку изготовитель максимально приближен к потребителю.

6. Комплексное развитие малых предприятий в субъектах страны, обеспечивающее замкнутый цикл производства и потребления в каждом из них. Целесообразной является разработка в каждом из субъектов региональных и муниципальных программ развития МП.

7. Формирование инфраструктуры, обеспечивающей деятельность малых предприятий: создание фондов, финансирующих малые предприятия (в том числе с частичным возмещением кредитных ставок из бюджетов различных уровней); бизнес-инкубаторов и технопарков с оказанием ряда аутсорсинговых услуг (консультирование, оценка бизнес-проектов, ведение учета и составление отчетности, предоставление в аренду оборудования); использование лизинговых схем для обеспечения основными фондами; создание специализированных информационных систем.

8. Развитие сети подразделений федеральных, региональных и муниципальных органов власти, обеспечивающих организацию деятельности малых предприятий. Деятельность таких подразделений должна быть хорошо скоординирована на всех уровнях; итогом ее должно стать создание благоприятной для ведения предпринимательской деятельности административной среды.

9. Законодательное и институциональное обеспечение деятельности МП на государственном

уровне. При этом должно предусматриваться снижение административной, фискальной, контрольной и других видов нагрузки.

10. Формирование позитивного образа предпринимателей, в том числе за счет изменения их менталитета и ориентации деятельности МП на обслуживание потребностей клиентов.

11. Проведение научно-исследовательских работ по анализу динамики, мониторингу текущего состояния и определению путей развития малого предпринимательства.

12. Создание системы подготовки руководителей и специалистов для малых предприятий, в том числе в высших и средних специальных учебных заведениях, разработка специализированных программ обучения в соответствии с особенностями МП.

В основе разрабатываемой Стратегии должны лежать целевые показатели, которые характеризуют предполагаемые объемы производства малых предприятий, в том числе по видам экономической деятельности, а также необходимые финансовые и трудовые ресурсы. Для обоснования этих показателей могут использоваться разработанные нами инструменты анализа и прогнозирования малого предпринимательства. Некоторые из них описаны в публикациях автора (см. [9], [11], [12]).

Функции и вытекающие из них зависимости (коэффициенты эластичности, изокванты, изокосты, траектории расширения) могут быть использованы при обосновании целевых показателей Стратегии. Отметим, что сумма степеней во всех уравнениях больше единицы, что говорит об имеющем место возрастающем эффекте мас-

штаба, то есть более быстром увеличении оборота малых предприятий при одновременном росте факторов производственной функции.

Представленные выше инструменты могут быть использованы при обосновании целевых показателей Стратегии: объема производимой продукции, необходимых финансовых вложений и инвестиций, потребности в трудовых ресурсах, структуры малого предпринимательства по видам экономической деятельности. Учитывая указанный выше критерий, связанный с насыщением продукцией и услугами малых предприятий экономики страны, в табл. 4 приведен прогноз значений основных целевых показателей на 2030 год.

Таблица 4

Прогноз целевых показателей малых предприятий в РФ на 2030 год

Целевой показатель	Единица измерения	Значение
Оборот малых предприятий	млрд руб.	71 645
Инвестиции в основной капитал	млрд руб.	1610
Количество малых предприятий	тыс.	4582
Численность работников	млн чел.	35,49

Изложенный в статье концептуальный подход, цель и задачи Стратегии, а также предложенные инструменты должны позволить обосновать целевые показатели и сформировать мероприятия Стратегии развития малого предпринимательства для страны в целом и ее отдельных регионов на краткосрочную и долгосрочную перспективу.

ИСТОЧНИКИ

1. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.07. № 209-ФЗ.
2. Проект стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/innovations/doc20101231_016
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008. № 1662-р.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

4. Малое и среднее предпринимательство в России. 2009: Стат. сб. / Росстат. М., 2009. 151 с.
5. Малое и среднее предпринимательство в России. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. 172 с.
6. Малое предпринимательство в России. 2006: Стат. сб. / Росстат. М., 2006. 134 с.
7. Малое предпринимательство в России. 2007: Стат. сб. / Росстат. М., 2007. 151 с.
8. Малое предпринимательство в России. 2008: Стат. сб. / Росстат. М., 2008. 164 с.
9. Пиньковецкая Ю. С. Малый бизнес в регионах Российской Федерации: производственная функция // Проблемы теории и практики управления. 2009. № 9. С. 100–106.
10. Пиньковецкая Ю. С. Некоторые аспекты повышения эффективности управления деятельностью малых предприятий // Проблемы современной экономики. 2009. № 3 (31). С. 197–199.
11. Пиньковецкая Ю. С. Численность предприятий малого бизнеса в Российской Федерации: результаты анализа // Экономика региона. 2009. № 2. С. 224–229.
12. Пиньковецкая Ю. С. Малые предприятия России: закономерности, классификация и направления повышения эффективности. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 204 с.
13. Пиньковецкая Ю. С. Малое и среднее предпринимательство: достигнутый уровень и инструменты анализа. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. 164 с.
14. Система «Налоговая справка». Общероссийский классификатор видов экономической деятельности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.okvad.ru>
15. Федеральная служба государственной статистики. Демографический прогноз до 2030 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography/b273bf80446245b682bcb26964b99b0f#>

ОЛЬГА ГЕННАДЬЕВНА СЕЛЮТИНА

аспирант кафедры экономики и финансов факультета экономики и менеджмента, Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Орел, Российская Федерация)

selitina-olja@rambler.ru

**КОМПЛЕКСНАЯ МЕТОДИКА ОЦЕНКИ УРОВНЯ
МЕЖБАНКОВСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ**

Приводятся основные показатели обеспеченности Центрального федерального округа банковскими услугами (без учета Москвы и Московской области). Предлагается методика, которая позволяет с большей долей достоверности оценить конкурентную позицию банка, что, в свою очередь, может способствовать выработке оптимальных управленческих решений менеджментом банка.

Ключевые слова: корреляционная матрица индексов, экономико-математическая модель, методика интегральной оценки деятельности банков

Среда, в которой формировались и развиваются коммерческие банки России, представляет сложное переплетение экономических, социальных и политических отношений. Глубокий спад производства, резкое снижение доходов и покупательной способности населения, его сбережений в начале 1990-х годов предопределили финансовую стратегию банков и, соответственно, правила межбанковской конкуренции. Как результат – тотальное снижение доверия к кредитным организациям со стороны населения и реального сектора экономики. В середине 2000-х годов ситуация начала понемногу исправляться, но в целом деятельность коммерческих банков на рынке банковских услуг, в особенности на региональном уровне, носит своеобразный характер, зачастую далекий от цивилизованных отношений. В настоящее время в 20 крупнейших банках сосредоточены 62 % активов, а в 200 кредитных организациях – 89 %. Доля банков Москвы и Московской области в совокупном банковском капитале страны составляет 84 %, на Санкт-Петербург приходится 4 %. Доля региональных банков в банковском капитале страны – 12 %, в то время как доля регионов в промышленном производстве страны составляет свыше 80 %. Представляется, что эта тенденция закономерна в условиях ограничения применяемых показателей оценки конкуренции на рынке банковских услуг простым выявлением организации, имеющей определенную долю на отдельном рынке. До настоящего времени не разработано экономико-математически обоснованного способа определения уровня развития банковской конкуренции, поэтому денежные власти вынуждены руководствоваться априорными установками и собственными предположениями.

В качестве исходных данных для анализа используются рассчитанные по методике Департамента банковского регулирования и надзора Банка России следующие показатели обеспеченности Центрального федерального округа (ЦФО) банковскими услугами (без учета Москвы и Московской

области): индекс развития сберегательного дела (депозиты на душу населения к доходам) (ИРСД); финансовая насыщенность банковскими услугами (по объему кредитов) (ФНБуК); институциональная насыщенность банковскими услугами (по численности населения) (ИИНбу); совокупный индекс развития банковской конкуренции (СИРБК).

Рассчитанные индексы в значительной мере коррелируют между собой. Для выявления силы связи между рассматриваемыми индексами используем корреляционный анализ.

В соответствии с данными приведенной матрицы (см. таблицу) можно сделать вывод, что имеется сильная связь совокупного индекса развития банковской конкуренции в регионе с индексами институциональной насыщенности банковскими услугами, финансовой насыщенности по объему выданных кредитов и индексом развития сберегательного дела в регионе (коэффициенты корреляции – 0,761, 0,811 и 0,799 соответственно).

Проведенный корреляционный анализ позволяет построить экономико-математическую модель в виде множественной линейной регрессии, описывающей зависимость совокупного индекса развития банковской конкуренции Y_R от трех предикторов: индекса финансовой насыщенности региона банковскими услугами (по объему выданных кредитов) – X_1 , индекса развития сберегательного дела (депозиты на душу населения к доходам населения) – X_2 , индекса институциональной насыщенности региона банковскими услугами – X_3 :

$$Y_R = b_0 + b_1 \cdot X_1 + b_2 \cdot X_2 + b_3 \cdot X_3.$$

Коэффициенты b_1 , b_2 и b_3 разработанной множественной линейной регрессии (3) являются коэффициентами эластичности совокупного индекса развития банковской конкуренции по финансовой насыщенности региона банковскими услугами (по объему выданных кредитов), развитию сберегательного дела (депозиты на душу населения к доходам населения), институциональной насыщенности банковскими услугами соответственно.

Корреляционная матрица индексов (коэффициент Пирсона, уровень значимости)

Индекс		ИИНбу	ФНбуК	ИРСД	СИРБК
Индекс институциональной насыщенности региона банковскими услугами	Коэффициент	1,000	0,247	0,302	0,761
	Значение	–	0,357	0,256	0,348
Индекс финансовой насыщенности региона банковскими услугами (по объему выданных кредитов)	Коэффициент	0,247	1,000	0,461	0,811
	Значение	0,357	–	0,072	0,000
Индекс развития сберегательного дела	Коэффициент	0,302	0,461	1,000	0,799
	Значение	0,256	0,072	–	0,000
Совокупный индекс развития банковской конкуренции	Коэффициент	0,761	0,811	0,799	1,000
	Значение	0,348	0,000	0,000	–

Выборочные коэффициенты линейной корреляции предикторов (см. таблицу) не превышают 0,5, значит, эффекта мультиколлинеарности не наблюдается.

Проведенный с использованием пакета анализа данных SPSS регрессионный анализ обеспеченности регионов Центрального федерального округа банковскими услугами позволил получить следующее уравнение линейной регрессии:

$$Y_R = 0,314 \cdot X_1 + 0,355 \cdot X_2 + 0,230 \cdot X_3.$$

Данное уравнение характеризуется высоким значением коэффициента детерминации (0,959), то есть три предиктора, включенные в регрессионную модель, объясняют 95,9 % изменчивости совокупного индекса развития банковской конкуренции в регионе. Кроме того, коэффициенты регрессии статистически значимы на достаточно высоком уровне. Критерий Фишера, равный 94,160, свидетельствует о значимости полученной модели.

Из полученной эконометрической модели следует, что степень развития банковской конкуренции в ЦФО характеризуется следующими коэффициентами эластичности: 0,314 – по развитию сберегательного дела, 0,355 – по финансовой насыщенности экономики территории банковскими услугами по объему выданных кредитов, 0,230 – по институциональной насыщенности территории банковскими услугами.

Это означает, что прирост на 1 % объема депозитов на душу населения к доходам населения в среднем определяет повышение интенсивности банковской конкуренции на 0,314 %. Увеличение на 1 % объема выданных кредитов на единицу ВРП в среднем определяет повышение интенсивности банковской конкуренции на 0,355 %, а рост количества кредитных институтов на душу населения на 1 % ведет к увеличению конкуренции на рынке банковских услуг в целом на 0,230 %.

Таким образом, выявленная зависимость, являющаяся количественной по форме, фактически отражает и качественную сторону проблемы, позволяя реализовать достижения фундаментальной науки в прикладных исследованиях

конкурентной среды на рынке банковских услуг. Однако для уточнения местоположения конкретной кредитной организации на региональном рынке банковских услуг необходимо проводить сравнительную оценку деятельности кредитных организаций. Представляется возможным предложить методику такой оценки, базирующуюся на системе исходных показателей.

1. $k_1 = CK_{ly} / A > 0,06$, где CK_{ly} – собственный капитал первого уровня, A – активы.

2. $k_2 = CK / A_p > 0,10$, где CK – собственный капитал, A_p – активы с учетом риска.

3. $k_3 = PA / A > 0,65$, где PA – работающие активы.

Уровень доходных активов показывает, какую долю занимают работающие, или доходные, активы в совокупных активах банка. Поскольку практически все доходные активы являются рискованными, их высокий уровень снижает устойчивость банка. С другой стороны, их размер должен быть достаточным для безубыточной работы банка. Нормальным считается, если доля доходных активов составляет 65–75 % или ниже, но при условии, что доходы банка превышают его расходы.

4. $k_4 = ЧП + Р + РФ / СЗ > 0,2$, где $ЧП$ – чистая прибыль, $Р$ – резервы, $РФ$ – резервный фонд, $СЗ$ – ссудная задолженность.

5. $k_5 = ЧП / Д > 0,1$, где $Д$ – доходы кредитной организации.

Рентабельность дохода характеризует количество денежных единиц прибыли, приходящихся на одну денежную единицу дохода. Показатель отражает способность менеджмента банка контролировать его расходы, исключая объективный расходный фактор – рыночный уровень процентной ставки. Рост этого показателя свидетельствует о гармонизации структуры ресурсной базы банка, уменьшении дорогостоящих источников привлечения ресурсов [1], [2].

6. $k_6 = ЧП / СА > 0,01$, где $СА$ – средние активы.

Прибыльность активов показывает количество денежных единиц прибыли, приходящихся

на одну денежную единицу совокупных активов. Низкая норма прибыли может быть результатом консервативной ссудной и инвестиционной политики, а также следствием излишних операционных расходов. Высокое значение показателя свидетельствует об эффективной деятельности банка, высокой доходности активов.

7. $k7 = \text{ЧП} / \text{С}_{\text{р}} \text{ССК} > 0,1$, где $\text{С}_{\text{р}} \text{ССК}$ – средняя сумма собственного капитала.

Рентабельность собственного капитала показывает количество денежных единиц прибыли, приходящихся на одну денежную единицу собственных оборотных средств.

8. $k8 = \text{ВА} / \text{ОВ}_{\text{д}} > 0,2$, где ВА – высоколиквидные активы, $\text{ОВ}_{\text{д}}$ – обязательства до востребования.

Коэффициент мгновенной ликвидности отражает степень обеспечения высоколиквидными активами обязательств до востребования.

9. $k9 = \text{ЛА} / \text{О} > 0,3$, где ЛА – ликвидные активы, О – обязательства.

Коэффициент ликвидности отражает степень обеспечения ликвидными активами обязательств банка и показывает, не используются ли привлеченные средства на собственные нужды банка [4].

Система показателей может быть расширена. Ее особенностью является то, что все показатели имеют одинаковую направленность: чем выше уровень показателя или чем выше темп его роста, тем лучше финансовое состояние оцениваемого банка. С помощью этих данных, то есть по конкурентной таблице «объект – признак», можно оценить предпочтительность объектов по совокупности количественных признаков.

В результате проведенных расчетов получены следующие данные. На 01.02.2007 в группе банков, включающей Банк 1, Банк 2, Банк 3, наиболее высокие показатели финансового состояния, а значит, и наиболее сильные конкурентные позиции, имел Банк 1. Его процентная доля на рынке банковских услуг составила 19 %, что на 0,3 % выше процентной доли Банка 3 и на 7,8 % – Банка 2. По сравнению с процентной долей «условно среднего банка» (УСБ) доля Банка 1 выше на 9,3 %. На начало 2008 года по совокупности показателей его доля относительно других банков составляет 17,6 %. В группе банков, включающей в себя Банк 4, Банк 5, Банк 6, по совокупности признаков, характеризующих

финансовое состояние банка, на начало 2009 и 2010 годов первое место занимает Банк 5, чьи показатели значительно превышают УСБ.

Для выявления конкурентных позиций банка необходимо составить его рейтинг, который покажет истинное место кредитной организации на рынке банковских услуг региона. В качестве исходной примем методику сравнительной рейтинговой оценки, предлагаемую А. Д. Шереметом и Е. В. Негашевым [3]. Представим последовательность действий при составлении рейтинга банка.

1. Исходные данные представляются в виде матрицы (a_{ij}) , то есть таблицы, где по строкам записаны номера показателей ($i = 1, 2, 3, \dots, n$), а по столбцам – номера банков ($j = 1, 2, 3, \dots, m$).

2. По каждому показателю находится максимальное значение и заносится в столбец условно эталонного банка $(m + 1)$.

3. Исходные показатели матрицы стандартизируются в отношении соответствующего показателя эталонного банка по формуле:

$$x_{ij} = a_{ij} / \max_j a_{ij}$$

где x_{ij} – стандартизированные показатели состояния j -го банка.

4. Для каждого анализируемого банка значение его рейтинговой оценки определяется по формуле:

$$R_j = \sqrt{(1 - x_{1j})^2 + (1 - x_{2j})^2 + \dots + (1 - x_{nj})^2}$$

где R_j – рейтинговая оценка j -го банка; x_{1j} , x_{2j} , x_{nj} – стандартизированные показатели j -го анализируемого банка.

5. Банки ранжируются в порядке возрастания рейтинговой оценки. Наивысший рейтинг (первое место) имеет банк с минимальным значением R .

Проведенные расчеты показывают, что на 01.01.2007 Банк 1 имел наивысший результат. Вторую и третью позиции соответственно занимали Банк 5 и Банк 4. На начало 2010 года банки расположились аналогично позициям, занимаемым ими в результате использования метода оценки предпочтительности объектов.

Таким образом, можно констатировать, что предложенная методика позволяет с большой долей достоверности оценить конкурентную позицию банка, что, в свою очередь, может способствовать выработке оптимальных управленческих решений менеджментом банка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Масленченков Ю. Мониторинг финансового состояния банка // Бизнес и банки. 2002. № 18–19.
2. Масленченков Ю., Команов В. Оценка деятельности коммерческого банка на основе балансовых уравнений // Бизнес и банки. 1996. № 30.
3. Юденков Ю., Шмелев К. Оценка устойчивости банковской системы на основе публикуемой отчетности // Аналитический банковский журнал. 2003. № 1–2.
4. Шеремет А. Д., Негашев Е. В. Методика финансового анализа. М.: ИНФРА-М, 2001. 208 с.

ВИТАЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВОРОПАНОВ

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы факультета управления, Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Челябинск, Российская Федерация)

vvoropanov@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ СУДА ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНЫХ ОКРУГОВ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье анализируются особенности формирования и деятельности специальных судов в горных округах Урала и Западной Сибири.

Ключевые слова: история права, судопроизводство, Российская империя XIX века

В статье анализируются особенности организации судебной системы на территориях Урала и Западной Сибири, выделенных в управление отраслевой государственной администрации, что способствует пониманию тенденций развития общественных отношений в России первой половины XIX века. Исследование проводилось на основе нормативно-правовых актов, содержащихся в Полном собрании и Своде законов Российской империи, а также материалов делопроизводственной документации, извлеченных из фондов ряда государственных архивов.

В конце XVIII – начале XIX века правительство вело поиск оптимальной организации ведомственных учреждений, способствующей рационализации административного и хозяйственного руководства казенными и частными предприятиями, поддержанию и повышению эффективности металлургического производства [52]. В 1802 году обязанности Екатеринбургской конторы судных и земских дел унаследовали три горных начальства. Инструкция от 26 февраля 1802 года уполномочила горную администрацию разбирать в ведомстве споры об угодьях, владельческих правах, прекращать конфликты заводовладельцев и работников. Горным начальствам поручались «малыя распри и друг друга обиды, не тяжкому осуждению подлежащая», возникшие среди обывателей приписных селений. Споры крестьян «о праве собственности», а также уголовные дела с их участием находились в компетенции земской полиции и уездных судов [1].

Итогом переосмысления опыта администрирования и кодификации специального законодательства стал «Проект горного положения» от 13 июля 1806 года, разделивший органы горнозаводского и губернского управления, усиливший роль органов административной юстиции, внесший изменения в компетенцию судов общей юрисдикции. Реформа способствовала появлению на Урале замкнутой категории гор-

нозаводских работников. В столице функции Берг-коллегии перешли Горному департаменту Министерства финансов. Положение региональной администрации с исключительными полномочиями заняло Пермское горное правление, разделенное на два профилирующих департамента. Генерал-губернатор, ответственный за успешное управление «горной частью» на территории Вятской, Казанской, Оренбургской и Пермской губерний, не имел влияния на деятельность судебного департамента, возглавляемого берг-инспектором [11].

«Суд по делам гражданским и разбирательство в распрях и обидах» мастеровых и рабочих людей в поселениях, удаленных от уездных учреждений, предоставлялись низшей горной администрации. Горный начальник обязался составлять при главном заводе особое присутствие из помощника и двух чиновников ведомства. Впрочем, по делам между собой работники могли обратиться к посредникам, инициировав образование словесного или третейского суда. Жалобы на мастеровых и рабочих людей, носителей горных, статских, военных чинов подавались управителю, помощнику или горному начальнику, которые пытались урегулировать конфликт и примирить стороны. Следующим этапом разбирательств являлось избрание тяжущимися 2–4 членов словесного суда. В случае неудачи частных посредников и отказа от общего дело поступало на рассмотрение заводского начальства [13].

«По части судной горный начальник не есть судья, – констатировал законодатель, – но единственно блюститель законов и защитник обиженного». Начальник оценивал правомерность заключений конторского суда. «В малых упущениях по службе, во взыскании со всякого должностей и обязанностей», а также «в малых распрях и обидах» начальник действовал в рамках административного права. Руководители обяза-

лись удовлетворять стороны «коротким словесным судом» [3]. По делам служащих, мастеровых и рабочих людей каждый горный начальник наделялся функциями адвокатуры, обязуясь не только «быть защитником в справедливости, но в случае нужды даже истцом сам собою или чрез своего депутата» [32]. В горном ведомстве создавались специальные подразделения полиции, тесно взаимодействовавшие с уездными органами правопорядка. Заводские и горные исправники вводились в состав земских судов в качестве старших членов. Полиция, контролировавшая частные заводы, подчинялась непосредственно берг-инспектору [12].

Право низшего суда на частных заводах принадлежало заводчикам, их главным поверенным, заводским конторам и заводским исправникам [7]. Заводовладельцы организовали судебное управление на основе законодательства и инструкций ведомственной администрации [49; 173–174], [51; 54–55], [55; 84–86], регламентировавшей порядок прохождения дел по инстанциям и систему наказаний за мелкие правонарушения [34].

В уездные суды, магистраты и ратуши подавались частными лицами или пересылались по подсудности горной администрацией имущественные иски населения казенных заводов; посредством заводских исправников поступали гражданские и уголовные дела обывателей частных заводов [4]. Нехватка квалификации у гражданских чиновников при разборе специфических исков, связанных с горно-промышленным сектором, возмещалась институтом «горных» депутатов, включенных в состав судов [2]. Прочие суды, магистраты и ратуши при наличии в уездах заводов также подчинялись требованиям Пермского горного правления [24]. Решения неуполномоченных судей могли быть аннулированы [41].

Высшая администрация могла инициировать перевод земских и уездных судов в «горный» город, учреждение дополнительных присутственных мест — судов, магистратов, ратуш [6]. Возможность изменений в приписке селений, городов и заводов рассматривалась с учетом нагрузки судов [28], [29], [31], [37]. Постановления судов первой инстанции передавались для контрольного просмотра горным начальникам. Несогласие местного руководителя с правовым обоснованием, а также сумма иска свыше 100 руб. влекли передачу дела в департамент горного правления [8]. В 1808 году цена иска, окончательно удовлетворявшегося уездными судами, снизилась со 100 до 25 руб., что соответствовало общей практике осуществления правосудия в первой инстанции [14]. Ревизию дел с обвинением лиц смешанной подсудности осуществляли уголовная палата или судебный департамент горного правления по сословной принадлежности главного фигуранта. В качестве депутатов в горное правление командиро-

вались судья или заседатель Екатеринбургского уездного суда. Дела, поступившие из названного суда, рассматривались без «гражданского» представителя «под особым наблюдением прокурора». Для присутствия в уголовной палате назначался чиновник по распоряжению главы администрации [25]. Генерал-губернатор, уполномоченный ходатайствовать о пересмотре дел в Сенате, утверждал решения судебного департамента. В Сенат обязательно отправлялись дела с суммой исков свыше 500 руб., а также связанные с пересмотром владельческих прав на рудники, земли, леса и другие угодья [9].

В исключительных случаях законодательство предусматривало применение к гражданским лицам военно-уголовного законодательства. Население горных округов рассматривалось как состоящее в служилом сословии, от которого требовалось строгое соблюдение трудовой дисциплины [54]. Милитаризация управления казенными заводами ужесточила уголовное преследование чиновников, а также мастеровых и рабочих людей, совершивших преступления [53]. Постоянный военный суд с апреля 1802 года действовал в Екатеринбурге [36]. Согласно Горному положению 1806 года, право формировать временные военно-судные комиссии принадлежало горному начальнику. «Презес» военного суда определялся из горных или военных офицеров, 2–6 ассессоров — из горных, военных или статских чинов, служивших при заводах. Суду военных комиссий подлежали «все и всех классов» лица мужского пола, совершившие уголовные преступления и состоявшие «в действительной горной службе» [5], [38].

Оправдательные и обвинительные приговоры оценивались горным начальником, обладавшим правом уменьшить степень наказания. Дела о разбоях, убийствах, умышленных поджогах с мнением начальника поступали к генерал-губернатору, также компетентному ослабить назначенное судом наказание. В 1809 году из-за некомпетентности горных чиновников право утверждения сентенций военно-судных комиссий сосредоточилось в руках генерал-губернатора [15]. Приговоры, лишавшие дворян «чести» и чинов, с мнением главы администрации отправлялись министру юстиции для обсуждения в Сенате и последующего доклада монарху [10]. Позднее главный начальник Уральского горного округа представлял приговоры о наказании классных чиновников, а также мастеров, межевщиков, пробырищиков, уставщиков и художников министру финансов для последующей передачи в Горный аудиториат [17].

Смешанный состав обвиняемых предполагал совместное разбирательство дел военными, горными офицерами и уездными судьями [16]. С 1831 года членам губернских палат уголовного суда в порядке ревизии зачитывались выписки

из военно-уголовного делопроизводства об обывателях, вовлеченных в преступления военно-служащих, и сентенции комиссий [26]. В состав военных судов над гражданскими лицами и по отдельным категориям дел обязательно вводились члены уездных судов [42]. Военно-судные комиссии, созданные в связи с массовыми выступлениями, пользовались особым вниманием высшей администрации [35], [39].

В 1820-х годах новые решения по организации управления и юстиции на ведомственной территории были предприняты в связи с преобразованием системы управления в Сибири в горном округе, подчиненном Кабинету его императорского величества. Автономия округа была нарушена передачей административных, полицейских и судебных полномочий губернским органам. Томский губернатор, получивший статус начальника Колывано-Воскресенских заводов, занял положение номинального арбитра во взаимоотношениях губернских и горнозаводских структур управления [50; 7–13], [56], [58; 58]. Итоги реформы 1822–1824 годов, обусловленной сложным сочетанием общегосударственных, отраслевых и частных интересов, скорректировало и закрепило «Учреждение об управлении Колывано-Воскресенских заводов» от 16 апреля 1828 года.

Состав сельской и волостной администрации приписных крестьян, оставшихся, в отличие от уральских жителей, связанными с горнозаводским хозяйством, регулировался уездным и губернским начальством. Инструкция рекомендовала руководству округов стремиться к воздействию «на волостные правления непосредственно», сокращая число земских управителей [18]. Управители, возглавившие волостные отделения, подчинились окружной (уездной) полиции. Они исполняли обязанности отдельных заседателей земских судов и, в частности, осуществляли предварительное следствие по уголовным делам [58; 57], разбирая маловажные внутриобщинные споры о землях и угодьях [48].

Основным звеном уездного уровня ведомственной системы управления оставались заводские (горные) конторы. Общее присутствие конторы, помимо решения специализированных вопросов, рассматривало дела о мелких преступлениях мастеровых, рабочих людей и урочников на сумму ущерба до 20 руб., слушании начальства, первом побеге без отягчающих обстоятельств. Внутренняя организация и обязанности конторского штата регламентировались. Полномочиями горной полиции наделялся первый стол под руководством особого чиновника [21].

В Колывано-Воскресенском горном округе Кабинет его императорского величества использовал правила и опыт судопроизводства, сформировавшиеся в удельном ведомстве, где действия следователей, окружных и губернских судей

контролировались специальными чиновниками, депутатами по делам приписных крестьян, уполномоченными горным начальством. С 1824 года Колывано-Воскресенский округ делился на 13 депутатских участков. Депутат Ояшинского отделения, проживая в Томске, посещал губернские учреждения. Чиновники свидетельствовали правомерность допросов, присутствовали при разборе дел, информируя горное правление, компетентное опротестовывать судебные решения [40], [57; 33]. На основании полученного в Западной Сибири опыта и «применяясь к тому порядку, как ведаются удельные крестьяне» [33], в 1828 году Министерство финансов инициировало введение депутатов по делам приписных крестьян в уездные суды Олонецкой губернии [23].

В ведомстве Кабинета его императорского величества на Алтае сохранился репрессивный характер уголовного судопроизводства. Обеспечивая продуктивность металлургических предприятий, администрация жестко контролировала повседневную жизнь обывателей Колывано-Воскресенского горного округа [43], [45], [46]. Увеличение населения и как следствие — дел, рассматривавшихся Барнаульской комиссией военного суда, побудило начальника заводов ходатайствовать в мае 1818 года о формировании в горном округе системы постоянно действующих судебных органов. Состав трех военно-судных комиссий комплектовался из чиновников ведомства [47]. С 1828 года «по особым случаям» при заводах и рудниках могли дополнительно создаваться временные военно-судные комиссии в составе презеса из горных офицеров и 2–6 асессоров из числа как горных, так и статских чиновников, назначавшихся начальником заводов. Военному суду за совершение уголовных преступлений предавались все лица, «какого бы звания и состояния ни были», занятые исполнением обязанностей на заводах. Мастеровые, набравшиеся рекрутским способом, «уподоблялись» военнотружущим и подлежали военному суду за преступления, совершенные до перевода на заводы, отставные служащие — за преступления, совершенные до отставки [22].

Судебные вопросы курировало 3-е отделение горного правления под надзором советника, члена присутствия. В первый стол судного отделения поступали ежемесячные ведомости о производстве военно-судных дел, числе подсудимых и лиц, взятых под стражу, а также приговоры, вынесенные ведомственными судьями. Чиновники второго стола занимались размежеванием спорных «дач», принимали сведения о следствиях, производстве и окончании дел о крестьянах, решали вопросы полицейской юрисдикции по Барнаулу, заводам и рудникам, составляли донесения Кабинету его императорского величества о происшествиях в округе [19]. В присутствие горного правления в лице 4 советников поступа-

ли определения и представления военных судов, донесения общих присутственных мест и должностных лиц. В отличие от прочих постановлений, записывавшихся в журналы, судебные решения оформлялись протоколами.

Томский губернатор являлся последней инстанцией по делам военно-судных комиссий о преступлениях, отнесенных к категории тяжких: разбоях, грабежах, убийствах, поджогах и вымогательствах. Кабинет его императорского величества обладал правом ревизии приговоров горного правления об исключении со службы, лишении чинов и сословного достоинства классных и неклассных чиновников из дворян, штаб- и обер-офицерских детей, а также о наказании групп свыше 9 человек [20]. Горное начальство отвечало за исполнение решений судов общей юрисдикции посредством земских управителей [44].

Правительственные дискуссии конца 1820-х годов по вопросам преодоления производственных трудностей в сибирской сереброплавильной промышленности закончились передачей колывано-воскресенских и нерчинских предприятий на 25 лет в ведение Министерства финансов. Законодательная регламентация военно-судной деятельности обновилась. Полномочия Кабинета по военно-судным делам с 1831 году принадлежали Горному суду при судном отделении Департамента горных и соляных дел. Постановления Горного суда рассматривались в Советах Департамента и Министерства финансов и вступали в силу после утверждения министром. Приговоры о лишении чинов и дворянства требовали согласия монарха [27]. С 1837 году военно-судные дела горного ведомства отделялись от гражданских и поступали в аудиторский стол при штабе Корпуса горных инженеров. Делопроизводство осуществлялось специальной канцелярией во главе с корпусным обер-аудитором. Приговоры выносило присутствие Горного аудиториата (1837–1863 годы). Тяжебные, исковые дела, апелляционные прошения, а также материалы, пересылавшиеся из уголовных палат и Сената, по-прежнему рассматривались в судном отделении Департамента горных и соляных дел и направлялись на

ревизию в Совет Корпуса горных инженеров. С выходом в 1855 году отделения Алтайских и Нерчинских заводов из Департамента горных и соляных дел военно-судные дела разбирались Горным аудиториатом в присутствии представителя Кабинета его императорского величества. Ответственность за исполнение приговоров возлагалась на Кабинет как высший орган управления сибирскими заводами [30].

Таким образом, в первой трети XIX века в условиях усиления патронажа верховной власти над отдельными категориями податного сельского населения в целях успешного правового регулирования межсословных отношений и достижения экономических результатов население, занятое заводскими службами и работами, было выделено в корпорации, подведомственные региональной отраслевой администрации. Реорганизациями в системе местного управления, пересмотром территориальной, объектной и предметной юрисдикции государственных органов правительство стремилось повысить эффективность горно-металлургических предприятий Урала и Западной Сибири. Общие судебные места Уральского горного округа не устранялись от решения дел по искам и жалобам мастеровых и рабочих людей, однако судопроизводство по ним стало осуществляться при участии ведомственного чиновника, а результаты оцениваться горной администрацией. Интересы, выходившие за пределы установленной компетенции, рассматривались специализированным департаментом горного правления. В 1822 году Кабинет его императорского величества уступил юрисдикцию над приписными крестьянами, купцами и мещанами горного ведомства на Алтае общим судам, поставив процесс по делам приписных крестьян под контроль уполномоченных депутатов, подотчетных специализированному отделению горного правления. Скорое наказание за преступления, совершенные лицами, состоявшими в горной службе, исключая женщин, проживавших при казенных заводах, достигалось на основе военно-уголовного законодательства. В горных округах востребовалась обособленная система специальных судов – постоянных и временных военно-судных комиссий.

ИСТОЧНИКИ

1. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVII. № 20160, 20300; Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 3. Д. 57. Л. 1–3.
2. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Проект Горного положения для заводов хребта Уральского. Ст. 22, 25, 829, 830, 832.
3. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Проект Горного положения для заводов хребта Уральского. Ст. 23, 354, 827, 850.
4. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Проект Горного положения для заводов хребта Уральского. Ст. 24, 872.
5. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Проект Горного положения для заводов хребта Уральского. Ст. 26, 855–861.
6. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Проект Горного положения для заводов хребта Уральского. Ст. 723–725, 727.
7. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Проект Горного положения для заводов хребта Уральского. Ст. 827.
8. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Проект Горного положения для заводов хребта Уральского. Ст. 850.
9. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Проект Горного положения для заводов хребта Уральского. Ст. 852, 854.
10. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Проект Горного положения для заводов хребта Уральского. Ст. 868.
11. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Частные замечания на Горное положение. Разд. VI. Ст. 2; Проект Горного положения для заводов хребта Уральского. Ст. 36, 60–61, 68, 74, 76, 279–280, 291.

12. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Частные замечания на Горное положение. Разд. VI. Ст. 17; Проект Горного положения для заводов хребта Уральского. Ст. 19–20, 773–775.
13. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Частные замечания на Горное положение. Разд. VI. Ст. 18; Проект Горного положения для заводов хребта Уральского. Ст. 823–826, 828.
14. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXX. № 22976.
15. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXX. № 23980; РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 14. Л. 185–185 об.
16. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. I. № 515; ГАСО. Ф. 24. Оп. 11. Д. 1. Л. 2; ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1029. Л. 1.
17. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. I. № 687. § 45; СЗ РИ. Т. VII. Кн. II. Ст. 1573.
18. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. III. № 1960. § 8.
19. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. III. № 1960. § 15, 27–29; Центр архивного хранения Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–6 об.
20. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. III. № 1960. § 40, 46–48, 84–85.
21. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. III. № 1960. § 61, 66.
22. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. III. № 1960. § 208–214; Центр архивного хранения Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 14–14 об.; Оп. 2. Д. 26. Л. 100, 125–125 об.
23. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. III. № 2465.
24. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. IV. № 2620.
25. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. VI. № 4396, 5047; СЗ РИ. Т. VII. Кн. II. Ст. 1609.
26. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. VI. № 4665.
27. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. VI. № 4775.
28. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XIV. № 12574.
29. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XVI. № 14856.
30. СЗ РИ. Т. VII. Кн. I. Ст. 8–9; Кн. III. Ст. 2127–2132.
31. СЗ РИ. Т. VII. Кн. II. Ст. 1529.
32. СЗ РИ. Т. VII. Кн. II. Ст. 1533.
33. СЗ РИ. Т. VII. Кн. III. Ст. 2125.
34. Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. 300. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–2 об.
35. ГАСО. Ф. 24. Оп. 11. Д. 1. Л. 5.
36. ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Л. 7–7 об.
37. ГАСО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 1. Л. 15–16.
38. ГАСО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1783. Л. 2 об.–596.
39. ГАСО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 1–14; Ф. 480. Оп. 1. Д. 1–43.
40. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 11. Д. 459. Л. 1.
41. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 425. Л. 11–12.
42. ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2896. Л. 438.
43. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1814. Л. 495.
44. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1814. Л. 503–504 об., 529; Д. 3168. Л. 130–131, 138–138 об., 221–221 об., 596–597 об.
45. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1814. Л. 559–559 об., 605–605 об.; Д. 1932. Л. 71–71 об.
46. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1932. Л. 63.
47. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2161. Л. 12–13 об.
48. ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–8; Оп. 2. Д. 441. Л. 289–290.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

49. Агафонова Н. Н. Организация управления в пермских имениях Строгановых в первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1996. № 3. С. 173–181.
50. Борблик Е. М. Либеральная и консервативная тенденции в организации управления горными округами Сибири в начале XIX в. // Проблемы общественно-политической и культурной жизни Сибири XIX в. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1992. С. 3–16.
51. Мельчакова О. А. Организация судопроизводства в Нижнетагильском горнозаводском хозяйстве во второй половине XVIII – начале XIX вв. // Проблемы истории России. Вып. 2: Опыт государственного строительства XV–XX вв. Екатеринбург: Волот, 1998. С. 47–62.
52. Новиков И. А. Реформа управления горнозаводской промышленности Урала в начале XIX в. // Вестник Челябинского университета. Сер. «Государственное и муниципальное управление». 1998. № 1. С. 45–52.
53. Павловский Н. Г. Правовой статус мастеровых и рабочих людей казенных заводов Урала в первой половине XIX в. // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Свердловск: Уральское отделение АН СССР, 1991. С. 127–150.
54. Пережогин А. А. Формирование института военного суда в Колывано-Воскресенском Горном округе (1747–1780 гг.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002. С. 161–164.
55. Положение об управлении Пермского нераздельного имения // Пермский край. Сборник сведений о Пермской губернии, издаваемый Пермским губернским статистическим комитетом. Т. 3. Пермь, 1895. С. 96–105.
56. Соболева Т. Н. Причины и предпосылки административных реформ в Кабинетском районе Западной Сибири во второй половине XVIII–XIX вв. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002. С. 151–154.
57. Соболева Т. Н. Управление приписными крестьянами Алтайского горного округа в 20–50-е гг. XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источниковедение. Вып. 1. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1991. С. 29–36.
58. Соболева Т. Н., Разгон В. Н. Очерки истории Кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1997. 258 с.

ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА ЕФИМОВА

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории, истории государства и права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
efimova1870@rambler.ru

**ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР С. И. МИНИЦКИЙ
И ПРИПИСНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ***

Данная статья является продолжением нашего исследования о роли генерал-губернаторов А. Ф. Клокачева и С. И. Миницкого в разработке в 20-е годы XIX века положения об улучшении жизни приписных крестьян Олонецкой губернии.

Ключевые слова: генерал-губернатор, проект о приписных крестьянах, противостояние губернской и горной администрации

Согласно действовавшим в первой трети XIX века узаконениям, приписные крестьяне Олонецкой губернии относились к казенным крестьянам. Однако при этом они находились «на особом хозяйственном положении», так как им, в отличие от прочих категорий казенных крестьян, поземельные платежи и подушная подать были официально заменены определенным видом «обязанного» труда [18; 39, 50–51]. Труд этот заключался в заготовке и возке дров, угля и руды для Олонецких горных заводов и оплачивался крестьянам по ценам, установленным еще в 1779 году¹. В отношении же государственного управления эти крестьяне находились в полном подчинении у начальника Олонецких горных заводов А. А. Фуллона и Олонецкого горного правления, состоявших, в свою очередь, в ведомстве Департамента горных и соляных дел Министерства финансов [1; Т. 28; № 21617, 22546], [15; 70–73, 87–93, 112–115]. За «гражданской», то есть губернской администрацией во главе с генерал-губернатором оставалось фактически лишь право напоминать Заводскому правлению о необходимости бездоимочного сбора казенных податей и несения земских повинностей, а также следить за «ходом» дел в уездном суде. К другой особенности управления Олонецкими казенными горными заводами следует отнести то, что до 1839 года они продолжали управляться «на коммерческом основании»². Полагаем, что во многом именно этим обстоятельством объясняется, почему олонечская горная администрация во время работы в Петрозаводске в 1825–1826 годах Комиссии для облегчения положения приписных крестьян так яростно сопротивлялась тому, чтобы губернская администрация могла получить полные сведения о «внешнем и внутреннем» управлении этих заводов [1; Т. 28; № 21617, 22546]; [15; 70–73, 87–93, 112–115].

Итак, в 1823 году новым министром финансов становится Е. Ф. Канкрин, который полагал, что: 1) казенные горные заводы должны быть основаны на жесткой централизованной системе

управления, замкнутой исключительно на министре финансов, а также «на точной силе штатов и положений», утвержденных для каждого горного завода в отдельности, а не на «системе прибылей», как прежде; 2) на государственных крестьян (в том числе приписных) следует распространить опыт управления удельными крестьянами. Этот новый правительственный курс и должен был учесть в своей деятельности приступивший в мае 1823 года после смерти А. Ф. Клокачева к исполнению должности архангельского, вологодского и олонечского генерал-губернатора С. И. Миницкий. Новый генерал-губернатор почти год не вступал ни в какую переписку с администрацией Олонецких горных заводов и лишь 7 марта 1824 года передал ей на разрешение жалобу мастерового Матвеева с предписанием «дать ему полное сведение, на каком основании находятся приписные крестьяне». В своем ответе Заводское правление заключило, что «губернское начальство и не имеет уже права вмешиваться, кроме только криминальных и исковых дел, поступающих по надлежащему порядку к законному суждению» [5; 7–8]; [6; 281], [12; 211–216]; [13; 38–39]; [15; 116–117].

Весной 1824 года генерал-губернатор выехал по вызову царя в Санкт-Петербург. Здесь ему была передана на заключение записка А. Ф. Клокачева от 31 июля 1821 года. В ответ Миницкий представил более объемную, которая по сути была компиляцией записок его предшественника. Начиналась она с краткого пересказа первого рапорта Клокачева государю от 16 июля 1820 года о положении приписных крестьян и объявленной 14 января 1822 года министру финансов «высочайшей воли» об «учинении временного распоряжения» к облегчению их положения (см. [19]). Однако, как писал Миницкий, он не знает, в каком состоянии «дело сие находится, но крестьяне остаются в том же стеснительном положении, без всякого облегчения», а именно: «...употребляются и для перевозки в Петербург для тамошних изделий чугунных свинок и иду-

щих изделий в частную торговлю и... исправляют тягостные и разорительные уроки не столько для доставленных в казну Военно-сухопутного и Морского ведомства артиллерийских орудий и снарядов, сколько для частных изделий, которые продают в публику или вырабатываются на заводах за вольные цены. Но справедливо ли, – восклицал Миницкий, – чтобы государственные крестьяне Петрозаводского уезда более 20 тысяч душ служили сему заводу для его частных работ и претерпевали тягость и стеснение, коими никто из крестьян не токмо в той же Олонецкой губернии, но нигде конечно не подвержены». В связи с этим он предлагал: 1) определить «ежегодную потребность артиллерийских снарядов по Военно-сухопутному и Морскому ведомству и исчислить соответственно этому необходимое количество уроков»; 2) «постановить правилом, чтобы на те изделия, кои продаются с пользою для заводов по вольным ценам заводское начальство получало руду, дрова и уголь вольными людьми»; 3) «по мере казенных нарядов (не включая изделий на вольную продажу) определить штатом, сколько без излишества нужно содержать при заводе мастеровых и чиновников, а также крестьян для добывания и возки руды, угля и дров», и освободить их «от платежа государственных податей и от рекрутства, но дорожные участки и прочие земские повинности обязаны исправлять по-прежнему». В конце записки генерал-губернатор предлагал сделать «о сих крестьянах ясное положение, дабы они защищены были от всяких угнетений, и для сего принять в руководство управление о удельных крестьянах» [3; 2, 18]; [4; 3–4], [15; 127–134].

7 августа «по высочайшему повелению» граф Аракчеев внес в Комитет министров записку Миницкого с мнением на нее министра финансов, который предлагал назначить особую Комиссию, которая бы «исследовала оное прежде на месте», а потом представила свои предложения на рассмотрение Комитета министров. Комиссию предполагалось составить на паритетных началах: по одному чиновнику от министерств внутренних дел и финансов, а также от Правления Олонецких заводов и генерал-губернатора. Комитет министров, согласившись, указал, чтобы Комиссия прежде всего «представила немедленно... свое заключение, какое по местным соображениям может быть учинено распоряжение к облегчению сих крестьян хотя временно, доколе дальнейшие соображения о самих заводах будут приведены к окончанию». Это решение было утверждено царем и сообщено Миницкому 4 марта 1825 года. В апреле Миницкий сообщает министру об избранной кандидатуре – советнике Олонецкого губернского правления Федоре Борисове, которому пересылает список с Инструкцией, составленной министром финансов для действия Комиссии, а губернатору предлагает

рекомендовать Борисову «изыскать все средства к ясному раскрытию всех действительно существующих угнетений от самого Заводского ведомства» и сообщать ему о действии Комиссии через каждые 2 недели «с присовокуплением с донесений комиссии министру копий» [7; 197]; [8; 250]; [9; 338], [15; 311–324, 304–309, 841].

Внимательно проанализировав текст Инструкции, мы не можем согласиться с Я. А. Балагуровым, утверждавшим, что министр финансов, «по существу, требовал от комиссии заняться выискиванием материалов, подтверждающих “благосостояние” олонецких приписных крестьян, а если из этого ничего не получится, то бедственное положение населения отнести за счет сурового климата, недостаточного трудолюбия самих крестьян и т. д.» [17; 68]. Наоборот, Канкрин перечислил в ней все предположения генерал-губернатора Клокачева и горного начальника Фуллона об улучшении положения приписных крестьян и предоставил Комиссии право свободно высказать свое мнение. Заметим лишь, что поставленная перед Комиссией задача была изначально весьма объемной, а каждое предположение было сопровождено «возражением» [15; 315–324].

Я. А. Балагуров в целом достаточно объективно изложил ход работы Комиссии, поэтому свою задачу мы видим лишь в выяснении позиции С. И. Миницкого. Генерал-губернатор сразу же встал на сторону олонецкой губернской администрации и своего представителя в ней – титулярного советника Федора Борисова. Напряжение между «горными членами» (Амстронгом и Гудимом) и «гражданскими членами» (Борисовым и Грузинским) нарастало от заседания к заседанию. 7 сентября 1825 года Борисов в рапорте генерал-губернатору так объяснял возникшие разногласия между членами Комиссии: «горные члены» настаивают на том, что Комиссия эта «не есть следственная, а для сделания положения к облегчению крестьян. Я же по точным словам Положения Комитета министров и Инструкции полагаю, что все действия Комиссии должны стремиться к раскрытию той завесы, которая поставлена г. Фуллоном пред глазами Правительства, якобы крестьяне не бедны, но богаты и не стеснены, но облагоденствованы его Управлением, как он представил дело на донесение Алексея Федотовича (Клокачева. – В. Е.) к государю... но ныне открывается почти совершенно ложным». В конце Борисов просил генерал-губернатора «не лишить» его своим «начальственным защитением», ибо «всегда неприятностям подвергнуться могу». В ответ Миницкий предложил Борисову руководствоваться в порученном ему деле «истинною справедливостью», и «тогда может быть уверен, что Бог и Государь будет к нему милостивы», а также, чтобы Комиссия вошла во все подробности, как предписано Инструкцией,

«что подтверждено мне министром финансов» [9; 428].

Суть других разногласий между «гражданскими» и «горными» членами можно кратко свести к следующему: позволить ли Комиссии получать сведения о хозяйственном управлении заводов, а также исследовать на местах действительное положение крестьян, особенно по жалобе крестьянина Якушева, который как самый активный жалобщик подвергся даже аресту (см. [17; 71–73]). Губернатор в своих рапортах 5 и 12 октября 1825 года, сообщив С. И. Миницкому об этом, заключил: «Из сего Ваше Высочайшее превосходительство видеть может... какие меры к закрытию притеснений принимает заводское правление... Над Якушевым чинится следствие, чтоб устрашить прочих!» Генерал-губернатор отреагировал весьма энергично: 30 октября он писал Е. Ф. Канкрину, что действия Комиссии «должны касаться не токмо до нынешнего управления, но и за прошедшее время, особенно же об уроках Жданова при бытности покойного управляющего заводом Амстронга, сын которого ныне находится управляющим... и назначен членом Комиссии, голос которого не может быть беспристрастным»; что следствие по Якушеву должно быть проведено Комиссией, а не заводским начальством; что «спору и несогласию во мнении», возникшие между членами Комиссии, «ни к чему доброму не ведут». Поэтому Миницкий предлагал министру заменить «горных членов» другими, которые «открыли бы самую истину и тем исполнили Высочайшую волю», а саму Комиссию подчинить «председательству» губернатора Фан-дер-Флита, который «по недавнему вступлению в должность не мог подать Заводскому Правлению причин быть им недовольным» [9; 466, 483–484], [15; 501–511, 519–521, 545–554].

27 ноября 1825 года Канкрин ответил Миницкому, что обстоятельства, представленные им в письме, уже были рассмотрены в его министерстве и с согласия министра внутренних дел от него уже «преподаны» Комиссии «особые дополнительные правила», которые, как представлялось министру, уже не будут порождать разногласий между членами³. Следствие же по Якушеву министр разрешал перерасследовать земской полиции при депутате со стороны заводского начальства, но при этом не считал необходимым определять особого председателя в Комиссию «потому более, что все действия и поступки ея в Петрозаводске не могут быть решительными, но должны поступить впоследствии сюда (в Санкт-Петербург. – В. Е.) на дальнейшее соображение» [10; 536], [15; 683–684, 689, 842].

В своих рапортах от 21 декабря 1825 года и 12 января 1826 года Борисов представил губернатору объяснение причин, побуждающих его к тому, чтобы продолжать требовать от заводского правления разные сведения, в том числе

о его хозяйственном управлении. Губернатор, препровождая их к генерал-губернатору, полагал, что Борисов это делает исключительно в целях раскрытия настоящего положения приписных крестьян. Резолюция Миницкого гласила: «...выбрав из списка советника Борисова все уважения против Комиссии, чтоб мог министр финансов удостовериться, что советник Борисов и Грузинский содействуют раскрытию и облегчению крестьян, но Гудим и Амстронг препятствуют излишней перепискою» [15; 822].

18 февраля 1826 года Миницкий представил министру финансов отношение, которое является кульминацией в противостоянии губернской и горной администрациями по поводу хода дел в Комиссии. В нем генерал-губернатор просил министра «довести» до Комитета министров как о его предложении от 30 октября 1825 года, так и рапортах Борисова и «исходатайствовать Высочайшее повеление»: 1) Назначить олонецкого губернатора председателем Комиссии. 2) «...Предоставить Комиссии обозреть дела по заводскому правлению, не исключая и относительно к действию заводов и открыть равномерно хозяйственное по ея и по другим частям управление, а наипаче по денежным оборотам, ибо известно, что на действие заводов издержаны миллионы казенных сумм, не включая работ, отправляемых 20 тысячами душ казенных крестьян... управление которыми тоже бы должно проверить...» 3) Обязать заводское правление и горного начальника удовлетворять «без медлительности» все законные требования Комиссии. 4) «Земскую полицию в Петрозаводском уезде и над заводскими крестьянами ныне же изъять из зависимости Правления Олонецких заводов, ибо в одном уезде не совместно быти двум полициям». Эта мера, считал Миницкий, будет также способствовать тому, что крестьяне перестанут молчать «об обидах своих» перед Комиссией и начнут исправно исполнять уроки, так как «невозможно уже будет горным чиновникам обременять казенных крестьян излишними работами и противозаконными сборами. Полицию же постановить... как в удельном имении, чтоб земский суд по делам заводских крестьян действовал бы при депутате со стороны заводской». О своих предложениях Миницкий известил и министра внутренних дел, прося его «оказать покровительство» [15; 849–859]. Ответ министра последовал 26 апреля. В нем Канкрин, обвинив Борисова и Грузинского в пристрастных действиях, высказался по поводу «предложений» Миницкого. Так, например, оценивая предложение генерал-губернатора о председательстве губернатора в Комиссии, министр резонно замечал, что это едва ли «прекратит разногласия, а напротив, отвлечет губернатора от прочих дел». По поводу же разрешения «обозреть дела» по заводскому правлению министр считал, что это

«не было бы согласным с целью Комиссии и к тому же заводы обязаны отчетностью своему начальству». И наконец, он выступил против перевода в компетенцию земской полиции заводских крестьян, так как это не только противоречило существующим узаконениям, но и «отнюдь не обещало то», что земская полиция будет лучше управлять этими крестьянами. Далее Канкрин писал: «Учитывая, что продолжение дел Комиссии от затейливых их голосов некоторых членов наконец даст повод к беспокойствам между крестьянами, кои уже возникли на многих других заводах, я прошу Ваше Превосходительство подтвердить членам Комиссии Гражданского ведомства содействовать успешному выполнению возложенных на оную обязанностей». В силу всех этих обстоятельств, заключал министр, он не нашел возможным представить предложения генерал-губернатора на рассмотрение Комитета министров [15; 709–719, 865–867].

Но С. И. Миницкий не отступил, а изменил тактику, предложив Борисову «о всех же тех предметах, где нужно будет раскрыть истину, не споря на словах относиться куда следует бумагою» [15; 867]. Исполняя это указание, Борисов «молчал до окончания Комиссии», так он сам написал в своем итоговом рапорте генерал-губернатору 22 ноября 1827 года. Однако 16 июля 1826 года Канкрин, не выдержав даже полугода от срока, назначенного Комиссии, сообщил Миницкому о сделанном по его представлению и высочайше одобренном положении Комитета министров о прекращении заседаний Комиссии в течение месяца. Среди причин преждевременного закрытия министр указал «многомедленность действий учрежденной Комиссии и возникновение беспорядков между крестьянами и мастеровыми». Всем членам Комиссии, кроме управляющего Александровским заводом Амстронга, предписывалось после закрытия занятий в Петрозаводске «немедленно отправиться в Санкт-Петербург со всеми собранными материалами... чтоб здесь уже закончить на нее возложенное дело под председательством особо назначенного чиновника со стороны Министерства финансов». В напутствие Борисову Миницкий выразил надежду, что он и там «с той же справедливой деятельностью будет исполнять свою обязанность, как и до сего времени, чего я более желаю и уверен, труды его не останутся без всемилостивейшего Государя внимания» [15; 1397–1409]. Чуть позже губернатор переслал генерал-губернатору составленную Борисовым перед отъездом записку о стесненном положении приписных крестьян, в которой тот указал узаконения и все случаи, где сделаны отступления. Миницкий распорядился приготовить на ее основе краткую записку, из которой, как он написал, было бы видно, «в каком положении крестьяне сии? И в чем заключается их стеснение?»

[15; 1624–1644]. Это доказывает, что С. И. Миницкий не оставил надежды на успех своих инициатив. Вскоре у него появился повод так думать. 28 ноября 1826 года Николай I утвердил положение Комитета министров «О правилах управления Олонецких и Луганского заводов крестьян». Из него следовало, что царь, соглашаясь с мнением Миницкого, поддержанного министром внутренних дел, приказал хозяйственное управление оставить за заводским начальством, но надзор «за общей безопасностью и тишиною, а равно и производство следствий передать земской полиции; при производстве следствия должны присутствовать депутаты от заводского начальства» [2; Т. 1; № 652], [20; Т. 2; Ч. 2; 215–216]⁴.

С 16 сентября 1826 года по 6 октября 1827 года Комиссия работала в Санкт-Петербурге под председательством действительного статского советника Ломбри. Влиять на ход ее работы генерал-губернатор Миницкий уже не мог. Вернувшийся в Петрозаводск 22 ноября Ф. Борисов представил ему итоговый рапорт о действиях Комиссии и своих собственных⁵. Позиция Миницкого ясно видна из резолюции: «в его рапорте все доказывает действительное стеснение приписных крестьян», а советники Борисов и Грузинский сделали все, что было в их силах, для доказательства этого, поэтому «мне было весьма прискорбно видеть» заключение министра финансов о них, и надо бы войти с ходатайством о награждении этих чиновников «как более других исполнявших в точности Инструкцию и наши поручения» и наградить Борисова Владимирским крестом, а Грузинского представить по начальству. «Ежели эти чиновники не будут награждены, тогда невозможно будет <открывать?> истину против сильных»⁶.

Основные «предложения» Комиссии были кратко изложены в записке министра финансов, которая была заслушана Комитетом министров на заседании 13 марта 1828 года. В целом можно согласиться с мнением Я. А. Балагурова о том, что Комиссия никаких радикальных мер к решению вопроса «о повышении благосостояния» приписных крестьян не предложила. И это несмотря на то, что Комиссия представила на рассмотрение Комитета весьма объемный, состоявший из 12 глав и 371 параграфа, проект Положения «как управлять заводскими крестьянами на будущее время» [15; 1725–1753]. Однако считаем необходимым более точно, нежели это сделал Я. А. Балагуров, рассмотреть мнение Канкрина, так как благодаря ему виден итог многолетнего противостояния между олонечскими губернской и горной администрациями. Министр начал с того, что «ничего столь бы не желал, как совершенного освобождения приписных к Олонецким заводам крестьян от заводских работ», но этому препятствуют два

обстоятельства. Во-первых, «малое население Олонецкого края», из-за чего Олонецкие заводы не смогут за умеренную плату приобрести нужное число вольнонаемных. Во-вторых, военные заказы требуют, «чтоб заводы сии были совершенно обеспечены в достоверном получении тех припасов, кои им ныне доставляют приписные крестьяне». Институт непременных работников министром был отвергнут из-за невозможности наделить их землей близ заводов и надзирать за ними во время работ на удаленных рудниках и дровосеках. Мнение же Борисова о полной замене принудительного труда крестьян на вольнонаемный, считал Канкрин, принять нельзя, «ибо означенные подряды относятся только к таким работам, которые за выполнением уже всех обязанностей приписных крестьян признаны нужными». Для их «облегчения» министр предлагал: 1) плакатные деньги выдавать сразу же по исполнении работ с расписками, 2) уроки распределять лишь на половину ревизских душ и расписывать только «на годных по летам работников с освобождением увечных и должностных», 3) размер самого «плаката» пересчитать в соответствии с текущим курсом серебряного рубля, то есть увеличить с 1 руб. 70 коп. до 6 руб. 30 коп. ассигнациями, 4) несколько увеличить «проходные деньги», 5) всю необходимую для этого «прибавочную» сумму отнести на счет казны. В связи с увеличением стоимости урока Канкрин также считал, что на этих крестьян не надо распространять действие указа 9 сентября 1820 года о замене рекрутского набора денежным сбором. Приводить в действие «Проект», составленный Комиссией, министр также не видел необходимости, так как Положением от 9 ноября 1826 года на олонецких приписных крестьян распространялось «во всех частях Положение о казенных крестьянах Санкт-Петербургской и Псковской губерний с приспособлением оного к Горному Начальству» (казенных же крестьян этих губерний в виде эксперимента предполагалось уравнивать с удельными. – В. Е.). Жалобы крестьян, поданные в Комиссию, в том числе и по «делу Жданова», министр полагал «для изыскания строгой истины» рассмотреть в Департаменте горных и соляных дел, а производство по «делу Якушева» прекратить. Комитет министров нашел, что предложения министра «заключают в себе» существенные облегчения для

крестьян, и 3 апреля 1828 года царь их утвердил [2; Т. 3; № 1916].

Нам представляется, что Я. А. Балагуров излишне критично оценил это решение верховной власти. Во-первых, потому, что принятые меры заявлялись как «временные облегчения», во-вторых, автор не посчитал важным акцентировать внимание на том, что реформа в олонецкой приписной деревне позже все-таки началась⁷. Однако реализация этого Положения происходила уже без всякого участия генерал-губернатора.

Таким образом, генерал-губернатор С. И. Миницкий поддержал все инициативы в отношении улучшения положения олонецких приписных крестьян, с которыми «вошел» к Александру I его предшественник А. Ф. Клокачев. Главными из них являются: уравнивание приписных крестьян в правовом статусе с удельными, подчинение их власти общей полиции, освобождение от рекрутства и, наконец, замена принудительного труда вольнонаемным или трудом непременных работников, если это невозможно, то увеличить плату за уроки. Правительство поддержало лишь некоторые. Однако полагаем, что если бы Миницкий не продолжил настаивать на необходимости подчинения приписных крестьян полицейской власти Олонецкой гражданской администрации, полагая, что эта мера облегчит их положение, то она не нашла бы поддержки у Николая I, сделавшего в этом случае исключение из правил. Эксперименты же с заменой труда приписных крестьян вольным наймом, а рекрутства – денежным сбором были тогда, как нам представляется, в принципе невозможны. Постоянные войны требовали бесперебойной работы казенных горных заводов и поставки рекрутов в армию. Однако в рамки проводимой Николаем I внутренней политики, допускавшей лишь частичные и осторожные изменения в существующей системе управления и хозяйства, вполне укладывалось предложение генерал-губернаторов Клокачева и Миницкого о необходимости увеличения оплаты за уроки, выполняемые приписными крестьянами для Олонецких горных заводов. Безусловно, прав Я. А. Балагуров, полагавший, что повышение этой платы было минимальным, однако и таковое едва ли могло произойти, если бы многочисленные просьбы крестьян об этом не были так энергично поддержаны сначала А. Ф. Клокачевым, а затем С. И. Миницким.

* Статья написана в рамках гранта № 12-11-10001 Региональный конкурс «Русский Север: история, современность, перспективы» и при финансовой поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду Манифест от 21 мая 1779 года, согласно которому каждому олонецкому приписному крестьянину устанавливался так называемый урок, за который платился «плакат» (плата) в 1 руб. 70 коп. (это величина тогдашней подушной подати с ревизской души) и «проходные деньги» до «куреней и рудников» [1; № 14878].

² То есть 1/2 часть прибыли от деятельности заводов делилась между начальником Олонецких горных заводов и прочими горными чинами. В случае отсутствия прибыли горному начальнику и штатным членам горного правления от казны

полагалось жалованье. Так, например, А. А. Фуллону полагалось по 3 тыс. руб. жалованья и столовых денег в год. Однако Я. А. Балагуров утверждает, что в 1820-х годах Олонецкие горные заводы не получали прибыли. Впрочем, у заводских чиновников были другие «побочные» источники доходов. Например, они брали на себя выполнение за крестьян их уроков, взимая при этом за каждый урок по 18–20 рублей. Об этом впоследствии будет свидетельствовать член Комиссии Борисов и жандармский подполковник Маслов, расследовавший по высочайшему повелению весной 1827 года жалобы крестьян и мастеровых. В 1828 году министр финансов признал подобные действия олонечских горных чинов «неприличными» [15; 1641, 1673–1701], [14; 88, 161, 192], [16; 258–259].

³ В них министр требовал от Комиссии: 1) не брать от крестьян частных жалоб и тем более не производить по ним на местах следствий, а собирать таковые через избранных от каждой волости депутатов и «потом уже ни от кого уже никаких жалоб... ни словесных, ни письменных не принимать»; 2) рассмотрев их все, «иметь в виду собственно только те, что относятся до положения приписных крестьян; в другие же предметы Заводского управления отнюдь не входить, как дела до Комиссии совершенно посторонние»; 3) закончить все возложенные на нее занятия «в один год», иначе дальнейшая медлительность будет отнесена на ее «нерадение» [15; 685–686].

⁴ Все подробности этого межведомственного противостояния можно узнать из самого Положения от 28 ноября 1826 года. Заметим лишь, что сначала Комитет министров поддержал мнение министра финансов, найдя, «что по одному частному случаю нет надобности делать перемены в существенных коренных постановлениях, тем более что предлагаемая мера не может принести существенной пользы». Однако Николай I решил иначе: «Дело сие требует особого рассмотрения. Горный округ Уральский и т. п. обширные, составляя большое целое, могут иметь особое управление по части полиции от губернского; но я считаю столько же вредным изъятие и в малом виде, как в Олонецкой губернии; а потому рассмотреть обстоятельно, не лучше ли везде, кроме на Уральских и т. п. больших заводах, во всех прочих полиции подчинить общему губернскому начальству».

⁵ Суть «личных» предложений Борисова весьма подробно изложил Я. А. Балагуров [17; 74–75]. Мы лишь заметим, что, предлагая исполняемые крестьянами уроки передать им же на условиях вольного найма и за цены, которые платят заводы своим постоянным и крупным подрядчикам-купцам (в том числе был и Жданов), Борисов по сути попытался развить высказанное еще в 1822 году А. Ф. Клокачевым предложение о замене всех заводских работ вольным наймом.

⁶ После переписки генерал-губернатора с министром финансов и внутренних дел по решению Комитета министров Борисов, как и прочие члены этой Комиссии, получил лишь денежное вознаграждение в размере 1500 рублей [15; 1651, 1706–1720].

⁷ Согласно предписанию Департамента горных и соляных дел от 26 мая 1828 года Олонецкое горное правление должно было начать реализацию Положения от 24 июня 1826 года [11; 1]. Я. А. Балагуров упомянул об этом только в сноске 2 на с. 80 своей работы [17].

ИСТОЧНИКИ

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1: В 45 т. СПб., 1830.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2: В 55 т. СПб., 1830–1884.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1409. Собственная Его Императорского Величества канцелярия. Оп. 1. Д. 4177.
4. РГИА. Ф. 1286. Департамент полиции исполнительной. Оп. 2. Д. 4849.
5. Государственный архив Архангельской области (ГА АО). Ф. 1367. Канцелярия генерал-губернатора Архангельского, Вологодского и Олонецкого. Оп. 1. Д. 191.
6. ГА АО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 262.
7. ГА АО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 329а.
8. ГА АО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 329б.
9. ГА АО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 329в.
10. ГА АО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 329д.
11. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 37. Олонецкое горное правление. Оп. 1. Д. 304.
12. НА РК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1001.
13. НА РК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1247.
14. НА РК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1638.
15. НА РК. Ф. 37. Оп. 8. Д. 534.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

16. Балагуров Я. А. Олонецкие горные заводы в дореформенный период. Петрозаводск, 1958. 211 с.
17. Балагуров Я. А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. Петрозаводск, 1962. 352 с.
18. Дунаева Н. В. Между сословной и гражданской свободой: эволюция правосубъектности свободных сельских обывателей Российской империи в XIX в. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2010. 475 с.
19. Ефимова В. В. Генерал-губернатор А. Ф. Клокачев и приписные крестьяне Олонецкой губернии // Державинский сборник-2010. Петрозаводск, 2010. С. 78–90.
20. Исторический обзор деятельности Комитета министров: В 5 т. / Сост. С. М. Середонин. СПб., 1902.

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛИННИК

доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-экономических дисциплин, Карельская государственная педагогическая академия (Петрозаводск, Российская Федерация)
YuLinnik@yandex.ru

Рец. на кн.: Кондратьев И. В. В поисках невымышленного Сампо. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 132 с.

В книге И. В. Кондратьева «В поисках невымышленного Сампо» исследователь утверждает, что нашел исторический прототип Сампо – причем крайне нетривиальный, неожиданный. Только ли архетип Мирового древа стоит за удивительной мельницей? Или категоричней: не навязан ли он – как некий готовый стереотип – крайне сложному, многозначному образу? Думается, что мельница Сампо прежде всего связана с архетипом чудесной избыточности, когда эффект получается если не даром, то за счет какой-то невероятной изобретательности, производящей впечатление сказки, фантастики. У этого архетипа могут быть самые разные воплощения. Инвариант здесь один: Сампо работает против энтропии – производит антиэнтропию.

Представим себе, что древнее племя окружило небольшое мелкое озеро круговой плотинной, дабы поднять уровень его вод. Рыбы резко прибавилось, с ирригацией не стало проблем. Искусственно созданный перепад мог быть задействован для весьма нетривиальных целей. Почему бы не представить, что под лотком водосброса располагалось нечто подобное мерёже? Регуляция осуществлена – и улов получен: замечательное удвоение функций. Увлечшись гипотезой И. В. Кондратьева, я позволил себе развить ее вот в каком направлении: а не была ли уникальная плотина соединена с мельницей? Естественно, что колесо крутилось бы лишь при спуске вод, но за короткое время оно успевало бы хорошо поработать, при сильных дождях тем более. Наше дополнение перспективно в том плане, что оно еще теснее соединяет Самро с Сампо, толкуемом прежде всего как мельница. Посмотрим на озеро, окруженное кольцом свай, с высоты птичьего полета. Инженерное чудо на заре цивилизации! А потом враги разрушили плотину. Племя откочевало на север. Удаление во времени и пространстве от чего-то родного, ключевого всегда содействует его мифологизации.

Историческая память часто работает как поэт – метафорически переосмысляет, переиначивает реальность. Но суть остается сохранной. Нечто подобное случилось и с озером. Пройдя через ряд метаморфоз, оно предстало как Сампо – превратилось в расцвеченный миф. Поначалу сознание противится дерзкой гипотезе: не мо-

жет быть такого! Сейчас мы изложили (с некоторыми дополнениями и экстраполяциями) идею И. В. Кондратьева. Не будем спешить с априорным протестом. Вдумаемся в аргументацию автора. Она убедительна. Прошлое порой не оставляет никакого следа, кроме топонимов. Загадочно звучащие, они манят в свою глубину – опытный взгляд способен различить на самом дне сокровенные смыслы. Название одной из глав книги И. В. Кондратьева – «Чудские и лопские топонимы как следы этнических границ древности» (с. 17). Речь идет о юго-западе нынешней Ленинградской и западе Псковской области. Чудское озеро – деревня Чудиново – река Чудка. И рядом – урочище Лопова Тишь – деревня Лопанец – село Лопотово. Мы помним о главной коллизии «Калевалы» – калевальцы противостоят лапландцам. Первые генетически связаны с чудью. Вторые восходят к протосаамам. Борьба идет за Сампо. Средоточьем местности, о которой идет речь, является озеро Самро. Сходство с названием волшебной мельницы является случайным? Автор исследует этот вопрос, исходя из двух вполне оправданных предположений:

1) своеобразие топонимики – ее смешанный характер – может указывать на то, что именно тут завязался этнический конфликт, впоследствии ставший сюжетной основой «Калевалы»;

2) *Самро* как-то связано с *Сампо*.

Но как? Автор называет озеро *отпечатком* мельницы – имеются в виду его круглые очертания (с. 22). Не слишком ли общий и расплывчатый изоморфизм? Надо бы как-то его уточнить. И почему в словах, фактически отождествляемых автором, «р» заменилось на «п»?

Протосаамская топонимика имеет огромное значение для познания истории Севера в ее наиболее архаичных пластах. Порой она и только она дает пусть очень тонкую, но надежную путеводную нить, способную вывести к истине. Автор научился двигаться вдоль нее. Профессионально освоив финно-угорскую филологию, он делает подчас рискованные, но, несомненно, эвристичные сближения смыслов. Вот алгоритм, позволяющий от *Самро* перейти к *Сампо*:

1) *Саммера* – *саамское море*; заметим, что понятие моря древние относили к крупным водоемам – иногда даже к заливам.

2) *Покх* по-саамски — дно; *Сампокх* — дно моря.

3) Редукция окончания приводит нас к *Сампо*.

И. В. Кондратьев использует оригинальный метод: топонимы конкретной местности он накладывает на имена мифических героев — выявляемые унисоны не могут не интриговать. Недалече от озера *Самро* находится река *Ильменка*. *Сампо* выковал *Ильмаринен*. Если учесть, что *ринтта* переводится с саамского как берег, то в имени героя мы услышим: *берег Ильмы*. В окрестностях *Самро* находится поселение *Вейно*. *Мейн* по-саамски — яйцо: понятие, имеющее вес архетипа, — вспомним космогенез «Калевалы». Сочетая *Вейно* и *мейн*, получаем еще одно имя: Вайнямёйнен.

В замечательной книге И. В. Кондратьева много поэзии. Игра ассоциаций у него — и вытекающие из нее этимологии — кому-то покажется фантазмагоричной. Это вне науки? Но как раз такой тип мышления зачастую необходим для прорыва к новому: скрытые связи при вспышке озарения обнаруживают себя — и это подчас дает шоковый эффект. Вот большая загадка: почему именно гидронимы наиболее архаичны? И наиболее устойчивы в потоке народов, культур, языков? Гидронимика, связанная с озером *Самро*, — и содержание калевальских рун: соответствия между ними, выявленные И. В. Кондратьевым, скептик вправе считать случайными. Но непредвзятый читатель не будет уходить от остро и ярко поставленной проблемы. Выявленные корреляции должны заинтересовать его и спровоцировать на аналитические размышления. Когда-то возле *Самро* обитала вода. В звучании данного этнонима легко угадывается самоназвание народа — *вадда*; этимология тут возводит к весьма необычным значениям: *свая*, *столб*, *клин*. В 1983 году в п. Калевала от Т. Д. Ватанен (1907 г. р.) была записана детская песня «Жил-был Онни-Манни». Приведем фрагмент из нее в переводе И. В. Кондратьева:

*В церкви — молодые мужчины,
Еще вина не пившие,
Еще женщин не знавшие,
Скручивают канаты,
Железные канаты вяют,
Чтобы края моря связать,
Залив Пятку приукрасить,
Чтобы море усмирилось сваями,
Чтобы залив Пятка красивым был* (с. 57–58; выделено нами. — Ю. Л.).

О сваях, забитых вокруг водоема, пел и Архипп Перттунен — руну с этой загадочной деталью записал от него в 1834 году Э. Лённрот. Там мы находим весьма странное сравнение: «Озе-

ро — как лодки плетение». Вот какое истолкование предлагает нам И. В. Кондратьев: «Сравнение состояния озера с плетением лодки, по-видимому, предполагает сшивание бортов озера подобно сшиванию бортов лодки при ее строительстве» (с. 59). Борт озера! Само словосочетание — явный парадокс. Но попробуем сказанное в рунах и песнях принять если не буквально, то с минимумом условности как отражение реальности. Тогда становятся понятными и медные цепи, и железные тросы, о которых фольклор говорит применительно к деятельности, связанной с укреплением берегов. Вот где будет востребован талант кователя Ильмаринена. Автор дает полную волю воображению, и оно приносит весьма конструктивные результаты. Приведем точные гидроинженерные расчеты И. В. Кондратьева. Для того чтобы поднять уровень *Самро* на 4,5 м, нужно забить по периметру 2250 м — 7500 свай с диаметром бревен в 30 см. Рыбная продуктивность возрастет при этом до 515 раз (с. 56).

После гибели *Сампо*, а это, по И. В. Кондратьеву, не что иное, как уничтожение свайного ограждения, мы слышим от Вайнямёйнена утешение, требующее комментария:

*Но у нас — посев и пашня,
Нам — и всяческое жито* (с. 113).

Вот объяснение этого эпизода: «...после ухода воды мелководье северно-западной части озера должно было стать пашнями и местами для покосов» (с. 113). По сути речь идет о серьезной экологической катастрофе. Что же предшествовало случившемуся? Еще раз бросим взгляд на *Самро*, мысленно перенесшись в III век н. э., — к этому времени И. В. Кондратьев относит создание *Сампо*. Впечатляющая картина откроется. Грандиозное сооружение несет в себе воистину ноосферные смыслы. Топография *Самро* — и конкретика «Калевалы»: сколько тут совпадений! Два разных плана являют свое взаимно-однозначное соответствие. Теория вероятностей работает в пользу И. В. Кондратьева.

Таким образом, читателю предложена для чтения и изучения уникальная книга. Гипотеза автора самоценна как пример продуктивного системного мышления, усиленного поэтической интуицией. Мое глубокое убеждение: научное сообщество должно терпимо относиться к подобного рода гипотезам. На первых стадиях их апробации важен критерий обоснованности и доказательности в развитии нестандартных взглядов, а также мера эрудированности автора — по этим статьям И. В. Кондратьев выдерживает испытание. Новые связи, интересные ассоциации — это самоценно, и это присутствует в рецензируемой книге. Она инициирует творческий поиск.

АЛПО ЮНТУНЕН

профессор Университета национальной обороны Финляндии (Хельсинки, Финляндия)
alpokalervo.juntunen@gmail.com

Рец. на кн.: Nachtigal, Reinhard. Die Murmanbahn. Die Verkehrsbindung eines kriegswichtigen Hafens und das Arbeitspotential der Kriegsgefangenen (1915 bis 1918). Grunbach: Verlag Bernhard Albert Greiner, 2001. 159 s.; Nachtigal, Reinhard. Die Murmanbahn 1915–1919. Kriegsnotwendigkeit und Wirtschaftintressen. Remshalden: Verlag Bernhard Albert Greiner, 2007. 222 s.; Голубев А. А. История строительства Мурманской железной дороги. СПб.: Петербургский государственный университет путей сообщения, 2011. 204 с.

Железная дорога из Петрограда в Мурманск была построена во время Первой мировой войны, коренным образом изменив стратегическую и экономическую ситуацию в северо-западной части Евразии. В 2016 году исполнится 100 лет завершению строительства дороги, но до настоящего времени ее строительство и значение остаются малоизученными во многом из-за того, что архивы открылись только после перестройки и распада Советского Союза.

Значение дороги особенно велико для истории Финляндии и Карелии. В рамках проекта «Национальная государственность на Северо-Западе России после революции и до 1940 года. Развитие Карелии и Коми в сравнении с Финляндией», финансировавшегося Финляндской Академией, я исследовал ситуацию с транспортом и в 1997 году опубликовал монографию, в которой строительство дороги рассматривалось в общестратегическом контексте. Однако я не затрагивал технические детали строительства дороги (см.: Juntunen, Alpo. Valta ja rautatiet. Luoteis-Venäjän rautateiden rakentamista keisikeisisti ohjanneet tekijät 1890-luvulta 2. maailmansotaan. Helsinki, 1997).

Дорога строилась с использованием рабочей силы военнопленных. Немецкий историк Р. Нахтигаль в монографии, опубликованной в 2001 году, рассмотрел проблему участия в строительстве дороги военнопленных из центральных держав. Шесть лет спустя автор опубликовал дополненное исследование, в котором учел новейшую научную литературу. В первой монографии автор полностью сосредоточился на проблеме военнопленных. Во второй книге рассматривается роль военнопленных как строителей дороги, кроме того, на основе английских источников выявляются экономические и империалистические устремления Великобритании на Северо-Западе России. Р. Нахтигаль критически анализирует источники и литературу и сообщает новые сведения, однако он не выявляет, в какой степени британские намерения совпадали с интересами России. Вообще российский угол зрения представлен плохо. Собственно строительные работы автор рассматривает только

через условия жизни военнопленных. Подробно рассматриваются международные меры, направленные на улучшение положения заключенных, в том числе предпринятые Красным Крестом. О русских, финских и китайских строителях упоминается лишь вскользь. Странно, что немецкий автор не обратил внимания на сложности при строительстве и организации снабжения, вызванные северным климатом. Представляет интерес очерк, касающийся бежавших со строительных работ. Дополнительный свет на этот вопрос могло бы пролить использование финских источников. В Финляндии вопрос о бежавших пленных исследовал Матти Лакман, его книга должна быть опубликована в 2012 году. Исследование Р. Нахтигалья снабжено статистическими данными и графиками, касающимися военнопленных. Но эти сведения, не будучи соотнесенными с общим количеством рабочих, остаются недостаточными для создания общей картины. Следовало бы также более тщательно отнестись к подбору фотографий, которые не дают информации по рассматриваемой теме. Автор мог бы уделить больше внимания картографии. Карта без даты выпуска, приведенная в книге, характеризует лишь ландшафт и общие контуры железной дороги.

Первым после распада Советского Союза исследованием, посвященным строительству дороги, стала монография А. А. Голубева, вышедшая в 2011 году. Она непосредственно сосредоточена на строительстве Мурманской железной дороги. В начале книги автор дает обширный обзор российской литературы по истории железных дорог, однако в дальнейшем не сопоставляет строительство Мурманской дороги с другими крупными проектами, такими как строительство Сибирской и Среднеазиатской дорог. Исследование А. А. Голубева основывается на архивных источниках. Он использует материалы фондов Совета министров, Министерств финансов и путей сообщения, а также документы, касающиеся строительства отдельных участков дорог, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге. Второй основной группой источников послужили

ли фонды Национального архива Республики Карелия. Архивные источники дополнены законодательными актами империи, материалами прессы и исследовательской литературы. В отношении последней главным упущением является отсутствие иностранной литературы. На основе используемых источников автор создал подробный очерк планирования, строительства и ввода дороги в эксплуатацию. Основной упор делается на строительстве, поэтому автор почти не затрагивает вопрос о стратегическом значении дороги. Большой заслугой следует считать исследование планов строительства Олонецкой железной дороги, предшествовавшего строительству Мурманской. А. А. Голубев демонстрирует, что при всей инициативности, исходившей из губернии, для развития бедной провинции требовалась поддержка государства. Олонецкая Карелия была не единственным бедным регионом, и лишь стратегическая потребность в перевозках, порожденная мировой войной, сделала возможным строительство Олонецкой дороги и ее продолжения до Мурмана. В архиве Министерства путей сообщения автор обнаружил планы соединения железнодорожных систем Финляндии и России, однако он не рассматривает их подробно. В целом следует констатировать, что автор чрезмерно доверяет источникам, излагая их содержание и не пытаясь заглянуть глубже. Заметим, что это довольно распространенный недостаток методологии в постсоветских исследованиях. В советские времена марксизм-ленинизм определял направление исследования безотносительно к источникам. Теперь же авторы стараются избегать их интерпретации.

А. А. Голубев уделяет внимание техническим подробностям строительства, поставкам материалов и оборудования, рассматривает сложности, обусловленные ландшафтом и климатом. Вопрос о преодолении больших болот решался прокладкой пути поверх деревянных настилов. Такое решение было временным и эффективным лишь зимой, когда болота были скованы морозом. Весенняя распутица полностью останавливала движение, и зимой строительство затруднялось и замедлялось из-за снега и морозов. Ради жесткого графика приходилось поступаться техническим уровнем. Чем дольше шла война, тем острее русская армия нуждалась в поставках оружия и технической помощи со стороны западных союзников.

Наиболее острой проблемой была нехватка рабочей силы и сложности снабжения: в армию были призваны миллионы мужчин, туда же направлены тысячи лошадей. В редконаселенных северных губерниях строителей не хватало. Из густонаселенных центральных губерний завозились землекопы и плотники, с Урала — специалисты по обустройству насыпей. Квалифициро-

ванную рабочую силу завозили из Финляндии, которая в транспортном отношении была более доступна, чем отдаленные российские губернии. Кроме того, финны были освобождены от воинской повинности. Они довольно легко приспособлялись к карельским условиям. Общее количество финских рабочих оценивается примерно в 5,5 тысячи человек. Из-за спешности строительства работа была предложена также английским подрядчикам. Они обещали завезти рабочих из Канады, которые, как предполагалось, смогут приспособиться к условиям Карелии и Кольского полуострова. На Кольский полуостров прибыли около 500 канадцев, однако спустя несколько недель они уехали, недовольные условиями жизни. Английские подрядчики вынуждены были прекратить работу. Тем не менее Великобритания участвовала в финансировании и поставках товаров. При строительстве путей в Манчжурии на рубеже веков Россия использовала местных жителей, и в 1916 году на строительство Мурманской дороги были завезены свыше 10 тысяч китайцев, имевших опыт железнодорожного строительства. В этом же году из района Семипалатинска были завезены около двух тысяч киргизов, работавших ранее на строительстве Среднеазиатской дороги. Начиная с 1916 года завозились также военнопленные, число которых в феврале 1917 года достигло 35 тысяч. Излишнее доверие автора к источникам проявилось, в частности, в том, что он, ссылаясь на источники, говорит лишь о 75 военнопленных, которым удалось бежать со строительства. Исследователю следовало бы заметить, что управление строительством всячески стремилось занизить сведения о побегах и прочих неполадках. А. А. Голубев оценивает общую численность занятых на строительстве дороги в 170 тысяч. Он считает эти данные неточными из-за неясностей и противоречий в источниках. Обеспечение и руководство смешанной по своему составу массой рабочих было трудным, и в ходе строительства происходили многочисленные забастовки и конфликты. Несмотря на все трудности, строительство было закончено, и 3 ноября 1916 года было официально открыто движение. О технических подробностях говорят приложения, которые автор напрямую копирует из документов. В книге приведено большое количество хорошо отобранных фотографий дороги и ее строителей. Однако в монографии явно не хватает надлежащих карт, приведена лишь копия схемы пути Петрозаводск — Мурманск по состоянию на 1915—1916 годы. Тем не менее исследование А. А. Голубева полностью соответствует своему заглавию и дает отличное представление о той огромной работе, которая была проделана в тяжелых условиях и в исключительное время.

(Пер. с фин. И. Соломеща)

АЛЕКСЕЙ СЕВАСТЬЯНОВИЧ РЕВАЙКИН

доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и финансов экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ars@sampo.ru

Уважаемые читатели! Предлагаем вашему вниманию дискуссионный подход к определению собственности как единства внутренней и внешней ее сторон.

О СОБСТВЕННОСТИ

Центральной проблемой институциональных преобразований в России является трансформация собственности. Это определяется тем, что собственность представляет исходный принцип организации общества, его формальных и неформальных институтов, определяющий глубинную сущность социально-экономических, политических, правовых, нравственных отношений. «...Собственность есть крупнейший факт человеческой жизни... такой видимый узел, в который как-то вплетаются, как-то связываются чуть ли не все проявления человеческой жизни, – этого отрицать не станет никто», – писал русский философ В. Ф. Эрн [4; 194].

Известно, что в советский период общераспространенным было отождествление государственной собственности с общенародной. В экономической теории собственность рассматривалась как исторически сложившийся определенный способ присвоения благ, включающий владение, распоряжение и использование. До сих пор в экономической теории собственность трактуется таким же образом. Так, например, А. И. Добрынин дает следующее определение: «...собственность есть отношение между людьми по поводу пользования материальными и духовными благами и условиями их производства или исторически определенный общественный способ присвоения благ» [5; 59]. В данном определении не просматривается источник саморазвития собственности. Она выступает только как внешнее отношение.

Истоки более глубокого толкования собственности мы находим в немецкой философии. Так, например, по Гегелю, в самом общем, абстрактном виде собственность – это единство двух сторон: внутренних потенций жизнедеятельности человека, его воли («внутренняя собственность») и внешней формы отчуждения этих потенций от человека, его воли. Внутренняя собственность связана с духовными и физическими способностями, знаниями и умениями человека. Внешняя собственность – это воля отдельного человека, помещенная в вещь, внешнюю среду (см. [2]). Во взаимосвязи внутренней и внешней собственности ведущей является внутренняя, так как во внешний мир ничего, кроме воли че-

ловека, помещено быть не может. С другой стороны, если внешний мир такой, что человек не может реализовать свои потенции, свою волю, его внутренние силы становятся не востребуемыми и «затухают». Такое понимание собственности позволяет найти источник его развития. Важнейшим практическим выводом из этого теоретического построения для преобразований собственности в переходный период является принцип тождественности. Суть этого принципа заключается в том, что между внутренней и внешней сторонами в идеале должно быть соответствие [1; 4–5]. И поэтому в процессе преобразований собственности следует учитывать состояние человека, его готовность к этим преобразованиям, памятуя о том, что граждане России имели тяжелое наследие почти полного огосударствления. Следует учитывать наличие рассогласованности между потенциями человека и внешними возможностями реализации внутренней собственности. В этой связи преобразования собственности должны проводиться ради высвобождения физических и духовных сил, энергии людей, приведения внутренней стороны собственности в соответствие с внешней. К сожалению, приватизация в России происходила без учета готовности населения к такой модели приватизации, которую выбрали реформаторы.

В дискуссии о приватизации, ее практическом осуществлении на первый план вышли проблемы: 1) кто получит преимущественные права на приватизацию государственной и муниципальной собственности? 2) в каких формах осуществлять приватизацию? По первой проблеме выявились три позиции. Согласно первой, собственность должна принадлежать тому, кто может заплатить за нее максимальную цену. Сторонники второй позиции считали, что собственность должна перейти в руки работников соответствующих государственных и муниципальных предприятий. При этом в качестве варианта приватизации предусматривалась продажа до 51 % акций работникам, которые должны были внести ваучерами не менее 50 %. Номенклатура, а иногда и руководители скупали очень дешевые ваучеры и вносили их в акционерные общества. Этим воспользовались большинство

работников, надеясь, что предприятия будут под их контролем, а оказалось, что в результате передела, слияния собственности, несовершенства законодательства собственниками стала узкая группа людей (руководители предприятий, менеджеры, номенклатура, а иногда и криминал). Наконец, третья позиция: собственность необходимо распределять между всеми гражданами [3; 65]. Формально реформаторы это сделали. На самом деле, как уже отмечалось выше, руководители, номенклатура, криминал скупали у населения ваучеры по низкой цене, иногда за бутылку водки и становились собственниками. Также ваучеры можно было продать или вложить в так называемые чековые инвестиционные фонды. Как показала практика, свою первоначальную задачу они не выполнили.

Три точки зрения выявились и по второй проблеме: 1) государственная и муниципальная собственность должна приватизироваться по рыночным ценам, определяемым через аукционную продажу; 2) приватизация должна проводиться по остаточной стоимости основных фондов; 3) собственность должна приватизироваться бесплатно [3; 65]. Были допущены просчеты и в законодательных актах, касающихся приватизации. Новыми законами были внесены существенные изменения. Например, вместо приватизационных счетов и вкладов, которые предлагалось использовать только на приватизацию, были введены приватизационные чеки, получившие название ваучеров. Принципиальное отличие заключалось в том, что ваучеру был придан статус платежного средства. Кардинальным образом была изменена и оценка приватизируемого имущества. Вместо оценки по рыночной стоимости предлагалась оценка по остаточной стоимости в ценах 1991 года, то есть до либерализации цен. Указанные изменения определили номенклатурный, криминальный характер приватизации.

Что касается последующих этапов приватизации, то они путем передела, слияния и даже рейдерства обеспечивали концентрацию собственности, особенно крупных и средних предприятий, и их имущества в руках узкой группы собственников.

Отечественными учеными в определение собственности Гегеля были внесены три основных дополнения, связанных с процессом обобществления жизни [1]. Первое дополнение определяется ограниченностью того внешнего мира, в который может вмещаться внутренняя собственность. Это обусловлено тем, что в процессе совместной общественной жизни из сферы единоличной принадлежности изымаются общественно значимые факторы производства. С этим связана эволюция развития собственности от личной к индивидуальной частной, частной корпоративной, коллективной. Внешний мир противостоит индивиду. В развитых

странах с рыночной экономикой в результате научно-технической революции современная собственность (в ее изначальном понимании как свойства личности) объектом своей реализации, своего выхода во внешний мир имеет не только средства производства, но новую сферу: организацию производства – менеджмент. Второе дополнение связано с социальными формами жизнедеятельности человека, субъекта – носителя собственности. С одной стороны, человек по естественной природе своей стремится к индивидуализации. С другой стороны, он не может существовать без отражения во внешнем социальном мире. В связи с этим он либо ищет в готовом виде соответствующие ему структуры, либо создает их заново с участием других индивидуумов. Проблема для преобразований собственности состоит в том, чтобы обеспечить свободное развитие таких социальных и производственных структур, которые позволили бы реализовать принцип тождественности внутренних потенций человека и его внешней среды, но не материального, а социального характера. Третье дополнение связано с характером коллективного труда, его кооперацией. Большинство современных производств присуща кооперация труда, обусловленная закономерностями развития техники и технологий. Важно учитывать, что коллективизация труда только формально имеет вид обобществления. Исходные категории размываются. В реальности в основе коллективных форм труда лежит монополизация власти и творчества небольшим кругом лиц, определяющим нормы поведения большинства работников. Здесь свою волю, свою внутреннюю собственность могут реализовать только немногие индивиды. Остальные работники, выступающие исполнителями определенных функций на производстве, сами являются, по существу, объектами собственности, внешней средой. Вывод, вытекающий из определения собственности с учетом указанных выше дополнений, заключается в том, что исходным в собственности является человек; собственность – это функция человека; и с его развитием связаны основные проблемы преобразований собственности в процессе дальнейшего развития рыночной экономики в России.

Становление, а точнее создание частной собственности – ключевая проблема преобразований собственности. В советский период теоретически отрицалась частная собственность. Советские экономисты руководствовались известным положением К. Маркса и Ф. Энгельса, изложенным ими в «Манифесте коммунистической партии»: «...коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности». Практически при огосударствлении всех сфер деятельности общества частная собственность находилась вне закона.

Частная собственность формирует новые мотивы труда, развивает хозяйственную предприимчивость, воспитывает творческое отношение к труду, самостоятельность и ответственность за результаты. Она формирует новый образ жизни, научая строго различать «мое» и «твое», «я» и «мы». Важна мысль русского правоведа, философа, религиозного мыслителя И. А. Ильина: «...частная собственность есть не просто “право”, а нравственно обязывающее право. Собственность обязывает каждого к творческому использованию всех ее возможностей; к несению больших общественных тягот и государственных повинностей; к человеческому обхождению со всеми, кто так или иначе зависит от вещной власти собственника; к постоянной заботе о хозяйственных беспочвенных людях» [4; 131]. И далее: «Иметь частную собственность и проистекающую из нее хозяйственную самостоятельность есть великое благо. Чем меньше людей лишено этого блага, тем лучше. Чем больше людей оторвано от собственности, тем несправедливее общественный строй, тем менее жизнеспособно государство» [4; 130].

Главным в оценке результатов преобразований собственности в России за весь период при-

ватизации является то, что не решена основная проблема – формирование массового слоя эффективных собственников и на его основе среднего класса. Нерешенными проблемами также остаются: 1) коррумпированность властных структур; 2) множество бюрократических препятствий; 3) незащищенность добросовестных собственников; 4) отсутствие или недостаточность конкуренции, создание равных условий для конкуренции различных форм собственности; 5) власть олигархов в экономике; 6) принадлежность государству значительной части имущества, активов; 7) отсутствие или недостаточность ответственности собственников средств производства, их капитала за развитие производства, создание условий для достойной жизни наемных работников; 8) недостаточность ответственности собственников перед обществом за социально-экономические последствия их деятельности; 9) неразвитость партнерских отношений между бизнесом, государством и гражданскими институтами. Все эти нерешенные проблемы не позволяют в полной мере реализовать потенциал человека-собственника, внутреннюю собственность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быстрицкий С. П., Заусаев В. К., Леденев М. И., Ревайкин А. С., Салькин П. М. Методологические проблемы приватизации. Хабаровск, 1992. 62 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия собственности // Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 101–128.
3. Ревайкин А. С. Реформирование российской экономики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 178 с.
4. Русская философия собственности 18–20 вв. СПб.: СП «Ганза», 1993. 512 с.
5. Экономическая теория: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 1999. 448 с.

13 сентября 2012 года исполнится 60 лет профессору, доктору филологических наук, декану филологического факультета Петрозаводского государственного университета, члену редакционной коллегии нашего журнала *Андрею Евгеньевичу Кунильскому*.

АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ КУНИЛЬСКИЙ

К 60-летию со дня рождения

А. Е. Кунильский родился в г. Белгороде. Закончив Петрозаводский университет в 1975 году, он работал корреспондентом газеты «Олонецкая правда». С 1976 по 1980 год учился в заочной аспирантуре Петрозаводского госуниверситета. В 1984 году успешно защитил кандидатскую диссертацию в Ленинградском университете. С 2001 года А. Е. Кунильский исполнял обязанности заведующего кафедрой русской литературы, в 2004 году был избран деканом филологического факультета. В 2006 году Андрей Евгеньевич успешно защитил докторскую диссертацию в ПетрГУ.

Научная работа А. Е. Кунильского посвящена в первую очередь изучению художественного и публицистического наследия Ф. М. Достоевского. Ученым написано более 30 научных и учебно-методических работ, среди которых важнейшими являются «Ценностный анализ литературного произведения (роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»)), «Смех в мире Достоевского», «Опыт истолкования литературного героя (роман Ф. М. Достоевского «Идиот»)), «Лик земной и вечная истина», «О восприятии мира и изображении героя в произведениях Ф. М. Достоевского».

А. Е. Кунильский является активным участником многочисленных конференций, в том числе и зарубежных (Швейцария (2004), Венгрия (2007), Италия (2010), Китай (2011)). Много внимания он уделяет общественной и организационной деятельности как член Совета университета, председатель общественного совета научной библиотеки ПетрГУ, ответственный секретарь серии «Общественные и гуманитарные науки» научного журнала «Ученые записки ПетрГУ». Андрей Евгеньевич охотно выступает в телевизионных и радиоэфирах, там, где есть возможность повысить интерес к русской литературе и культуре в целом.

А. Е. Кунильский награжден почетной грамотой Министерства образования и науки РФ (2000), имеет нагрудный знак «Почетный работник высшего профессионального образования» (2007).

Поздравляем Андрея Евгеньевича с юбилеем, желаем ему здоровья, продолжения активной научной работы, а его факультету – процветания!

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ: ГЕРОИЧЕСКОЕ И ОБЫДЕННОЕ»

18–20 сентября 2012 года
Петрозаводский государственный университет
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН
Карельская государственная педагогическая академия

Конференция, посвященная Году российской истории, проводится при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.

На конференции предполагается работа следующих секций:

1. Личность на фоне перемен: время революций и реформ
2. Пространство повседневности: антропологический подход
3. Человек и военное время
4. Репрезентации человека современниками и исследователями

Оргкомитет конференции:
Петрозаводский государственный университет.
Деканат исторического факультета

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33, каб. 303. Тел.: (8142) 71-10-74.
E-mail: verigin@psu.karelia.ru

ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РУСИСТИКА В НАЧАЛЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ:
ПРОБЛЕМЫ, ИТОГИ, ПЕРСПЕКТИВЫ»

20–22 сентября 2012 года
Петрозаводский государственный университет

Основные направления и вопросы конференции:

- Аспекты взаимодействия мышления, языка и коммуникации.
- Проблемы грамматики и лексикологии русского языка.
- История русского языка.
- Проблемы стилистики и лингвистики текста.

Оргкомитет конференции
Петрозаводский государственный университет.
Кафедра русского языка
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33, каб. 323. Тел.: (8142) 71-10-73.
E-mail: kafrus@psu.karelia.ru

ЕДИНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Публикации в журнале подлежат статьи, ранее не печатавшиеся в других изданиях.

Статья предоставляется в распечатанном виде на бумаге формата А4 (в двух экземплярах) и в электронном виде, на носителе или вложением в электронное письмо на адрес редакции журнала. Печатная версия статьи подписывается всеми авторами.

Статья набирается в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением .doc. Объем оригинальной и обзорной статьи как правило не должен превышать 0,5–0,7 печатного листа, кратких сообщений, отчетов о конференциях и рецензий на книги – до 3 страниц. Поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое и левое – 3 см. Абзацный отступ – 0,5 см. Шрифт: Times New Roman, размер – 14 пунктов, аннотация, список литературы – 12 пт, межстрочный интервал – полуторный. Нумерация страниц – справа внизу страницы.

Статья должна состоять из следующих элементов: названию статьи должен предшествовать индекс универсальной десятичной классификации (УДК) в левом верхнем углу. Далее через 1 интервал – название статьи жирным шрифтом заглавными буквами, название должно быть по возможности кратким, точно отражающим содержание статьи. Точка в конце названия статьи не ставится. Сведения об авторе (имя, отчество, фамилия автора (-ов) полностью; ученая степень и звание; место работы: вуз, факультет, кафедра; должность; электронный адрес и контактные телефоны). Аннотация (объемом 6–8 строк) на русском и английском языках, перед ней – название статьи и фамилия (-ии) автора (-ов) также на двух языках; ключевые слова от 3 до 8 слов (или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) также на двух языках. Все перечисленные элементы статьи отделяются друг от друга пустой строкой и печатаются без абзацного отступа через 1 интервал.

Основной материал статьи и цитат, приводимых в статье, должен быть тщательно выверен автором. Сокращения слов не допускается, кроме общепринятых сокращений химических и математических величин и терминов. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

Список литературы, примечания, комментарии и пояснения по тексту статьи даются в виде концевых сносок. Список литературы должен быть напечатан через одинарный интервал, на отдельном листе. Цитируемая в статье литература (автор, название, место, издательство, год из-

дания и страницы (от и до или количество)) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи (сначала отечественные, затем зарубежные. Фамилии иностранных авторов приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи ссылка на источник делается путем указания в квадратных скобках порядкового номера цитируемой книги или статьи, через точку с запятой – цитируемых страниц, если это необходимо. В книгах иностранных авторов, изданных на русском языке, после заглавия книги через двоеточие указывают, с какого языка сделан перевод. Выходные данные по статьям из журналов и сборников указывают в следующем порядке: фамилия (-ии) автора (-ов) с инициалами, название статьи, через две косые черты – название журнала (год, том, номер, страницы (от и до) или сборника (место издания, год, страницы (от и до))). По авторефератам – фамилия, инициалы, полное название автореферата, после которого ставят двоеточие и указывают, на соискание какой степени и в какой области науки защищена диссертация, место издания, год, страницы.

Таблицы – каждая печатается на отдельной странице, нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте и снабжается заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word (формат .doc). В тексте следует указать место таблицы и ее порядковый номер.

Иллюстрации (рисунки, фотографии, схемы, диаграммы) нумеруются, снабжаются подписями и представляются в виде отдельных растровых файлов (в формате .tif, .jpeg), а в тексте рукописи указывается место, где они должны быть размещены. Для оригиналов (бумажная версия) на обороте каждой иллюстрации ставится номер рисунка, фамилия автора и пометка «верх», «низ». Каждый рисунок должен иметь название и объяснение всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под ним. В тексте статьи должна быть ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 1).

Статьи, поступившие в редакцию, обязательно рецензируются. Если у рецензентов возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений в текст, не искажающих смысла статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала.

CONTENTS

HISTORY

Ganelin R. Sh., St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Science (Saint Petersburg, Russian Federation)

MILITARY HEADQUARTERS OF KARELIAN FRONT

Summary: The article is concerned with the intelligence activity and combat propaganda executed by the military headquarters of Karelian front in 1941–1945 in German and Finish troops. Special attention is paid to the participation of some Leningrad and Moscow philologists and humanitarians who later became internationally renowned for their contribution to world science. The article is predominantly based on their recollections and memoirs valuable as historical sources due to the authors' qualification.

Key words: The Seventh department, Belomorsk, I. M. D'yakonov, E. G. Etkind, D. P. Pritsker, Yu. V. Andropov, A. S. Shcherbakov, G. N. Kupriyanov..... 7

Khristoforov V. S., Institute of Russian History, Russian Academy of Science (Moscow, Russian Federation)

MILITARY COOPERATION OF GERMANY AND FINLAND IN 1940–1941

Summary: The stature of military cooperation between Germany and Finland on the eve of the Great Patriotic War and causes of the war are analysed in the article. The paper is based on a vast variety of sources coming from the state and particular agency archives. Most of the sources are introduced for the first time.

Key words: Finland, Germany, military cooperation, Soviet intelligence 12

Yegorov A. N., Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation)

LIBERAL'S IMAGE IN CONSERVATIVE POLITICAL JOURNALISM OF RUSSIAN EMPIRE AT TURN OF XX CENTURY

Summary: The article is concerned with the process of a liberal's image development in conservative circles of imperial Russia in the early XXth century. Examples of social and political journalism by I. Ya. Gurland, the head of the government newspaper "Rossiya", as well as of other right-wing representatives are analysed. The use of various techniques to discredit Russian liberalism is considered.

Key words: Liberalism, conservatism, political journalism, government press, image of a liberal. 17

Kilin Yu. M., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

SOVIET-FINNISH WAR 1939–1940 AND RED ARMY'S LOSSES

Summary: The 105-day long Soviet-Finnish War (30 Nov. 1939–13 Mar. 1940) was one of the largest local wars waged in the XXth century. Its frontline stretched from the Barents Sea to the Gulf of Finland, exceeding 1 400 kilometers, and approximately one fourth of the Red Army's whole battle strength was engaged in the war. By the end of the military conflict exactly 60 infantry and cavalry divisions of various types were massed on the front, providing the Red Army with an overwhelming numerical superiority over the Finnish Army, whose battle strength did not exceed 300 000 soldiers. Shortly before the outbreak of the fighting, the Red Army deployed assault troops of roughly 450 000 men on the border territories, all in all, 21 infantry divisions. These forces were massively strengthened in January – March, 1940 by 39 infantry and cavalry divisions speedily dispatched to the front, raising the battle strength of the Soviet troops to a so far (after the Russian Civil War) unprecedented one million man army, to say nothing about its technical superiority counted in tens (combat aircraft) and hundreds (armoured combat vehicles). The Red Army suffered exceptionally heavy losses in comparison to the casualties sustained by the seized territories during the Winter War. The Red Army's principal battles had been fought in extremely severe long-lasting frosts, in many cases at forty degree below zero Centigrade. The author of this article estimates that the total irretrievable losses of the Red Army during the Soviet-Finnish war amounted to 138 533 men.

Key words: Soviet-Finnish, Russo-Finnish, Winter War 1939–1940, Red Army's losses in the Winter War 21

Kuzivanova O. Yu., Komi Republican Academy of State Service and Administration (Syktyvkar, Russian Federation)

SYMBOLIC RESOURCES OF ETHNICITY (CASE STUDY OF THE KOMI PEOPLE)

Summary: Based on methodological foundation of the system nature of ethnicity, ethnic symbolic resources reflected in the regional political culture of the Komi Republic are considered. The future of the ethnic culture largely depends on the congruence between traditional ethnic symbols and cultural symbols of the epoch.

Key words: Ethnicity, system approach, symbolic resources, ethnic symbols in politics 25

Chernyakova I. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation), University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

LOCAL KARELIAN PARISH COMMUNITY AS OBJECT FOR SOCIAL AND DEMOGRAPHIC RESEARCH: YALGUBA AREA IN CONTEXT OF XIX CENTURY ARCHIVAL QUANTITATIVE DOCUMENTARY SOURCES

Summary: The author's attention is focused on the archival historical documentary sources of mass character – metric books, minutes of soul revisions, confessional lists. A complex comparative analysis of the information concerning South Karelian parish territory enabled us to collect verifiable demographical data. On the example of Yalguba local community a traditional network of settlements have been examined. The initial complexities of administrative subordination and inner oscillatory development, quantitative characteristics of the population in different times, and instability of growing processes have been discovered. This publication represents the first part of the article, which will be continued in the next issue.

Key words: Local history, church parish community, archival sources of mass character, historical demography, network of settlements, quantitative characteristics of territorial population 30

Popova J. N., St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (Saint. Petersburg, Russian Federation)
LEGEND AS SOURCE OF PEOPLE'S HISTORICAL MEMORY: CASE STUDY OF OLONETS PROVINCE

Summary: The article deals with the problem of people's historical memory on the example of the accounts about Peter the First. The accounts were collected in Olonets Province before 1917. The main purpose of the author is to show how historical legends accumulate perceptions of heroic events of the Russian past. The author focuses on the outstanding leaders of Russian history and their achievements, which later served as value development patterns for people. In the context of this problem, the article looks at the oral folklore as a new historical source, which enables us to see history through the eyes of contemporaries and understand people's perception of the world, system of values, and specific features of their mentality. The work confirmed the theory of "saving illusion", introduced by V. V. Trepavlov.

Key words: Historical memory, legends, accumulation of perceptions, value development patterns, Olonets province, historical realities, official and unofficial history, historical figure. 36

PEDAGOGICS

Reger T. V., Smolensk State University (Smolensk, Russian Federation)
PEDAGOGICAL SUPPORT OF STUDENTS IN INFORMATION SPACE DURING EDUCATION TARGETING VALUE-BASED RELATIONS

Summary: The necessity of pedagogical support provision to students in the information space is substantiated in the article. The author defines the tasks, principles, and stages of the system realization targeting pedagogical support of students in the information space. Research results on the system implementation in the process of internalizing value-based relations are presented.

Key words: Pedagogical support, information field, information technologies, education of value relations. 39

POLITICAL SCIENCE. SOCIAL SCIENCE

Shlaepko E. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
NORDIC REGIONALISM: BACKGROUND AND DEVELOPMENT

Summary: The article is concerned with characteristic features of integration processes in Norway, Sweden, and Finland in order to understand the role played by the regions in cross-border cooperation. Regionalization of Nordic countries, united by the idea of «new Northern Europe», is considered a key factor of foreign economic and political strategy.

Key words: North Europe, regionalism, interregional cooperation, regional policy, administrative reforms. 42

Bazanov V. A., Kaluga State University (Kaluga, Russian Federation), Ludwig-Maximilians-University (Munich, Federal Republic of Germany)

SOCIO-CULTURAL AND HISTORICAL FACTORS OF RUSSIAN-SPEAKING MIGRANT COMMUNITIES' DEVELOPMENT

Summary: Different approaches to periodization of emigration from the Russian Empire, the Soviet Union, and Russia are compared. Particular attention is paid to the cultural identity of the emigrants with different background and from different time periods. Based on the analysis the author concludes that there are two cultural groups of migrants. Such division is a result of different cultural and social background and terms of departure.

Key words: Migration, migration waves, «the Russian world», compatriots, culture. 45

PHILOLOGY

Makarova E. N., Ural State University (Yekaterinburg, Russian Federation), Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation)

TYPES OF INFORMATIONAL FOCUS IN ENGLISH UTTERANCE AND DIFFICULTIES IN ITS EXPRESSION IN NON-NATIVE SPEECH

Summary: The article deals with the notion of «informational focus» in the English language, including «broad focus» and «narrow focus», as well as with multiple linguistic means of its expression. The main results of the phonetic experiment targeting focus realization in the English speech of Spanish-speaking bilinguals, studying English as a second language, are presented.

Key words: Informational focus, broad focus, narrow focus, sentence nucleus. 49

Novak M. O., Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russian Federation)

GENRE SPECIFICITY OF ANCIENT SLAVIC TRANSLATION OF ACTS AND ITS' LINGUISTIC IDENTIFIERS

Summary: The article focuses on genre characteristics of the Old Church Slavonic translation of the book of Acts through representation of the word-building units. The genre difference of the book of Acts and Epistles based on noun derivatives' distribution and similarities of the book of Acts and the Gospel are discussed.

Key words: OCS version of Acts and Epistles, genre, style, word-building, nouns. 53

Varlamov A. N., Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation)

WAS IT WORTH TO SCARE AWAY BIRDS OR PRISHVIN IN KARELIA

Summary: The article is concerned with the "northern experience" of Mikhail Prishvin reflected in his biography, diary, and fiction. The evolution of Prishvin's perception of the world is traced in the context of tragic events of Russian history.

Key words: Prishvin, Karelia, Solovky, orthodoxy, White Sea-Baltic Canal, GULAG, V. Rasputin. 58

Zhirkova M. A., Leningrad State University named after A. S. Pushkin (Saint Petersburg, Russian Federation)

AUTHOR AND HIS POETRY CHARACTERS IN SASHA CHERNY'S COLLECTION OF POETRY "CHILDREN'S ISLAND"

Summary: The book of poems for children by Sasha Cherny «Children's Island» is analysed in the article. The first part of the book, which transfers the atmosphere of the whole book and creates an image of a happy childhood, is under consideration. The images of the author and of a child are in the centre of the analysis. The main theme and the subject of the author's poems – the process of child's play – form the basis of the plot. A child in Sasha Cherny's poetry is the main object of his world

Key words: Sasha Cherny, poet, image, point of view, humor, irony, sentimentality, idyll 68

Zakharchenko S. O., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

GOGOL ON CORFU

Summary: Some letters of St. Macarius and St. Ambrose of Optina tell of a miracle, which happened in close proximity to the relics of St. Spyridon, Bishop of Trimythus. This miracle is associated with the name of the great Russian writer Nikolai Vasilievich Gogol. Gogol's correspondence helps to specify the date of the writer's stay in Corfu.

Key words: Gogol, Corfu, relics of St. Spyridon of Trimythus, epistolary legacy 72

PHILOSOPHY

Ganina S. A., Russian New University (Orekhovo-Zuevo, Russian Federation)

PROBLEMS OF INTER-GENERATIONAL RELATIONSHIPS IN RUSSIAN CULTURAL TRADITION: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Summary: Evolution of the cultural-historical forms of inter-generational relationships is analysed in the article. Particular attention is given to the problem of family relationships between parents and children on the example of the history of the Russian society. The aspect of complex regulation of the inter-generational relationships, including state, religious, and family guidance established during cultural-historical development of the society is considered.

Key words: Phenomenon of the childhood, right of the child, family, relationships between generations in the family 75

Pchelina O. V., Mari State Technical University (Ioshkar Ola, Russian Federation), Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russian Federation)

"GRYADUSHCHY HAM" AND "OKAYANNYE DNI": MEREZHKOVSKY AND BUNIN ABOUT PERSONAL AND SOCIAL ASPECTS

Summary: The article deals with the analysis of D. Merezhkovsky's work "Gryadushchy Ham (The Forthcoming Boor)" and I. Bunin's work "Okayannye dni (Damned Days)", which reflect the authors' opinion on revolutionary events. The works can be viewed as documentary evidences of the epoch and sources for understanding social actions and ideas about fortunes of Russia in the XIXth century.

Key words: "Gryadushchy Ham (The Forthcoming Boor)", "Okayannye dni (Damned days)", social catastrophe, religious revolution, intelligentsia 79

ECONOMICS

Vochozka M., Institute of Technology and Business (Ceske Budejovice, Czech Republic)

ECONOMIC VALUE-ADDED AND ITS INFORMATION VALUE FOR SHAREHOLDERS

Summary: The economic value-added index (further EVA) is rated as one of the key indicators of the company's achievement on the market. Nevertheless, several forms of its calculation are listed in literature. The problem is rooted in similar interpretation of different EVA calculation methods even though different categories of profit and sums of capital (total capital, invested capital or equity) are taken into account. The analysis of some EVA calculation methods and their impact on the interpretation of the EVA indicator in practice are provided. Information value of the chosen EVA calculation methods is demonstrated on the example of ČSAD Jihotrans company.

Key words: Economic value-added, weighted average cost of capital, profit 84

Maltseva E. S., Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel, Russian Federation)

COMMUTERS' LABOR POTENTIAL: CURRENT STATE AND PROBLEMS OF REALIZATION

Summary: The article considers a problem of migrant workers' labor potential in Orel region – the typical constituent entity of the Russian Federation. Results of the conducted opinion poll are presented. Factors influencing employment behavior of migrant workers and quality of their labor potential are revealed.

Key words: Human resources, migrant workers, labor market, region, opinion poll 88

Pin'kovetskaya Yu. S., Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russian Federation)

STRATEGY OF SMALL BUSINESS DEVELOPMENT IN RUSSIAN FEDERATION

Summary: Common laws and tendencies of the small business development are examined. The basic problems to be solved for the improvement of this sector of the economy are identified. Methodological approaches and instruments facilitative in the analysis of the small business state are provided: regression models, production functions.

Key words: Strategy, small business, turnover, quantity of employees, investments 93

Selyutina O. G., Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel, Russian Federation)

COMPLEX ASSESSMENT METHOD OF INTERBANK COMPETITION FACTOR AT REGIONAL LEVEL

Summary: The assessment problem of the banks' competition factor is considered in the article. Key figures demonstrating provision of the Central Federal District (with exception of Moscow and Moscow region) with banking accommodations

are provided. A method instrumental in the assessment of the banks' competition level and helpful in the promotion of optimal administrative decisions is offered.

Key words: Interbank competition, regions of the Central Federal District, correlation matrix of indexes, economical-mathematical model, methods of Integral Evaluation of Banks Activity. 97

LEGAL STUDIES

Voropanov V. A., Chelyabinsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Chelyabinsk, Russian Federation)

SPECIFICITY OF COURT ORGANIZATION FOR POPULATION OF URAL MOUNTAIN DISTRICTS AND WESTERN SIBERIA IN FIRST HALF XIX CENTURY

Summary: Characteristic features of the court formation and activity in mountainous districts of Ural and Western Siberia are analysed.

Key words: Judicial right, legal procedure, Russian empire of the XIX century. 100

Efimova V. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

GOVERNOR GENERAL S. I. MINITSKY AND BONDED PEASANTS OF OLONETS PROVINCE

Summary: The article examines the role of S. I. Minitsky, Governor General of Archangelsk, Vologda and Olonets Provinces (1823–1830), in drafting a project aimed at changing the status of bonded peasants 'ascribed' to Olonets mining enterprises.

Key words: Governor General, confrontation between Olonets Province administration and Olonets mining administration, bonded peasants. 105

REVIEWS

Linnik Yu. V., Karelian State Pedagogical Academy (Petrozavodsk, Russian Federation)

The book review: *Kondrat'ev I. V. In Search of Unfabled Sampo*. 111

Yuntunen A., Finnish National Defence University (Helsinki, Finland)

The book review: *Nachtigal, Reinhard. Die Murmanbahn. Die Verkehrsbindung eines kriegswichtigen Hafens und das Arbeitspotential der Kriegsgefangenen (1915 bis 1918); Nachtigal, Reinhard. Die Murmanbahn 1915–1919. Kriegsnotwendigkeit und Wirtschaftintressen; Golubev A. A. History of Murmansk Railway Construction*. 113

DISCUSSIONS

Revaikin A. S., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

About property. 115

JUBILATION

To the 60th Birthday Anniversary of A. E. Kunil'skiy. 118

SCIENTIFIC INFORMATION. 119

INFO FOR THE AUTHORS. 120